

Предисловие / Predgovor

В книге я совместил оригинальный текст с русским переводом, сделав последний приближенным к дословному. Для этого были внесены изменения в литературный перевод, т.к. двуязычная книга должна помогать учить язык. Словарь составлен из тех слов, которые вызвали у меня затруднения. Классификация слов также моя.

Наслаждайтесь. Сергей Гузенков

Zima je, sneg zameo sve do kućnih vrata i svemu oduzeo stvami oblik, a dao jednu boju i jedan vid. Pod tom belinom iščezlo je i malo groblje na kom samo najviši krstovi vrhom vire iz dubokog snega. Jedino tu se vide tragovi uske *staze* kroz celac sneg; staza je poprćena juče za vreme fra-Petrovog pogreba. Na kraju te staze tanka *pruga* prtine širi se u nepravilan krug, a sneg oko nje ima rumenu boju raskvašene *ilovače*, i sve to izgleda kao sveža rana u opštoj belini koja se proteže do unedogled i gubi neprimetno u sivoj pustinji neba još uvek punog snega.

Sve se to vidi sa prozora fra-Petrove ćelije. Belina spoljnjeg sveta tu se meša sa dremljivom *senkom* koja vlada u ćeliji, a tišina dobro druguje sa tihim šumom njegovih mnogobrojnih časovnika koji još rade, dok su se neki, nenavijeni, već zaustavili. Tišinu remeti jedino prigušena prepirka dvojice *fratara* koji u susednoj praznoj ćeliji sastavljaju inventar stvari koje su ostale iza fra-Petra.

Stari fratar Mijo Josić *gunda* nešto nerazumljivo. To je odjek njegovih davnašnjih prepirki sa pokojnim fra-Petrom, koji je kao "čuven sahačija, puškar i mehanik" strasno sabirao *svakakav alat*, trošeći na njega manastirske novce, ljubomorno ga čuvao od svakoga. Zatim glasno grdi mladog fra-Rastislava, koji predlaže da se naloži peć i da se popis ne vrši u hladnoj sobi.

- Jadna ti mladost! Svi ste vi mladi takvi, zimljivi kao hanumice. Treba ti topla soba! Kao da je malo loženo i potrošeno ove zime!

Tu se starac valjda priseti da time čini prekor pokojniku, nad kojim se još ni zemlja nije slegla, i začuta, ali odmah nastavi da kara mladića.

- Kažem ja uvijek: nisi ti Rastislav, nego Raspislav! Ni ime ti, bolan, na

Зима. Снегу намело до самого порога, он изменил обычный облик вещей и придал всему один цвет и одну форму. В снегу утонуло и маленькое кладбище – лишь кое-где торчат из сугробов верхушки самых высоких крестов. На снежной пелене видна узкая тропинка, ее протоптали вчера на похоронах фра Петара. В конце стежка расширяется в неправильный круг, и снег там розовый от намокшей глины. Место это похоже на свежую рану среди однообразной белизны, которая тянется куда-то в бесконечность и незаметно исчезает, сливаясь с серой пустыней неба, по-прежнему затянутого снеговыми тучами.

Все это видно из окна кельи фра Петара. Белизна внешнего мира смешивается с дремотным полумраком комнаты, а тишина хорошо сочетается с тихим, размеренным тиканьем множества часов, которые все еще идут, тогда как другие, незаведенные, уже остановились. Тишину нарушает лишь приглушенное препирательство двух монахов, которые, сидя в соседней пустой келье, составляют опись вещей, оставшихся после фра Петара.

Старый монах Мийо Йосич бормочет что-то неразборчивое. Его ворчание – отголосок былой распри с покойным фра Петаром, «знаменитым часовщиком, оружейником и механиком», который со страстью собирал всякие инструменты, расходуя на то монастырские деньги, и ревниво охранял от посторонних. Потом старик громко попрекает молодого фра Растислава – тот уже несколько раз предлагал протопить печь и не мерзнуть в холодной комнате.

– Одно горе с этой молодежью! Все вы неженки, зябнете, ровно барышни. Теплую комнату тебе подавай! Мало мы в эту зиму топили и дров сожгли!

Тут старик, вероятно, спохватился, что тем самым он как бы укоряет и покойника, над которым еще земля не успела слежаться, и замолчал, но почти сразу же снова разворчался:

– Всегда я тебе говорил: не Растислав ты, а Мотайслав. Даже имя

dobro ne sluti. Dok su se fratri zvali fra-Marko, fra-Mijo, fra-Ivo - i bio je dobri vakat, a vi sada uzimate neka imena iz romana, odakle li, te fra Rastislav, te fra Vojislav, te fra Branimir. Tako nam i jest.

Mladi fratar odmahuje rukom na te dosetke i prekore koje je sto puta čuo i koje će morati još bogzna dokle slušati. A posao se nastavlja.

Ljudi koji popisuju zaostavštinu iza pokojnika koji je još pre dva dana bio tu, živ kao što su i oni sada, imaju neki *naročit* izgled. Oni su predstavnici pobjedničkog života koji ide svojim putem, za svojim potrebama. Nisu to lepi pobjednici. Sva im je zasluga u tom što su nadživeli pokojnika. I kad ih čovek ovako sa strane posmatra, izgledaju mu pomalo kao otimači, ali otimači kojima je osigurana nekažnjivost i koji znaju da se sopstvenik ne može vratiti ni iznenaditi ih na poslu. Nisu sasvim to, ali po nečem na to podsećaju.

- Piši dalje - čuje se opori glas starog fratra - piši: "Jedna kliješta velika, kreševska. Jedna."

I sve tako redom, alatka po alatka, a na kraju svake rečenice zapisani predmet tupo jekne, bačen na gomilu grubo ispreturanog alata, koji leži na malom hrastovom strugu pokojnog fra-Petra.

Kad ih čovek tako gleda i sluša, sve se u njemu i nehotice okreće od života ka smrti, od onih koji broje i prisvajaju ka onom koji je sve izgubio i kome više ništa i ne treba, jer ni njega nema.

Sve do pre tri dana na tom širokom minderluku sa koga je već nestalo dušeka i prostirke a ostale samo gole daske, ležao je ili čak sedeo fra Petar i - pričao. I sada, dok gleda njegov grob u snegu, *mladić* u stvari misli na njegova pričanja. I sve bi hteo, i po treći i po četvrti put, da kaže kako je lepo umeo da priča. Ali to se ne može kazati.

Poslednjih nedelja mnogo i često je pričao o svome nekadašnjem

твое не обещает ничего хорошего. Пока монахов звали попросту – фра Марко, фра Мийо, фра Иво, – добрые были времена, а нынче берете себе имена из романов, что ли, всякие там фра Растиславы, фра Воиславы, фра Бранимиры. Вот и получается...

Молодой монах пропускает мимо ушей это брюзжание и укоры, – ведь он слышал их сотню раз и должен будет слушать еще бог знает сколько. Работа продолжается.

У людей, описывающих имущество усопшего, который два дня тому назад был здесь, живой, как они сейчас, особенный вид. Они – представители победоносной жизни, которая идет своим чередом, сообразуясь со своими нуждами. Однако это отнюдь не доблестные победители. Вся их заслуга в том, что они пережили покойника. И если взглянуть со стороны, то они чем-то напоминают грабителей, уверенных в своей безнаказанности и знающих, что владелец не может вернуться и застать их на месте преступления. Сравнение, может быть, не совсем точно, но что-то похожее происходит.

– Пиши дальше, – слышится грубый голос старого монаха, – пиши: «Одни клещи большие. Одни».

И так по порядку, инструмент за инструментом, и в конце каждой фразы записанный предмет глухо брякает о другие инструменты, набросанные кучей на небольшом дубовом верстаке покойного фра Петара.

Стоит посмотреть на монахов и послушать, как мысли невольно переходят от жизни к смерти – от тех, кто сейчас что-то пересчитывает и прибирает к рукам, – к тому, кто потерял все и кому больше ничего не надо, потому что не стало его самого.

А три дня тому назад на широком ложе, где нынче нет ни тюфяка, ни простыни и остались одни голые доски, лежал или даже сидел фра Петар и говорил. И теперь, глядя на засыпанную снегом могилу, юноша вспоминает его рассказы и уже третий или четвертый раз порывается завести разговор о том, как прекрасно покойный умел рассказывать. Но об этом нельзя говорить.

В последние недели фра Петар много и часто вспоминал о своей

boravku u *Carigradu*. To je bilo davno. Zbog svojih teških i zamršenih poslova fratri su poslali u *Stambol* fra-Tadiju Ostojića, eksdefinitora, eksgvardijana ("Sav bijaše od nekih eksova!"), čoveka spora i dostojanstvena i zaljubljenog u tu svoju sporost i svoje dostojanstvo. Taj je znao da govori turski (sporo i dostojanstveno), ali ne i da čita i piše. Stoga su mu za pratioca dali fra-Petra kao čoveka vešta turskom pismu.

Nepunu godinu dana su ostali u Carigradu, potrošili su sve što su poneli, još se zadužili, i ništa svršili nisu. Sve zbog nezgode koja je zadesila fra-Petra ni kriva ni dužna, ludim sticajem okolnosti, u mutnom vremenu kad vlast prestane da razaznaje pravog od krivog.

Nekako ubrzo po njihovom dolasku desilo se da je policija uhvatila neko pismo upućeno austrijskom internunciju u Carigradu. To je bila opšima predstava o stanju crkve u Albaniji, o proganjanju sveštenika i vernika. Pismonoša je uspeo da pobjegne. Kako u to vreme nije bilo drugih fratara koji su iz tih krajeva stigli u Carigrad, turska policija je po nekoj svojoj logici uhapsila fra-Petra. Dva meseca je ostao u zatvoru "pod *istragom*" a da ga niko nije čestito saslušao.

O ta dva meseca, provedena u stambolskom istražnom *zatvoru*, fra Petar je pričao više i lepše nego o svemu ostalom. Pričao je na prekide, u odlomcima, kako može da priča teško bolestan čovek koji se trudi da sabesedniku ne pokaže ni svoje fizičke bolove ni svoju čestu misao na blisku smrt. Ti *odlomci* se nisu uvek nastavljali tačno i redovno jedan na drugi. Često bi, nastavljajući pričanje, ponavljao ono što je već jednom rekao, a često bi opet otišao napred, preskočivši dobar deo vremena. Pričao je kao čovek za kog vreme nema više značenja i koji stoga ni u tuđem životu ne pridaje vremenu ni redovnom toku vremena neku važnost. Njegova priča mogla je da se prekida, nastavlja, ponavlja, da kazuje stvari unapred, da se vraća unazad, da se posle svršetka do-

жизни в Стамбуле. Это было очень давно. По каким-то своим трудным и запутанным делам монахи послали в Стамбул фра Тадью Остоича, экс-иеромонаха и экс-настоятеля («Весь он состоял из разных «эксов»), человека медлительного и полного достоинства, влюбленного в свою медлительность и достоинство. Он говорил по-турецки (тоже медлительно и с достоинством), но читать и писать не умел. Поэтому в сопровождающие ему дали фра Петара, человека, сведущего в турецкой грамоте.

Они пробыли в Стамбуле около года, истратили взятые с собой деньги, задолжали, но ничего не сделали. И все из-за несчастья, которое постигло ни сном ни духом не виноватого фра Петара в результате глупого стечения обстоятельств в то смутное время, когда власти перестают отличать правого от виноватого.

Случилось так, что вскоре после их приезда полиция перехватила письмо, адресованное австрийскому церковному представителю в Стамбуле. В обширном донесении говорилось о положении церкви в Албании, о гонениях на священников и верующих. Человеку, доставившему письмо, удалось бежать. Так как в Стамбуле в ту пору не оказалось никаких других монахов из подвластных краев, турецкая полиция, руководствуясь своей логикой, арестовала фра Петара. Два месяца он просидел в тюрьме «под следствием», хотя его даже и не допросили по-настоящему.

О двух месяцах, проведенных в стамбульской следственной тюрьме, фра Петар рассказывал больше и интереснее, чем обо всем прочем. Рассказывал он не по порядку, отрывочно, как говорят тяжелобольные, которые стараются скрыть от собеседника и свои физические страдания, и постоянные мысли о близкой смерти. Отрывки не всегда складывались в связное повествование. Часто, продолжая начатый рассказ, старик повторял то, что уже говорил, или забегал далеко вперед, пропуская немалый отрезок времени. Он говорил так, словно время для него потеряло всякий смысл, а поэтому и в чужой жизни он не придает ему и его обычному ходу никакого значения. Его рассказ прерывался, возобновлялся,

punjava, objašnjava i širi, bez obzira na mesto, vreme i stvarni, stvarno i zauvek utvrđeni tok događaja.

Naravno da je pri takvom načinu pričanja ostalo dosta praznina i neobjašnjenih mesta, a mladiću je bilo nezgodno da prekida pričanje, da se vraća na njih i postavlja pitanja. Najbolje je ipak pustiti čoveka da priča slobodno.

To je *čitava varošica* od zatvorenika i stražara koju Levantinci i *mornari* raznih narodnosti nazivaju Deposito, a koja je poznatija pod imenom Pročeta avlija, kako je zove narod a pogotovu svi oni koji sa njom imaju ma kakve veze. Tu dolazi i tuda prolazi sve što se svakodnevno pritvara i apsi u ovom prostranom i mnogoljudnom gradu, po *krivici* ili pod sumnjom krivice, a krivice ovde ima zaista mnogo i svakojake, i sumnja ide daleko i zahvata u širinu i u dubinu. Jer, carigradska policija se drži osveštanog načela da je lakše nevinu čoveka pustiti iz avlije nego za krivcem tragati po carigradskim budžacima. Tu se vrši veliko i sporo odabiranje poapšenih. Jedni se ispituju za suđenje, drugi tu odleže svoju kratkotrajnu kaznu ili, ako se baš vidi da nisu krivi, bivaju pušteni, treći se upućuju u progonstvo u udaljene krajeve. A to je i veliki rezervoar iz kog policija probira lažne svedoke, "mamce" i provokatore za svoje potrebe. - Tako Avlija neprestano rešeta šarenu *gomilu* svojih stanovnika, i, uvek puna, stalno se puni i prazni.

Tu ima sitnih i krupnih prestupnika, od dečaka koji je ukrao sa tezge grozd ili smokvu do svetskih varalica i opasnih obijača; ima nevinih i nabeđenih, maloumnih i izgubljenih, ili omaškom dovedenih ljudi iz

повторялся, делал скачки вперед, возвращался назад, а закончившись, начинал обрастать новыми, более подробными толкованиями, причем все это без учета места, времени и действительного, раз навсегда установленного течения событий.

Конечно, при такой манере повествования оставалось много пропусков и неясностей, а юноше неудобно было прерывать рассказ или потом задавать вопросы. Самое лучшее – дать человеку говорить свободно.

I

Это целый городок, населенный арестантами и охраной, который жители Ближнего Востока и моряки всех национальностей называют «Deposito», хотя больше он известен под именем «Проклятый двор», как окрестили его простые люди и те, кто так или иначе с ним связан. Сюда приводят и действительно виновных, и тех, кого подозревают в преступлении, – всех, кого полиция ежедневно арестовывает и задерживает в большом многолюдном городе, где преступлений, и притом самых различных, в самом деле немало, а подозрения возникают ежечасно и заходят далеко вширь и вглубь. Стамбульская полиция придерживается освященного временем принципа: легче выпустить невинного из Проклятого двора, чем гоняться за преступником по всяким трущобам. Медленно и неторопливо производится здесь своеобразная сортировка арестованных. Одни состоят под следствием, другие отбывают краткосрочное наказание или, если их невинность становится очевидной, выходят на волю, третьих отправляют на каторгу в отдаленные края. В то же время это огромный резервуар, из которого полиция черпает лжесвидетелей, подставных лиц, провокаторов. Словом, двор непрерывно просеивает пеструю толпу своих обитателей и никогда не пустует, так как убыль неизменно пополняется.

Тут есть и мелкие и крупные преступники, начиная от мальчонки, стащившего с лотка гроздь винограда или смokvu, и кончая известными авантюристами и опасными грабителями, есть здесь и

Carigrada i iz cele zemlje. Pretežnu većinu sačinjavaju carigradski apsenici, pravi izbor najgoreg od najgoreg što gamiže po carigradskim pristaništima i trgovima ili se zavlači po jazbinama na periferiji grada. Obijači, secikese, kockari od zanata; krupne varalice i ucenjivači; sirotinja koja krade i vara da bi živela; pijanice, vesela braća koja zaboravljaju da popijeno plate ili mehanski razbijači i ukoljice; bleđi i potuljeni jadnici koji od opojnih droga traže ono što od života nisu mogli da dobiju i zato uživaju hašiš, puše ili jedu opijum, i ne zaustavljaju se ni pred čim, samo da bi došli do otrova bez kog ne mogu; nepopravljivi poročni starci i nepopravljivo porokom upropašćeni mladići; ljudi sa svakojakim izvitoperenim nagonima i navikama koje ne kriju i ne ulepšavaju nego ih često izlažu svetu na vidik, a i kad ih kriju sakriti ih ne mogu, jer progovaraju na svakom koraku kroz njihova dela.

Ima višestrukih ubica i takvih koji su već nekoliko puta bežali sa robije i zbog toga su okovani već ovde, pre suda, i osude, oni izazivački zvekeću svojim okovima, psujući besno i gvožđe i onog ko je lance izumeo.

Tu pristižu i svi oni koji su upućeni po kazni, kao prognanici, iz zapadnih pokrajina, i ovde se rešava njihova sudbina: ili se, pomoću carigradskih veza i zaštitnika, oslobađaju i vraćaju kući ili bivaju upućeni u mesto svoga zatočenja u Maloj Aziji ili Africi. To su takozvani "prolaznici", obično stariji, u svom kraju ugledniji ljudi, predstavnici pojedinih vera ili grupa, zapleteni u trvenja i sukobe tamo negde u svojoj zemlji i optuženi od vlasti ili oklevetani od svojih protivnika kao politički krivci ili buntovnici. Oni donose pune sanduke i bisage odela i stvari, i s mukom se brane od carigradskih šatrovaca sa kojima moraju da dele ćeliju. Zabrinuti i povučeni, drže se po strani koliko god mogu.

невинные и оклеветанные, слабоумные и сбившиеся с пути или взятые по ошибке, – люди из Стамбула и со всей страны. Большинство арестованных составляют местные жители, подонки из подонков, что снуют по стамбульским пристаням и площадям или ютятся в притонах на окраинах города: взломщики, карманники, профессиональные картежники, крупные мошенники и вымогатели; бедняки, ворующие ради куска хлеба; пьяницы, веселый народ, забывающий платить за вино, или трактирные дебоширы, скандалисты; бледные жалкие горемыки, которые, надеясь в наркотиках найти то, чего не дала им жизнь, употребляют гашиш, курят или жуют опиум и не останавливаются ни перед чем, чтобы раздобыть отраву, без которой не могут жить; непоправимо порочные старики и непоправимо загубленные пороком юноши; люди со всякими извращениями, которых они не скрывают и не приукрашивают, а зачастую выставляют напоказ, когда же скрывают – скрыть не могут, так как порок сквозит в любом их поступке.

Есть здесь и убийцы-рецидивисты, и такие, что по несколько раз убегали с каторги, и поэтому еще до суда и приговора они закованы в цепи и вызывающе гремят ими, яростно понося кандалы и тех, кто их выдумал.

Сюда доставляют людей, следующих на каторгу, из западных областей, здесь окончательно решается их судьба: или с помощью стамбульских связей и защитников они выходят на свободу и возвращаются восвояси, или же их переправляют в дальние места заключения – в Малую Азию или Африку. Так называемые пересыльные – обычно уже немолодые, уважаемые у себя на родине люди, представители различных вероисповеданий или политических группировок, вовлеченные в какие-либо интриги и конфликты где-то там, в родном краю, и обвиненные властями или оклеветанные своими противниками как политические преступники и бунтовщики. Они привозят с собой целые сундуки и мешки, набитые одеждой и всяческим скарбом, и с трудом обороняются от

Petnaestak prizemnih ili jednospratnih zgrada, građenih i dograđivanih u toku mnogih godina, povezanih visokim zidom, zatvaraju ogromno, izduženo i strmo dvorište posve nepravilna oblika. Samo ispred zgrade u kojoj su čuvari i kancelarije uprave ima malo kaldrme; sve ostalo je siva i tvrda ugažena zemlja iz koje trava ne stiže ni da nikne, toliko je ljudi od jutra do mraka gazi. A dva-tri uboga i malokrvna drveta, rasturena samo sredinom dvorišta, uvek izranjavljena i oguljena, žive mučeničkim životom, izvan godišnjih doba. To *džombasto* i prostrano dvorište liči preko dana na *vašarište* raznih rasa i naroda. A noću se sva ta gomila sateruje u ćelije, sve po petnaest, dvadeset i trideset njih u jednu. I tu se produžuje bučan i šarolik život. Mirne noći su retke.

Okorele carigradske *propalice*, koje se ne boje stražara i ne zarezuju nikog, pevaju bestidne pesme i dovikuju sramotne ponude svojim dilberima u susednim ćelijama. Nevidljivi ljudi se svađaju zbog mesta i loga; dozivaju u pomoć pokradeni. Neki škripe zubima u snu i uzdišu, neki krkljaju i hrču kao zaklani. Velika ćelija živi tada samo zvukom, kao džungla u tami. Čas se javi neobično kliktanje, čas uzdasi, čas, kao recitativ, dve-tri otegnute reči iz pesme, tužna i jalova zamena svakojakih čulnih želja, čas nerazumljivi glasovi, grleni i teški.

I spolja dopire lupa, jer dvostruka starinska kapija koja se otvara i zatvara sa škripom i grmljavinom prima ili istura noću ljude pojedince ili u skupovima. Noću se odvođe osuđeni na izdržavanje kazne ili u progonstvo. A često posle neke velike tuče u pristaništu dovode

стамбульског жуља, с којим вынуждены сидеть в одной камере. Вечно озабоченные и замкнутые, они, насколько возможно, держатся особняком.

Полтора десятка расположенных на склоне горы одноэтажных и двухэтажных зданий, которые строились и достраивались в течение многих лет и связаны между собой высокой стеной, окружают огромный, вытянутый в длину, неправильной формы двор. Только перед домом, где размещены охрана и канцелярия, двор вымощен; остальная его часть – серая и твердая утрамбованная земля, сквозь которую не может пробиться ни единая травинка, так как с утра до вечера здесь топчутся люди. А два-три убогих худосочных деревца посреди двора с изрезанной и ободранной корой обречены на муку мученическую и даже не чувствуют смены времен года. Этот спускающийся уступами по склону горы обширный двор днем похож на ярмарку – на пестрое сборище племен и народов. Ночью толпу загоняют в камеры – по пятнадцать, двадцать, а то и по тридцать человек. И там продолжается бурная и шумная жизнь. Спокойные ночи здесь редки.

Закоренелые стамбульские подонки, которые не боятся стражников и плюют на все и вся, среди ночи распевают бесстыдные песни и выкрикивают срамные предложения своим возлюбленным в соседних камерах. Невидимые в темноте люди ссорятся из-за места на нарах, вызывают о помощи обкраденные. Одни во сне скрипят зубами и стонут, другие задыхаются и хрипят, словно их режут. Огромные камеры живут только звуками, как джунгли ночью. Слышатся то возгласы, то вздохи, то что-то вроде речитатива – несколько протяжных слов, вырванных из песни, тоскливая и бесплодная попытка выразить чувственные желания, то какие-то непонятные звуки, громкие и гортанные.

А со двора тоже доносится шум: старинные двустворчатые ворота то и дело открываются и закрываются со скрипом и грохотом, принимая или выбрасывая вон людей – поодиночке или целыми партиями. Ночью осужденных отправляют в другие тюрьмы или на

zapenušene, raščupane i okrvavljene Ijude, još vruće od gneva, od alkohola i od primljenih i datih udaraca. Oni reže jedan na drugog, prete, i gledaju, ako mogu, da udare protivnika još jednom, između užurbanih stražara. A kad ih razdvoje i pozatvaraju, oni se još dugo ne smiruju, nego se iz ćelije u ćeliju dozivaju teškim pretnjama i *psovkama*.

Kad svane dan, zdravom i čistom čoveku biva nešto lakše. Samo malo lakše. Sav taj svet povrvi iz zagušljivih ćelija na prostranu avliju i tu se, na suncu, trebi od gamadi, previja rane ili produžuje sa grubim šalama i beskonačnim, ostrim prepirkama i mračnim obračunavanjima. Stvaraju se tihi ili glasni krugovi. Svaki takav krug ima svoje središte. To je neka grupica kockara ili šaljivčina, ili je to jedan jedini čovek koji tiho peva ili recituje masne i smešne pesmice, ili je neko naivno pričalo ili zanesen manijak sa kojim oni iz kruga jevtino i drsko teraju šalu.

Fra Petar pride ponekom od njih i sluša i gleda malo poizdalje. ("Sva je sreća te sam u civilu i niko ne zna ko sam i šta sam!")

Tu, pored njegove zgrade stvara se, u senci, svakog jutra tanak krug oko nekog Zaima. To je omalen i pognut čovek bojažljiva izgleda, koji govori tiho ali sigurno i oduševljeno, a govori uvek o sebi i kazuje sve samo u krupnim potezima. Priča uvek o istoj stvari i toliko je uveličava i umnožava da bi trebalo bar sto pedeset godina života da jedan čovek sve to doživi.

Sunce se tek pomolilo, a razgovor već teče.

- Bogami si ti video sveta, Zaimaga.

- Jesam, ali šta mi to vredi kad sam, evo, postradao i kad su ljudi pogani i ne daju živeti ispravnom čoveku. A jesam prošao mnoga mesta i svuda

каторгу. А часто после очередной драки в порту пригоняют распаленных и растерзанных, окровавленных людей, еще не остывших от ярости, пьяного возбуждения, полученных и нанесенных ударов. Они рычат друг на друга, угрожают, норовят, обманув бдительность стражников, изловчиться и ударить противника еще раз. А когда их растаскивают и рассаживают по камерам, они долго не могут успокоиться, и через стены летят страшные угрозы и брань.

С наступлением дня здоровому и чистому душой человеку становится немного легче. Однако самую малость. Весь этот люд высыпает из вонючих камер на огромный двор, и тут, на солнцепеке, каждый занимается своим делом: ищут вшей, перевязывают раны или продолжают грубо шутить, вести бесконечные злобные ссоры и сводить грязные счета. Образуются тихие и шумные компании. У каждой такой компании свой центр. Иногда это кучка картежников или зубоскалов, иногда единственный человек, тихо напевающий смешные сальные песенки, иногда простодушный болтун или законченный маньяк, над которым люди, собравшиеся вокруг, беззастенчиво и грубо издеваются.

Фра Петар подходит к одной компании и, держась в сторонке, слушает. («Счастье, что на мне мирское платье и никто не догадывается, кто я такой!»)

Вблизи от дома, где была его камера, в холодке, каждое утро жиденькая толпа собирается вокруг Займа. Это маленький сутулый человечек, очень робкий на вид. Он рассказывает тихо, но уверенно, с воодушевлением – и только о себе. Тема у него всегда одна, но он так раздувает свои приключения, что на них не хватило бы и ста пятидесяти лет жизни.

Солнце только показалось, а беседа уже в разгаре.

– И насмотрелся же ты на мир, Займ-ага!

– Насмотрелся, да что проку, когда я так пострадал и когда злые люди готовы со света сжить честного человека. А что правда, то

mi je dobro bilo i ljudi me poštovali i priznavali, a i ja sam se vladao kako treba i sa svakim lepo i pošteno umeo.

Gleda zatim ćutke preda se, kao da čita neki *podsetnik*, i počinje kao da nastavlja gde je prekinuo.

- U Adapazaru sam zaimao i oženio se. Dobru i pametnu sam ženu imao. Ljudi su me mnogo poštovali i moja bojadžijska radnja bila je prva u varoši.

- Pa što ne ostade tamo?

- Eh, što! *Davo* me nagovori te uzeh još jednu ženu. I od tog dana sve krenu naopako. Jest me zadovoljila prvih dana. To moram da kažem. Ali ćud što je imala! Ništa što se zavadila sa mojom prvom ženom i što mi je od kuće napravila pakao, nego zade tako po varoši, pa što kažu: u jednoj ruci slama a u drugoj vatra. Gde dođe, tu svađu i omrazu stvara. Dva bi oka, što kažu, u glavi zavadila. Braća moje prve žene stadoše da me gone. Omrznu svet na mene. I ja, videvši da gubim ugled i mušteriju, i da ću i glavu izgubiti ako tako dalje pođe, rasprodam potajno i budzašto ono robe i zlata pa krenem opet u svet.

- Ih, brate! *Šteta!* - kaže neko zabrinuto.

Zaim tužno njiše glavom kao da samo on zna kolika je to šteta.

- E, moj bežanoviću, što ti nisi najurio tog svog otrova, nego ti da bežiš, pored tolikog svoga dobra! - kaže promuklim glasom atletski razvijen čovek iz kruga.

- „Najurio, najurio“! Nije to tako lako. Da ti znaš kakva je to žena bila. Ne možeš da se odlepiš od nje a vidiš da te nestaje.

- Ah, šta! Najurio bih ja nju pa sve da joj je sunce među nogama a mesec na trbuhu.

правда, побывал я во многих местах, и всюду мне было хорошо, люди меня уважали и всегда зазывали к себе, да и я знал, как следует себя вести, к каждому умел по-хорошему подойти.

Он молча смотрит прямо перед собой и, словно читая страничку, написанную для памяти, начинает говорить, продолжая с того места, где остановился:

– В Адапазаре я бросил якорь и женился. Хорошая и умная попалась мне жена. Люди ко мне относились с полным уважением, а моя красильня была самая лучшая в городе.

– Что же ты там не остался?

– Эх, что, что? Черт меня надоумил взять еще одну жену. И с того дня все пошло шиворот-навыворот. Правда, поначалу было мне с ней неплохо. Должен в этом сознаться. Но и нрав же у нее был! Мало того что она сразу поссорилась с моей первой женой и превратила дом в сущий ад, она еще пошла шляться по городу – в одной руке солома, в другой – огонь. Куда ни сунется, везде разжигает вражду и ссоры. Право, она могла бы, как говорится, поссорить два глаза на одном лице. Братья моей первой жены ополчились на меня. Люди невзлюбили. Увидел я, что теряю уважение и клиентов да, не ровен час, и головы лишусь, если дальше так пойдет, тихонько распродал за бесценок товары, инструмент и опять пустился по свету.

– Э-эх, братец! Беда! – промолвил кто-то сочувственно.

Займ печально покачал головой, показывая, что только одному ему ведомы размеры пережитого бедствия.

– Да чего же ты, дурак, не прогнал эту змею подколодную? Надо же! Сам дал тягу от такого богатства да благодати, – глухим голосом заметил один из слушателей – атлетически сложенный мужчина.

– «Прогнал, прогнал»! Не так-то легко это. Знал бы ты, что это была за женщина. Видишь, конец тебе пришел, а оторваться нет сил.

– Да чего там! Будь у нее хоть само солнце промеж ног и месяц на брюхе, прогнал бы я ее безо всякого.

To opet govori onaj atlet i ljutito odlazi iz kruga, odmahujući rukom.

- Ah, šta tu žena, žena! Kad ugasiš sveću, svaka je jednaka.

A mali čovek priča dalje kako je otišao čak u Trapezunt i tu se oženio imućnom udovicom.

- Pazila me je kao oči u glavi. Tu što sam poživio četiri godine u svakom dobru! Ali, moja nesreća, razboli se i umre žena, a ja od žalosti ne mognem tu ostati, nego opet rasprodam sve i krenem u svet. Radio sam svuda i svuda su me cenili i voleli zbog mojih zlatnih ruku. Do Soluna sam došao. I tu se oženio ...

- Opet!

- Četiri ja zanata znam i jedanaest puta sam se ženio.

- Ah, ah! Pa šta bi? - pitaju iz kruga.

- Šta bi? Izvaraše me Čivuti, njena rodbina. Danas da naplatim samo polovinu onoga što mi duguju, bio bih bogat čovek. I lako bih se oslobodio potvora i izbavio odavde.

A "potvora" je u tom što je optužen da je rasturao lažan novac. Što je najgore, to nije prvi put da je pod takvom optužbom. To je kod njega kao neka bolest. Čim se izvuče ispod jedne optužbe ili odleži robiju, on se odmah laća takvog posla ili nekog drugog krivotvorenja, i kako je nespretnan, odmah ga uhvate. A pri tom ne prestaje da sanja (i laže) o srećnoj ženidbi i "četiri svoja krasna zanata". Sad strepi od teške kazne, ako se stvar dokaže, i opija se i zavarava lažima, polulažima i poluistinama koje povazan priča dokonim ljudima spremnim na podsmeh. Čim se razide jedan krug, on lunja po dvorištu kao ukleta duša, prilazi drugom krugu. Sa nekim pogrebnim i plačevnim izrazom na licu on sluša šale od kojih se drugi smeju gromko i neodoljivo, sluša sve što se priča; dugo, skromno i strpljivo čeka *priliku*. I kad mu se učini podesan trenutak, on upada mehanički. Neko pomene neku zemlju, na primer Egipat. Zaim ga prekida sa gotovom pričom.

Атлет раздраженно машет рукой и выходит из круга.

– Завел тоже: женщина, женщина! Задуешь свечу – все они одинаковы.

А маленький человечек продолжает свой рассказ о том, как дошел он до самого Траpezунда и женился там на богатой вдове.

– Берегла меня как зеницу ока. Четыре года жил в добре. Но, на мое несчастье, разболелась жена и умерла, а я от горя не мог больше оставаться на старом месте, снова все пораспродал и опять – куда глаза глядят. Везде я работал, и везде меня любили и ценили за мои золотые руки. Дошел до Салоник. И тут женился...

– Опять!

– Я за свою жизнь четыре ремесла изучил и одиннадцать раз женился.

– Ого-го! И что потом? – спрашивает кто-то из слушателей.

– Потом? Обманули меня жиды, ее родственнички. Заплати они мне нынче хоть половину того, что должны, я бы стал богатым человеком. В два счета откупился бы от клеветы и вышел отсюда.

А «клевета» состоит в том, что его обвиняют в распространении фальшивых денег. И самое плохое – не впервые привлекается он за подобные дела. Это у него как болезнь. Стоит Займу выпутаться или отсидеть срок, он тотчас принимается за прежнее или пускается в новую аферу, а так как он очень неловок, то сразу же снова попадает. При этом он не перестает мечтать – и врать – о своей счастливой женитьбе и «четырех славных ремеслах». Сейчас, если преступление Займа будет доказано, его ждет тяжелое наказание, он трусит и, обманывая сам себя, упивается ложью, полулжью и полуправдой, которые по целым дням плетет досужим людям, всегда готовым над кем-нибудь посмеяться. Когда слушатели отходят от него, он слоняется по двору как неприкаянный и подходит к другой группе. С унылым и постным выражением лица слушает он шутки, над которыми арестанты громко без удержу хохочут. Слушает рассказы других и долго, смиренно, терпеливо ждет удобного случая вставить слово. А как только ему кажется,

- Imao sam ja ženu Misirku. Bila je starija od mene, i pazila me, majka rođena ne bi mogla bolje. Dve godine smo lepo živeli. I ugled sam uživao u građanstvu. Ali šta ćeš? Jednog dana ...

I opet dode neka priča o nekoj izmišljenoj zemlji i bračnoj nezgodi, koju jedni slušaju uz podrugljive upadice, dok drugi odlaze već na početku, odmahujući rukom i ne štedeći jasnog Zaima.

- Ovo mu je osamnaesta.

- Do viđenja! Javite kad svrši priču.

Ali ta priča manijaka i neizlečivog falsifikatora Zaima koji mašta o mirnom životu sa savršenom ženom, gubi se brzo u zaglušnoj vici iz susedne gomile u kojoj je planula svađa sa psovkama kakvih nema među ljudima u svetu izvan Avlije.

Sam položaj Proklete avlije bio je čudan, kao sračunat na mučenje i veće stradanje zatvorenika. (I fra-Petar se često vraćao na to, nastojeći da ga opiše.) Iz Avlije se ne vidi ništa od grada ni od pristaništa i napuštenog arsenala na obali ispod nje. Samo nebo, veliko i nemilosrdno u svojoj lepoti, u daljini nešto malo od zelene azijske obale s druge strane nevidljivog mora, i tek poneki vršak nepoznate džamije ili džinovskog kiparisa iza zida. Sve neodređeno, bezimeno, i tuđe. Tako čovek stranac ima stalno osećanje da je negde na nekom đavolskom ostrvu, izvan svega što je dotada značilo za njega život, a bez nade da će ga skoro ugledati. A zatvorenici koji su iz Carigrada kažnjeni su pored svih drugih nevolja još i time što ne vide i ne čuju ništa od svog grada; u njemu su, a kao da su sto konaka daleko od njega; i ta prividna daljina muči ih isto kao stvama. Zbog svega toga Avlija brzo a neosetno savije čoveka i potčini ga sebi, tako da stane da se gubi. Zaboravlja ono što je bilo i sve manje misli na ono što će biti, pa mu se i prošlost i budućnost slegnu u jednu jedinu sadašnjicu, u neobični i strašni život Proklete avlije.

что такой случай представился, тут же вклинивается в разговор. Упомянут какую-нибудь страну, например, Египет, – Займ прерывает готовым рассказом:

– Была у меня жена – египтянка. Старше меня, но уж так холила – мать родная, кажись, не могла бы лучше! Два года счастливо жили. И люди уважали меня. Но что поделаешь? Как-то раз...

И снова следует рассказ о выдуманной стране и семейной распре. Одни слушают, перебивая его ироническими репликами, а иные сразу отходят, махнув рукой и не щадя несчастного Займа:

– Эта у него восемнадцатая.

– До свиданья? Скажите, когда кончит.

Но рассказ маньяка и закоренелого фальшивомонетчика Займа, мечтающего о спокойной жизни с добропорядочной женой, вскоре заглушают крики соседней компании. Там вспыхивает ссора и уже пошли в ход страшные ругательства, каких не услышишь за стенами Двора.

Само местоположение Проклятого двора будто нарочно рассчитано на то, чтобы увеличивать муки и страдания заключенных. (Фра Петар постоянно возвращался к этой мысли, желая возможно точнее описать Двор.) Отсюда не видно ни города, ни порта, ни заброшенного арсенала на берегу, – только небо, огромное и безжалостное в своей красоте, и вдали, по другую сторону невидимого отсюда моря, краешек зеленого азиатского берега, игла неизвестной мечети или верхушка исполинского кипариса за стеной. Все непонятное, безымянное, чужое. Первое впечатление, что ты попал на какой-то дьявольский остров, лишился всего, что раньше составляло твою жизнь, и самой надежды увидеть это снова. А заключенные стамбульцы, помимо других мытарств, терзаются и оттого, что не видят и не слышат родного города: казалось бы, никуда и не уезжали, а словно отделены от него долгими днями пути. Мнимая отдаленность мучит их не меньше, чем настоящая. Поэтому Двор быстро и незаметно скручивает человека и подчиняет его себе так, что тот постепенно как бы

A kad se desi da se nebo naoblači i stane da duva mlak i nezdrav južni vetar, koji donosi zadah morskog truleži, gradske nečistoće i smrada iz nevidljivih pristaništa, onda život u ćelijama i na dvorištu postaje zaista nepodnošljiv. Mučan zadah ne dolazi samo iz pristaništa nego udara iz svih zgrada i predmeta; izgleda da sva zemlja koju je pritisla Pročeta avlija lagano truli i pušta neku vonju koja čoveka truje, da mu zalogaj grkne i život omrzne. Huji vetar i kao nevidljiva bolest pada po svima. I mirni ljudi se usplahire i počinju u nerazumljivoj razdraženosti da se ljutito kreću, tražeći kavge. Teški sami sebi, apsenici izazivaju svoje sapatnike ili stražare koji su u tim danima i sami razdražljivi i kivni na sve. Živci se zatežu od bola ili naglo popuštaju u opasnim praskanjima i bezumnim postupcima. Iskrsavaju oštri, bezrazložni sukobi, nastaju i za samu Pročetu avliju neobični ispadi. I dok jedni tako besne i sukobljavaju se sa svakim, dotle drugi, stariji i povučeni ljudi, čuče satima, odvojeni, i objašnjavaju se sa svojim nevidljivim protivnicima nečujnim šapatom ili samo grimasama i slabim pokretima ruke i glave. Izgledaju avetinjski.

U tim časovima opšteg uzbuđenja *ludilo*, kao zaraza i hitar plamen, ide od sobe do sobe, od čoveka do čoveka, i prenosi se sa ljudi na životinje i mrtve stvari. Uznemire se i psi i mačke. Učestano i strelovito stanu da tkaju od zida do zida krupni *pacovi*. Ljudi treskaju vratima i lupaju kašikama u *limene sudove*. Predmeti sami ispadaju iz ruku. Na mahove se sve utiša od opšte, bolesne iznemoglosti. A odmah zatim u nekim

растворяется в нем. Забываешь то, что было, и меньше думаешь о том, что будет; прошлое и будущее сливаются, превращаясь в единственное настоящее – в необычную и страшную жизнь Проклятого двора.

А когда небо затягивают облака и начинает дуть теплый и нездоровый южный ветер, несущий запах гниющих морских водорослей, городских нечистот и зловоние невидимого порта, жизнь в камерах и во дворе становится вовсе невыносимой. Тяжелый смрад идет не только от пристаней, но, кажется, исходит от всех построек и предметов, точно вся земля, стиснутая Проклятым двором, медленно разлагается и испускает омерзительную вонь, которая отравляет человека, так что кусок во рту становится горьким, а жизнь – постылой. Дует ветер, и будто невидимая болезнь поражает всех вокруг. Приходят в волнение даже спокойные люди и начинают с непонятной раздражительностью метаться и искать ссоры. Сами себе в тягость, заключенные пристают к товарищам по несчастью или к охранникам, которые в такие дни тоже возбуждены и озлоблены. Нервы натянуты до предела и часто сдают, приводя к опасным стычкам и безумным выходкам. Вспыхивают грубые, беспричинные ссоры, арестанты выкидывают номера, необычные даже для этого проклятого места. И в то время, как одни неистовствуют и готовы броситься на первого встречного, другие – обычно те, что постарше, – часами сидят на корточках где-нибудь в сторонке и объясняются со своими невидимыми противниками неслышным шепотом или одной мимикой, едва приметно двигая головой и руками. Похожи они на призраков.

В такие часы всеобщего возбуждения *безумие*, словно зараза или пламя пожара, перекидывается из камеры в камеру, от человека к человеку, переходит с людей на животных и неодушевленные предметы. Волнение охватывает собак и кошек. Стремительно снуют от стены к стене огромные *крысы*. Люди хлопают дверями и стучат ложками о *жестяные миски*. Вещи валяются из рук. На

zatvorenim ćelijama, sa prvim mrakom, nastane takva opšta vika da sva avlija trepti i odjekuje. Njima se redovno pridruže i druge ćelije svojom vikom. Tada izgleda da sve što u Pročetoj avliji ima glasa urla i više svom snagom, u bolesnoj nadi da bi, negde na vrhuncu ove buke, sve ovo moglo poprskati i raspasti se, i svršiti na neki način, jednom zauvek.

U takvim časovima cela ta Pročeta avlija ječi i trešti kao ogromna dečja čegrtaljka u džinovskoj ruci, a ljudi u njoj poigravaju, grče se, sudaraju među sobom i biju o zidove kao zma u toj čegrtaljci.

Nadzomik i njegovi ljudi znaju dobro to dejstvo trule i opasne jugovine, izbegavaju sukobe koliko god je moguće, jer i sami zaraženi i nervozni, čuvaju kapiju, pojačavaju straže i - čekaju da jugo prestane. Oni znaju dobro, iz iskustva, da bi svaki pokušaj da se "uspostavi red" bio i opasan i nemoguć, jer nit' ima koga da to izvrši niti bi iko poslušao. A kad zdravi sevemi vetrovi zaista nadvladaju jugo i kad se malo razvedri, sunce ograne i vazduh pročisti, apsenici se u gomilama raspu veselo po dvorištu, sunčaju se i šale i smeju, kao prezdraveli bolesnici ili spaseni brodolomnici, a sve što je bilo za ona dva-tri luda dana predaje se lako zaboravu. Ne može niko ničeg da se seti, sve i da hoće.

Upravnik ove čudne i strašne *ustanove* je Latifaga, zvani Karadžoz. Taj nadimak mu je odavno postao pravo ime i pod tim imenom je poznat ne samo ovde nego i daleko izvan zidova Pročete avlije. On je i svojim izgledom i svima svojim osobinama njeno oličenje.

мгновенье все затихает в болезненном изнеможении. И вдруг с наступлением темноты в какой-нибудь камере раздается такой жуткий крик, что весь Двор содрогается и вторит ему эхом. Обычно к этому крику присоединяются вопли из других камер. И тогда кажется, будто все, у кого только есть голос, воют и кричат в тщетной надежде, что крик, дойдя до предела, разнесет, разобьет Проклятый двор вдребезги и каким-то образом покончит с ним раз и навсегда.

В такие часы Проклятый двор стонет и оглушительно грохочет, точно огромная детская *погремушка* в руках великана, в которой люди на манер горошин пляшут, корчатся, ударяются о стенки и друг о друга.

Смотритель и его люди хорошо знают действие юго-восточного гнилого ветра и, насколько возможно, уклоняются в такие дни от столкновений с заключенными, ибо тоже больны и раздражены; они тщательней охраняют ворота, усиливают караулы и ждут, когда южный ветер стихнет. По опыту они хорошо знают, что всякая попытка навести порядок в это время опасна и бессмысленна, осуществить ее некому, да и никто не стал бы слушаться. А когда здоровые северные ветры переборют юго-восточные, когда тучи рассеются, проглянет солнце и воздух очистится, арестанты толпами высыплют из камер, расплзутся по двору и начнут греться на солнышке, шутить и смеяться, словно выздоравливающие или спасенные после кораблекрушения, и все, что произошло за два-три безумных дня, легко предается забвению. Даже если кто и захочет, он ничего не сможет припомнить.

Смотритель этого пресловутого и страшного *заведения* – Латиф-ага, прозванный Караджоз.¹ Это прозвище и стало его единственным именем, под ним он известен не только здесь, но и далеко за пределами Проклятого двора. Всем своим видом и характером он

¹ *Караджоз* (Карагёз) – популярный персонаж турецкого теневого и кукольного театра, олицетворение хитрости и смекалки.

Otac *mu* je bio nastavnik u nekoj vojnoj školi; tih čovek, ljubitelj knjige i razmišljanja, oženio se već u zrelih godinama i imao je svega jedno dete, muško. Dete je bilo živo i bistro, volelo je knjigu, ali naročito muziku i svaku igru. Do četrnaeste godine dečak je dobro učio i izgledalo je da će poći očevim stopama, ali tada je njegova živost počela da se pretvara u bes, a njegova bistrina okrenula *naopakim* putem. Dečak je brzo stao da se menja, čak i fizički. *Naglo* se raskrupnjao i neprirodno ugojio. Njegove umne, smeđe oči stale su da igraju kao na *zejtinu*. Napustio je školu i počeo da se druži sa kafanskim sviračima i mađioničarima, sa kockarima, pijancima i pušačima opijuma. Sam nije imao nekog naročitog dara za veštine, ni prave strasti za kocku ili piće, ali ga je privlačio taj svet i sve ono što se plete oko njega, isto kao što ga je odbijalo sve što je pripadalo svetu mirnih, običnih sudbina, ustaljenih navika i redovnih *obaveza*.

Bujan i još neiskusani, mladić je brzo upao u sumnjive poslove i drske podvige svoga društva i došao u *sukob* sa zakonom. I ne jedanput. Otac ga je vadio nekoliko puta iz zatvora, koristeći svoj ugled i svoja poznanstva sa ljudima na položaju, naročito sa upravnikom celokupne policije, starim i dobrim školskim drugom. "Je li moguće da moj sin *obija* kuće, pljačka trgovce i otima devojke?" - pitao se očajan otac. A stari iskusni upravnik mu je odgovarao mirno ali po istini. Da krade, ne krade baš, ni trgovce ne vara, ni devojke ne otima lično, ali gde god se te stvari dešavaju, možeš biti siguran da ćeš i njega tu negde u blizini naći. A ako ga ovako ostavimo, zagaziće i sam u prestup. Nego valja tražiti zavremena neko rešenje. I upravnik gradske policije našao je "rešenje", koje je smatrao kao jedino moguće, dakle najbolje: da mladića koji je pošao zlim putem uzme u svoju službu. I kao što biva, od mladog čoveka, koji je bio već zauzeo svoje mesto među kockarima i gospodskim dangubama, postao je dobar i revnosan stambolijski policajac.

оправдывает это имя.

Его отец преподавал в каком-то военном заведении; человек тихий, книголюб и философ, он женился уже в зрелые годы и имел всего одного ребенка, мальчика. Сын рос живым и смышленным, любил читать, а особенно любил музыку и всякие игры. До четырнадцати лет мальчик хорошо учился, и казалось, что он пойдет по стопам отца, но потом его живость вдруг начала *оборачиваться* беснованием, а сообразительность приняла дурное направление. Мальчик стал быстро меняться даже физически. Он раздался в ширину и неестественно располнел. Его умные карие глаза блестели как масляные. Он бросил школу и связался с трактирными музыкантами, фокусниками, пьяницами, картежниками и курильщиками опиума. Сам он не обладал ни ловкостью рук, ни истинной страстью к азартным играм или вину, но его влек к себе этот мир и все, что связано с ним, точно так же, как отталкивал мир устоявшихся привычек и обязанностей.

Буйный и неискушенный юноша скоро оказался замешанным в темных делишках и дерзких налетах своей компании и вступил в *конфликте* законом. И не единожды. Отец несколько раз вызволял его из тюрьмы благодаря своему положению и связям с влиятельными людьми, особенно с начальником стамбульской полиции, своим старым школьным товарищем. «Неужели мой сын *взламывает* дома, грабит торговцев и похищает девушек?» – в отчаянии спрашивал отец. Старый и опытный начальник отвечал ему спокойно и откровенно: «Грабит? Сам он не грабит, и купцов не обманывает, и девушек не похищает, ничего этого он сам не делает, но стоит где-либо случиться подобному происшествию, можешь быть уверен – он в нем замешан. А если мы так все оставим, он в конце концов и сам пойдет на преступление. Нужно, пока не поздно, искать какой-то выход». И начальник городской полиции нашел «выход», который он считал единственно возможным, а следовательно, наилучшим: взять юношу, пошедшего по дурному пути, к себе на службу. Как это нередко бывает, из

Nije to postao odjednom. Kolebao se prvih godina i tražio svoje mesto, a našao ga je tamo gde se najmanje moglo očekivati, u radu protiv svoga nekadašnjeg društva. Nemilosrdno se okomio na skitnice, pijance, secikese, *krijumčare*, nesrećnike i dokonjake iz tamnih kvartova Stambola. Radio je sa strašću, sa neobjašnjivom mržnjom, ali i sa veštinom, sa poznavanjem te sredine kakvo je samo on mogao da ima. Te stare *veze* pomogle su mu da proširi krug svoga rada, jer sitni prestupnici odaju krupne. Podaci o ljudima se gomilaju, obaveštačka mreža se pojačava i širi. Izuzetna revnost i uspesi u službi doveli su ga posle desetak godina za pomoćnika upravnika ovog velikog "prihvatišta". A kad je stari upravnik umro od srčane kapi, on je bio jedini koji ga je mogao zameniti. Tada je počela njegova vladavina u Prokletoj avliji. I traje, evo, već dvadesetu godinu.

Raniji upravnik, tvrd i iskusan starac, imao je krut, klasični način upravljanja. Za njega je bilo glavno da svet poroka i bezakonja u svojoj celini bude što jasnije obeležen i što bolje odvojen od sveta reda i zakona. Pojedinac i njegova krivica nisu ga mnogo zanimali. U toku mnogih godina on je na Prokletu avliju i na sve što živi u njoj gledao kao na karantin a na njene stanovnike kao na opasne i teško izlečive bolesnike koje raznim merama, kaznama i strahom, fizičkom i moralnom izolacijom treba držati što dalje od takozvanog zdravog i poštenog sveta. A inače, u svemu ih prepustiti same sebi. Ne dati im da izađu iz svog kruga, ali i ne dirati ih bez potrebe, jer se od tog dodira ništa dobro ni pametno ne može izroditi.

Novi upravnik je celim svojim stavom i svim postupcima stao odmah da primenjuje drugačiji način.

Već prve godine Latif je, kad mu je otac umro, prodao veliku, lepu

молодого человека, попавшего было в среду картежников и богатых шалопаев, получился ревностный стамбульский полицейский.

Правда, таким он стал не сразу. Несколько лет он метался в поисках своего места, а нашел его там, где меньше всего можно было ожидать, – в борьбе с прежними друзьями. Он безжалостно преследовал в трущобах Стамбула бродяг, пьяниц, карманников, *контрабандистов* и разных неудачников и бездельников. Работал он со страстью, с необъяснимой ненавистью, но умело, потому что прекрасно знал эту среду. Старые *знакомства* помогли ему расширить круг своей деятельности, ибо мелкие преступники, как правило, выдавали крупных. Данные о людях накапливались, осведомительная сеть росла и крепла. Незаурядное усердие и успехи привели его лет через десять на должность помощника смотрителя этой огромной тюрьмы. А когда старый смотритель умер от разрыва сердца, Латиф-ага оказался единственным достойным его преемником. С тех пор началось его владычество в Проклятом дворе. И длится оно вот уже двадцатый год.

Прежний смотритель, жестокий и многоопытный старик, придерживался крутого, классического способа управления. Главное, полагал он, чтобы мир порока и беззакония был по возможности четко отграничен и надежно отгорожен от мира порядка и закона. Отдельный человек и его вина почти не интересовали коменданта. Многие годы он смотрел на Проклятый двор как на некий карантин, а на его обитателей как на опасных и тяжелых больных, которых при помощи различных мер – наказаний и страха, физической и моральной изоляции – надо держать как можно дальше от так называемого здорового и честного общества, а в прочем предоставить их самим себе. Не позволять им выбиться из своего круга, но и не трогать без надобности, так как от этого ничего путного или разумного получить не может.

Новый смотритель своим поведением и своими поступками сразу же показал, что он будет действовать по-другому.

Вскоре после смерти отца Латиф продал большой и красивый

očinsku kuću u Novoj mahali i kupio jedno zapušteno, veliko imanje iznad same Proklete avlije. Sve u kiparisima, ono je ličilo na zapušteno ostrvo ili starinsko groblje. Od Proklete avlije bilo je odeljeno senovitom raslinom sa šumom plemenitih drveta i čitavim sistemom raznih ograda i visokih zidova. Tu je, pored bogate žive vode, među starim drvetima, sagradio lepu kuću, koja je gledala na protivnu stranu padine i tako bila zaštićena od južnog vetra i nezdravog zadaha iz arsenala i pristaništa. Kuća je imala veliko preimućstvo da je i vrlo udaljena od Proklete avlije i vrlo blizu njoj. Po celom izgledu, po miru i čistoći, to je bio drugi svet, na hiljadu milja odavde, a ipak u samom susedstvu Avlije i nevidljivo vezan sa njom. Služeći se prekim, samo njemu pristupačnim puteljcima Karadžoz je mogao u svako doba dana, pravo od svoje kuće, *neopaženo* ući u Avliju. (Tako se nikad nije tačno moglo znati kad je tu a kad nije, ni otkud može odjednom *iskrsnuti*.) Upravnik se tom mogućnošću često koristio. Nadzirao je lično i zatvorenike i njihove čuvare. I poznajući gotovo svakog od zatočenika, njegovu prošlost i njegovu sadašnju krivicu, on je sa dosta prava govorio da "zna kako diše Avlija". A kad pojedinca i nije znao baš u glavu, poznao je onu skitničku ili prestupničku dušu u njemu i u svakom trenutku mogao je stati pred njega i nastaviti razgovor o njegovoj ili tuđoj krivici, A isto tako, i još bolje, poznao je svakog *čuvara* i njegove dobre i rđave, javne i skrivene osobine i sklonosti.

Tako je bar sam govorio i time se uvek hvalio. I tako je celog veka ostao u najužoj vezi sa svetom nereda i kriminala, koji je u mladosti zauvek napustio, i u isto vreme iznad njega i daleko od njega, odeljen svojim položajem i svojim gustim baštama i za druge neprelaznim železnim ogradama i vratnicama.

Od samog početka Karadžoz je "radio iznutra". Po tom svom neobičnom

отцовский дом в Новом квартале и купил огромный запущенный участок земли прямо над Проклятым двором, Окруженный кипарисами участок напоминал пустынный остров или старое кладбище. От Проклятого двора его отделяли глубокий тенистый овраг, заросший благородными деревьями, и замысловатая система разных ограждений и высоких стен. Здесь, на берегу моря, среди старой рощи Латиф построил себе прекрасный дом, обращенный фасадом в сторону, противоположную оврагу, и таким образом защищенный от южного ветра и зловоний арсенала и порта. Преимущество жилища заключалось в том, что оно было и удалено от Проклятого двора, и в то же время почти рядом. По своему виду, по царившему в нем покою и чистоте это был совсем иной мир, словно бы за тысячу миль от тюрьмы, и, однако же, он был рядом, его связывали с Проклятым двором невидимые нити. Пользуясь кратчайшими, только ему известными тропинками, Караджоз мог в любое время суток *незаметно* пройти из своего дома прямо во Двор. (Поэтому никогда нельзя было с уверенностью сказать, здесь он или нет и откуда может *появиться*.) Смотритель этим часто пользовался. Он самолично следил и за арестантами и за охраной. Зная почти каждого заключенного, его прошлое и настоящее, он с полным основанием утверждал, что чувствует «дыхание» Двора. А если кого-либо и не знал в лицо, то хорошо понимал душу бродяги и преступника вообще и поэтому мог каждую минуту подойти к любому и *продолжить* разговор о его преступлении или преступлении кого-либо другого. Точно так же, а может быть, и лучше, знал он каждого *охранника*, его хорошие и плохие, явные и скрытые черты и склонности.

Во всяком случае, так он сам говорил и всегда этим хвастался. Таким образом, он оказался тесно связанным с миром порока и преступления, который в юности покинул, и в то же время прочно отделенным от него своим положением, своими густыми садами и неприступными железными оградами и решетками.

С самого начала Караджоз начал «действовать изнутри». Этот

načinu rada on je bio i mnogo gori, teži i opasniji, i u izvesnom smislu, ponekad bolji i čovečniji od ranijih upravnika. Od beskrajnog i neshvatljivog preplitanja tih suprotnosti sastojao se njegov neobični odnos prema Avliji i celom onom ljudstvu koje je kao spora, mutna reka prolazilo kroz nju. Ni najstariji i najlukaviji gosti Proklete avlije nisu mogli uhvatiti kraja ni konca toj Karadžozovoj igri, koja je bila potpuno lična, puna neočekivanih i smelih obrta i smicalica, vrlo često u protivnosti sa svim pravilima policijskog rada i postupanja i sa opštim društvenim običajima i navikama. Već prve godine on je stekao svoj nadimak Karadžoz. I zaista je ta Avlija i sve što je sa njom živelo i što se u njoj dešavalo bila velika pozomica i stalna gluma Karadžozovog života.

Rano *pregojen*, kosmat i tamne puti, on je rano i ostareo, bar na izgled. Ali je njegov izgled mogao da *prevari* čoveka. Sa svih svojih sto oka težine, on je, kad bi zatrebalo, bio živ i brz kao lasica, a njegovo teško i *mlohavo* telo razvijalo je u takvim trenucima bikovsku snagu. Iza pospanog i kao mrtvog lica i sklopljenih očiju krila se uvek budna pažnja i đavolski nemirna i dovitljiva misao. Na tom licu tamno-maslinaste boje nije nikad niko video osmeh, ni onda kad bi se celo Karadžozovo telo treslo od teškog unutrašnjeg smeha. To lice je moglo da se steže i rasteže, menja i preobražava, od izraza krajnjeg gnušanja i strašne pretnje do dubokog razumevanja i iskrenog saučešća. Igra očiju u tom licu bila je jedna od velikih Karadžozovih veština. Levo oko bilo je redovno gotovo potpuno zatvoreno, ali se između sastavljenih trepavica osećao pažljiv i kao sečivo oštar pogled. A desno oko bilo je širom otvoreno, krupno. Ono je živelo samo za sebe i kretalo se kao neki reflektor; moglo je da izade do neverovatne mere iz svoje duplje i da se isto tako brzo povuče u nju. Ono je napadalo, izazivalo, zbunjivalo žrtvu, prikivalo je u mestu i prodiralo u najskrovitije kutove njenih misli, nada i planova. Od toga je celo lice, nakazno razroko, dobivalo čas strašan čas smešan izgled groteskne maske.

необычный способ делал его хуже, страшнее и опасней его предшественников, но, в известном смысле, лучше и человечнее их. Бесконечное, неуловимое сплетение этих противоречивых качеств создавало его необычное отношение к Двору и тамошнему люду, который, словно неторопливая мутная река, протекал через Двор. Даже самые давние и проницательные гости Проклятого двора не могли разобраться в сложной игре Караджоза, которая являлась его собственным изобретением и изобиловала неожиданными и смелыми поворотами и уловками, часто вступавшими в противоречие с полицейскими приемами и правилами, а также с общепринятыми обычаями и навыками. Уже в первый год своей службы он получил прозвище Караджоз. И действительно, Двор, все связанное с ним и в нем происходящее представляло собой огромную сцену Караджозового спектакля.

Rano *располневший*, волосатый и смуглый, он рано и постарел, во всяком случае внешне. Но его вид мог *вести в заблуждение*. Несмотря на свои сто килограммов, он, когда было нужно, становился подвижным и быстрым, как ласка, и его тяжелое *рыхлое* тело обладало в такие минуты бычьей силой. Вечно сонный и вялый, вечно с полузакрытыми глазами, Караджоз ни на мгновение не ослаблял внимания, а его беспокойная мысль работала с дьявольской изощренностью. На его темно-оливковой физиономии никто не видел улыбки, даже когда он сотрясался от неудержимого внутреннего смеха. Лоб его то покрывался морщинами, то разглаживался, лицо мгновенно преображалось, выражая попеременно крайнее отвращение, страшную угрозу, а порой – глубокое понимание и искреннее участие. Особое искусство Караджоза составляла игра глаз. Левый глаз его обычно был почти закрыт, но сквозь полусомкнутые ресницы проскальзывал внимательный и острый, словно бритва, взгляд. А правый глаз был всегда широко раскрыт. Этот глаз жил самостоятельной жизнью и двигался словно прожектор; он мог почти целиком вылезти из глазницы и также быстро уйти в нее. Он нападал, дразнил, сбивал с

U svojim razgovorima o Karađozu apsenici su, pretresajući svaku pojedinost na njemu, govorili naročito mnogo i često o tim njegovim očima. Jedni su tvrdili da ne vidi ništa na levo oko, drugi opet da baš na ono desno, iskolačeno, ne vidi. I za dvadeset godina se nikad nisu mogli složiti u tome, ali su uvek i svi strepeli od pogleda tih njegovih očiju i izbegavali ga, ako je ikako moguće bilo.

Ničeg od teškog dostojanstva osmanlijskog visokog činovnika nije bilo na Karađozu ni u njegovom govoru i *kretanju*. U svakom pojedinom slučaju, sa svakim osumnjičenim licem on je igrao naročitu igru, bez stida i obzira, bez poštovanja drugog čoveka i sebe sama. Radio je uvek neočekivano, kao po nekom nadahnuću. Upadao je u razno doba dana i noći i prilazio pojedincu ili čitavoj grupi apsenika.

- Phi, phi, phi, phiii!

Izgovarao je te svoje slogove u različitim visinama i intonacijama, svaki put drukčije, a uvek tako kao da se čudi i gnuša i nad tim čovekom i nad samim sobom i nad "stvari" koja je među njima.

- Šta je? Ti još ovde čmaviš? Phi! Nego dede, kako je ono bilo?

Tako je razgovor počinjao, ali se nikad nije moglo znati kakav će dalji njegov tok biti. To je moglo biti dugo ispitivanje sa poznavanjem svih pojedinosti, sa teškim pretnjama koje su često bile samo *pretnje*, ali od kojih se svaka mogla tog istog časa pretvoriti u strašnu stvarnost. Mogla su to biti uporna, opasna i neodoljiva nagovaranja, ali i bezdušne lakrdije bez vidljivog smisla i cilja.

Ako pritešnjen i izmučen čovek, želeći da se oslobodi bar za trenutak Karađozovog pritiska, stane da preklinje i da kroz iskren ili glumljen

толку свою жертву, сковывал ее, проникал в самые сокровенные уголки ее мыслей, надежд и планов. Поэтому все лицо, уродливо косоглазое, напоминало то страшную, то смешную гротескную маску.

Говоря о Караджозе и перемывая ему косточки, арестанты особенно много и часто говорили про его глаза. Одни уверяли, что он левым глазом ничего не видит, другие – что он слеп как раз на правый, вытаращенный. За двадцать лет в тюрьме так и не пришли на этот счет к единому мнению, но все дрожали от его взгляда и любыми способами старались не попадаться зрителю на пути.

В самом Караджозе, его манере говорить и *двигаться* не было ничего от тяжеловесного высокомерия османских высших чиновников. В каждом отдельном случае, с каждым из заключенных он разыгрывал особую роль, не зная ни стыда ни совести, не уважая ни себя, ни других. Он действовал всегда неожиданно, словно бы по наитию. В любое время дня и ночи он подходил к кому-либо из заключенных или к целой группе:

– Пхи, пхи, пхи, пхи-и-и!

Он умел произносить эти звуки на разной высоте и с разными интонациями, каждый раз по-новому, но так, что в них отражалось одновременно и удивление, и презрение к собеседнику, к себе самому и к «делу», которое их связывало.

– Ну что? Ты еще торчишь здесь? Пхи! А ну рассказывай, как было дело!

Так начинался разговор, дальнейшее течение которого никогда нельзя было предугадать. Иногда он выливался в длительный допрос с выяснением всех подробностей, с угрозами, которые зачастую оставались только *угрозами*, но в любую минуту могли стать и ужасной реальностью. Иногда разговор оборачивался упорными, страшными и нескончаемыми уговорами, а иногда – бездушным издевательством без видимой цели и смысла.

Если измученный человек, припертый к стенке, желая хоть на минуту освободиться от натиска Караджоза, начинал клясться и

plač uverava o svojoj nevinosti, Karadoz je mogao odjednom da promeni držanje i da stane da se udara po čelu.

- Šta *veliš* ni kriv ni dužan nisi? Ih, kud mi to kaza baš sada, pobogu čoveče. Phi, phi, phiii! Da si rekao da si kriv, još sam mogao da te pustim, jer krivih ovde ima mnogo. Svi su krivi. Ali baš nam jedan nevin treba. I zato te ne mogu pustiti. Da nisi sam rekao, još bi nešto i moglo biti. Ovako, sada, valja da sediš ovde dok ne pronađem negde nekog nevinog, takvog kao što si ti, da te smeni. Sad, sedi i čuti!

I Karadoz, obilazeći dalje Avliju, u pratnji nekolicine čuvara, nastavlja svoju igru, sad već samo sebe radi, više da sve odjekuje, i ne može da se zaustavi.

- Neka mi samo niko ne kaže za nekog: nevin je. Samo to ne. Jer ovde nema nevinih. Niko ovde nije slučajno. Je li prešao prag ove Avlije, nije on nevin. Skrivio je nešto, pa ma to bilo u snu. Ako ništa drugo, majka mu je, kad ga je nosila, pomislila nešto *rdavo*. Svaki, dabogme, kaže da nije kriv, ali za toliko godina koliko sam ovde, ja još nisam našao da je neko bez razloga i bez neke krivice doveden. Ko ovde dođe, taj je kriv, ili se makar očešao o krivca. Phi! Pustio sam ih dosta, i po naredbi i na svoju odgovornost, da. Ali kriv je bio svaki. Ovde nevinog čoveka nema. Ali ima ih na hiljade krivih koji nisu ovde i nikad neće ni doći, jer kad bi svi krivi dospeli ovamo, ova bi Avlija morala biti od mora do mora. Ja ljude znam, krivi su svi, samo nije svakom pisano da ovde hleb jede.

Malo-pomalo ceo taj monolog, govoren u hodu, postaje sve brži i življi, dok se ne pretvori u ludačku viku i psovanje svega što ova Avlija zatvara i što živi izvan nje. U glasu mu, ispod sve grubosti i velikog gnušanja prema svemu, jedva čujno trepti nešto kao suzan grč i žaljenje što je sve

сквозь искренние или наигранные слезы уверять в своей невинности, Караджоз мог вдруг хлопнуть себя по лбу и круто изменить поведение.

– Что ты *говоришь*? Значит, ты снова угодил ни за что ни про что? Эх, господи боже, и угораздило же тебя именно сейчас мне об этом сказать! Пхи, пхи, пхи-и-и! Признайся ты, что виноват, я, может, тебя тут же бы и выпустил, потому – виновных у нас здесь хоть отбавляй. Сплошь одни виноватые. Но надо же нам иметь хоть одного невинного! Нет, не могу я тебя отпустить. Не скажи ты сам, что невиновен, глядишь, что-нибудь и устроили бы. А теперь вот сиди, пока я не найду другого невинного, тебе на смену. Сиди и помалкивай!

И Караджоз, обходя в сопровождении нескольких охранников Двор, продолжает спектакль уже для собственного удовольствия; не в силах остановиться, он кричит на весь Двор:

– Пусть мне никто не говорит: «Я невиновен». Что угодно, только не это. Здесь нет невинных. Зря сюда никто не попадет. Раз переступил порог Двора – значит, виноват. Значит, проштрафился, хоть во сне, да проштрафился. А если не сам, так мать, когда носила во чреве, задумала что-то *плохое*. Ясное дело, каждый кричит, что не виноват, но за все годы, что я здесь, я еще ни разу не видел, чтобы кого-нибудь привели сюда без причины, без вины. Раз сюда попал, значит, преступник или хотя бы якшался с преступниками. Пхи! Я выпустил отсюда тьму людей и по приказу, и на свой страх и риск. Да, и все были виноваты. Здесь невинных нет. Конечно, виновные и преступники тысячами ходят на свободе и никогда сюда не попадут, потому что если б все виновные попали сюда, наш Двор раскинулся бы от моря до моря. Я знаю людей – все виноваты, только не каждому на роду написано есть свой хлеб в тюрьме.

Мало-помалу этот монолог, произносимый на ходу, становится быстрее и горячее, пока не превращается в сумасшедший крик. Караджоз обрушивается на всех, кто заключен в стенах Двора и кто живет вне их. В голосе его вместе с ненавистью и отвращением к

to tako.

A onaj "nevin" sad zna da može da sedi još nedeljama a da ga Karadoz više ne pogleda.

Desi se da za koju nedelju iza ovog slučaja dođu u grupi ugledni rođaci nekog bogatog mladića koji je uhvaćen zajedno sa svojim rđavim društvom, da mole Karadoza da ga pusti jer je nevin. On se odjednom sav izmeni, kao da se nečeg prisetio, zamisli se i *uozbilji*, oba oka za trenutak sklopi, tako da mu se lice oduži i izmeni izraz, nagne se učtivo ka moliocima, utanji glas.

- Jeste li vi rekli onima koji su ga uhapsili da je nevin?

- Jesmo, dakako da smo rekli, ali.

- E, to ste pogrešili. Phi, phi, phi!!! To ne valja. Jer baš sad hvataju nevine a puštaju krive. Takav je nov red. Ali kad ste vi sami pred vlastima izjavili da nije ništa kriv, moraće da ostane ovde.

Ljudi gledaju, zbunjeni, u njegovu smirenu masku, očekujući da se Karadoz nasmeje i okrene stvar na šalu. I sami se pomalo smeškaju. Ali on ostaje neumoljiv ozbiljan, hladan i učtiv. I tako ih otpremi. A oni još dugo ne mogu da se priberu. Pričaju stvar među prijateljima, idu pa se žale *uticajnim* poznanicima, koji sležu ramenima i odmahuju rukom, kao ljudi koji tvrdoglavo veruju da u Karadozu sedi i iz njega govori sam đavo, i to ne jedan.

Ali Karadoz će možda već sutradan, prelazeći avliju, presresti onog prvog "nevinog" i odjednom nastaviti razgovor od pre tri nedelje. Prići će mu naglo, uneti mu se u lice gledajući kao da će ga proždreti.

окружающему можно уловить и слезы сожаления о том, что мир устроен так, а не иначе.

А «невиновный» теперь может быть уверен, что придется ему сидеть еще недели, пока Караджоз удостоит его взгляда.

Бывает, что через некоторое время после этого случая придут гурьбой почтенные родственники какого-нибудь богатого юноши, который попал в дурную компанию и очутился за решеткой вместе со своими друзьями. Родственники умоляют Караджоза отпустить молодого человека, потому что он невиновен. Караджоз вдруг замолчит, словно что-то припоминая, задумается, станет *серьезным*, закроет на мгновение оба глаза, так что лицо его сразу вытянется и изменит свое выражение, учтиво склонится к просителям и заговорит вкрадчивым голосом:

— А когда его арестовали, вы говорили, что он невиновен?

— Конечно, а как же, но...

— Э, вот тут вы дали маху. Пхи, пхи, пхи-и-и! Вот это неладно. Теперь-то ведь как раз забирают невиновных, а виновных отпускают. Таков уж новый порядок. И если вы сами заявили представителям властей, что он ни в чем не виновен, — значит, ему придется остаться здесь.

Люди в недоумении смотрят на смиренную маску, появившуюся на его лице, ожидая, что Караджоз засмеется и скажет, что он пошутил. И сами понемногу начинают улыбаться. Но он по-прежнему непоколебимо серьезен, холоден и учтив. С тем их и выпроводит. А они долго не могут прийти в себя, пересказывают этот разговор друзьям, пробуют жаловаться *влиятельным* знакомым, но те лишьжимают плечами и отмахиваются, твердо веря, что в Караджозе сидит и говорит его устами сам дьявол, да еще и не один.

На следующий день, проходя по Двору, Караджоз, столкнувшись с тем первым «невиновным», вдруг продолжит разговор, который был начат три недели назад. Быстро подойдет к нему и заговорит, глядя в лицо так, словно готов его проглотить:

- Phi! Šta ti misliš, dokle ćeš ovde da smrdiš? Kao da nema dosta smrada i bez tebe. Odmah da se gubiš odavde, jesi li čuo? Kupi pmje i da te moje oči više ne vide, jer ću narediti da te prebiju kao mačku.

U prvi mah skamenjen od iznenađenja, čovek odjednom prikupi snagu i samo klisne iz Avlije, ostavljajući ono svojih sitnica da se čuvari i apsenici otimaju o njih.

U svojoj "igri" Karadoz je mogao sate da provede sa čovekom optuženim za neku krađu ili utaju, za silovanje, tešku povredu ili ubistvo, da se benavi, da urla ili šapuće, da izigrava glupaka ili ostrvljenog krvnika ili čoveka od srca i razumevanja, sve naizmenice i sve sa istom iskrenošću i ubedljivošću. Ponekad se rvao sa takvim čovekom ili grlio, bio ga ili milovao, i jednako mu se unosio u oči: "Priznaj, jadi te ne znali! Priznaj, i spasi glavu, jer videćeš da ćeš *krepati* na mukama. Priznaj!"

A kad postigne cilj, izvuče priznanje i dobije podatke o saučesnicima ili o mestu na kom je skriven ukraden novac, on samo otare dlan o dlan, kao čovek koji je najposle svršio prljav i neprijatan posao, zbacila sve te maske odjednom kao izlišne i predaje stvar redovnom postupku. Ali ni tada ne zaboravlja i ne napušta onoga koji je priznao, nego mu često svojim iskazom pomaže i olakšava.

Nerazumljiva je bila ta njegova beskonačna i čudna igra, ali on, u stvari, kao da nije verovao nikad nikome, ne samo okrivljenom ni svedoku nego ni samom sebi, i stoga mu je bilo potrebno priznanje kao jedina donekle stalna tačka sa koje se može u ovom svetu, u kom su svi krivi i dostojni osude, održavati bar privid neke pravde i kakav-takav red. I on je to priznanje tražio, lovio, cedio ga iz čoveka sa očajničkim naporom, kao da se bori za svoj rođeni život i razmršava svoje nerazmršljive račune sa porokom i prestupom i lukavstvom i neredom.

Ta igra je izgleda u većini slučajeva izlišna i neshvatljiva i nedostojna,

– Пхи! Ты что, долго еще намерен тут смердеть? Будто не хватает вони и без тебя. Вон отсюда, слышал? Складывай свои шмотки, и чтоб я тебя больше не видел, а не то прикажу прибить как кошку.

Окаменев в первую секунду от неожиданности, человек собирается с духом и в мгновение ока исчезает, бросив свои пожитки, из-за которых потом ссорятся между собой стражники и арестанты.

«Играя спектакль», Караджоз мог часами сидеть с арестантом, обвиняемым в краже, незаконном присвоении чужого имущества, в насилии, нанесении тяжелых увечий или убийстве, и кривляться, кричать или шептать, прикидываясь попеременно то дурачком, то остервенелым палачом, то сердечным человеком, и все это с одинаковой искренностью и убедительностью. Добиваясь своего, он боролся или обнимался с заключенным, бил его или целовал, но неизменно старался внушить ему одну мысль: «Сознайся, чтоб тебе горя не знать! Сознайся – и спасешь свою голову, не то *подохнешь*, от боли. Сознайся!»

А когда цель бывала достигнута, признание добыто и получены сведения о соучастниках или о месте, где спрятаны украденные деньги, он потирал руки, как человек, который закончил наконец грязную, неприятную работу, сбрасывал с себя маску, ставшую ненужной, и предоставлял дело законному течению. Но и тогда он не забывал и не бросал на произвол судьбы арестанта, у которого вырвал признание, а часто помогал ему и облегчал его участь.

Непонятна была эта его бесконечная и странная игра, но, видимо, он никогда и никому не верил – не только подследственному и свидетелям, но и самому себе – и старался исторгнуть у заключенного признание, чтобы, опираясь на него, можно было поддерживать хоть видимость справедливости и порядка в мире, где все виновны и заслуживают кары. И этих признаний он добивался не мытьем, так катаньем, прилагая отчаянные усилия, словно боролся за собственную жизнь или сводил свои несводимые счета с пороком и преступлением, с обманом и беззаконием.

Игра эта в большинстве случаев выглядела излишней, непонятной и

toliko je bila zamršena i izvitoperena, a u stvari je bila dobro i trezno sračunata i redovno postizavala svoj cilj. U njoj nije bilo ponavljanja ni rutine, bila je uvek nova i rasla sama iz sebe, tako da je zbunjivala i najiskusnije, okorele i česte goste Pročete avlije. Ponekad je postojala nerazumljiva i onima koji već godinama rade sa Karađozom. O njoj su išle priče po Stambolu, toliko su njegovi postupci izgledali ponekad nečovečni i suludi, a ponekad opet neuračunljivo blagi i puni sažaljenja i obazrivosti.

Zbog svega toga žalbe na Karađozu bile su česte i raz-novrsne; čak se postavljalo pitanje njegovog smenjivanja; veziri su na Divanu raspravljali o njemu, i ne jednom. A na kraju, sve je ipak ostajalo po starom. Svi su znali da je Karađoz upravnik na svoju ruku, čudan i samovoljan, ali su isto tako znali da nije lako naći čoveka koji bi se tako dan i noć nosio sa celim jednim svetom *lopova*, skitnica i degenerika svake vrste i držao ih u svojoj Avliji u kakvom-takvom zaptu i redu. I Karađoz je ostajao i dalje na svom mestu, da upravlja Pročetom avlijom na svoj način.

Ceo svet je nalazio da je to najprirodnije rešenje. Ceo svet, računajući tu i svet iz Pročete avlije. Tu je Karađoz oduvek bio stalni predmet razgovora, ogovaranja, podsmeha, *psovanja*, mržnje, nekad i fizičkih napadanja. (Opsovati svakom prilikom Karađozu ćerku, to je ustaljeni davnašnji običaj u Avliji.) Svi oni, omađijani, prate i tumače svaki Karađozov korak i pogled, svaku reč; strepe od njega, izbegavaju ga kad mogu i koliko god mogu. Ali ti isti ljudi govore o njemu sa nepriznavanim divljenjem i prepričavaju njegove podvige. Svi su oni navikli na Karađozu, srodili se na svoj način sa njim. *Grde* ga, ali kao što se *grdi* voljeni život i kleta sudbina. On je deo njihovog prokletstva. U stalnoj strepnji i mržnji, oni su postali jedno s njim i teško im je bilo zamisliti život bez njega. I kad već mora da postoji Pročeta avlija i u njoj upravnik, onda je još najbolji ovaj i ovakav. Njegov način rada

недостойной – до такой степени ее ходы были запутаны и извращены, но на самом деле она строилась на искусном и трезвом расчете и всегда приводила к цели. Она не знала повторений и шаблона, была всегда новой и развивалась по своим законам, так что сбивала с толку опытейших старожиллов Проклятого двора. Иногда ее отказывались понимать даже люди, много лет работавшие вместе с Караджозом. В Стамбуле о нем ходили легенды, при этом одни поступки зрителя тюрьмы выглядели бесчеловечными и безумными, а другие – до удивления добрыми и деликатными.

На Караджоза поступали частые и противоречивые жалобы, вставал даже вопрос о том, чтобы его убрать, и визири на своем Диване не раз обсуждали его действия. Но в конце концов все оставалось по-старому. Визири знали, что Караджоз – смотритель своенравный, самовластный и со странностями, но отлично понимали, как нелегко найти человека, который возился бы день и ночь с *ворами*, бродягами и вырожденками, держал бы их в повиновении и сохранял в Проклятом дворе относительный порядок.

Таким образом, Караджоз и дальше оставался на посту и управлял тюрьмой по своему усмотрению.

И все находили, что это самое естественное решение. Все, включая и обитателей Проклятого двора. Для заключенных Караджоз был предметом постоянных разговоров, сплетен, насмешек, *брани*, ненависти, случались и попытки физической расправы. (Грязно обругать при каждом удобном случае Караджозову дочку было давнишним и установившимся обычаем во Дворе.) Арестанты, словно замороженные, не спускали с него глаз и по-своему толковали каждый его шаг, взгляд и слово; они перед ним трепетали и старались избегать встреч с ним. Но те же люди говорили о нем с невольным восхищением и пересказывали друг другу его подвиги. Они привыкли к нему, можно сказать – сроднились с Караджозом. *Ругали* его, но так, как *ругают* свою распроклятую жизнь-злодейку. Он уже был частью их удела. В

čudovišan je i ponekad za pojedine starešine, ali u tom načinu postoji uvek mogućnost iznenađenja, u rđavom ali i u povoljnom smislu, kao neka vrsta večite lutrije i stalne neizvesnosti za apsenika. Od toga im sve, pa i sam Karadoz, postaje podnošljivije i lakše, ili bar izgleda tako, jer svi oni vole kocku i izbegavaju izvesnost koja je za njih uvek teška. Sav taj prestonički svet poroka i nereda smatrao je Karadoz svojim; on je bio njihov "krmak", "stenica i krvopija", "pas i pasji sin", ali njihov.

Takav je Latifaga, zvani Karadoz. Možda bi bolje bilo kazati da je takav bio, jer i on je već prilično ostareo i otežao, i izgubio dosta od nekadašnje revnosti i zamorio se, izgleda, da iznenađuje i zaprepašćuje Avliju svojom maštom i dovitljivošću, duhovitim i čudljivim postupcima, i solomonskim presudama. Sad više sedi tamo na zdravoj i lepoj strani ovog brega, kod svoje lepe kuće u kojoj je poženio sinove i iz koje je poudavao kćeri.

Samo s vremena na vreme javio bi se u njemu stari Karadoz, i on bi pred zadivljenom i sujeverno *uplašenom* Avlijom izvodio neki od svojih velikih podviga, kao pre desetak-petnaest godina.

Sa čudnom mešavinom divljenja i ogorčenja, koja se i posle toliko godina osećala u tonu i reči fra Petar je opširno pričao kako je "stari *zlikovac*" na njegove oči izvlačio priznanje iz nekih Jermena, pohapšenih zbog pronevere u državnoj kovnici metalnog novca.

Iz kovnice je polagano ali stalno nestajao dragocen metal. Najposle, stvar je došla i do samog sultana, koji je u svom gnevu zapretio da će najtežim kaznama kazniti visoke činovnike, ako krađe ne prestanu a krivci ne budu pronađeni i državi *šteta naknađena*. Tada je uplašena

непреходящем страхе и ненависти они слились с ним воедино, и жизнь без него им трудно было себе представить. Если уж должен существовать Проклятый двор, так пусть его зрителем будет Караджоз – такой, какой он есть. Методы его управления чудовищны, порой зловещи, но в них всегда скрывается неизвестность, а значит – возможность неожиданного поворота и к худшему, и к лучшему, как в лотерее. Поэтому и тюрьму, и самого Караджоза им становится легче переносить, ибо арестанты любят азартную игру и боятся определенности, которая никогда не сулит им ничего хорошего. Столичный мир порока и преступлений считал Караджоза своим человеком; он был для них «боровом», «клопом-кровопийцей», «сукой и сукиным сыном», но своим.

Таков Латиф-ага, по прозвищу Караджоз. Лучше, однако, сказать, что таким он был, ибо в последние годы он сильно постарел и отяжелел и рвения в нем поубавилось, словно он устал поражать и устрашать Двор своими фантазиями, трюками, остроумными и своенравными выходками и соломоновыми решениями. Теперь он больше времени проводит «за оврагом», на чистом и красивом склоне холма – в своем красивом доме, в котором успел переженить сыновей и выдать замуж дочерей.

Только изредка просыпается в нем старый Караджоз, и перед изумленным, дрожащим в суеверном *страхе* Двором он снова совершает один из своих великих подвигов, как десять – пятнадцать лет тому назад.

Со странным чувством недоумения и раздражения, которое спустя столько лет ощущалось в его тоне и в словах, фра Петар подробно рассказывал, как этот «старый *злодей*» у всех на глазах вытягивал признание у армян, арестованных по делу о хищениях на государственном монетном дворе.

На монетном дворе стал медленно, но верно исчезать драгоценный металл. В конце концов дело дошло до самого султана, и тот, разгневавшись, пригрозил жестоко наказать высших чиновников, если хищения не прекратятся, а виновные не будут найдены и

vlast poapsila nekoliko neposrednih krivaca iz kovnice, a zatim čitavu jednu bogatu i razgranatu jermensku trgovačku porodicu, jer su konci istrage vodili u njihove radnje. Osam muških odraslih članova te porodice dovedeno je u Prokletu avliju. Tu su ti crnomanjasti i ugojeni ljudi udesili svoj život kako bogati ljudi pod svim uslovima mogu i umeju da ga udesu. Dovučene su čitave *gomile* nameštaja i prostirke, donošena im je svakodnevno obilna hrana. Niko ih nije dirao ni ispitivao. I kad je već izgledalo da će se cela stvar na tome i svršiti, ostareli Karadžoz je izveo jedan od svojih podviga iz mladih godina.

Jednog jutra, dok je glava te porodice, prestareli, sipljivi i pregojeni Kirkor sedeo u avliji, na maloj *klupici*, u jednoj udubini apsanskog zida, odjednom se pojavio upravnik i seo pored njega na klupicu na kojoj je jedva bilo mesta za jednog. Ne govoreći ništa, on je celom svojom težinom sve više pritiskivao uza zid Kirkora koji je i inače teško disao. Kad ga je sasvim saterao u kameni ugao, rekao mu je tihim ali strašnim glasom, bez uvoda:

- Slušaj, stvar je krupna (carsko je u pitanju!) i ima da se reši odmah, jer će visoki činovnici, nevini ljudi, pogubiti glave zbog vas. Ti si Jermenin, znači lukav i pronicljiv, a ja vredim bar za tri Jermenina. Pa hajde da nas četvorica tražimo izlaz iz ove zapetljane i vrlo opasne gužve. Ono nekoliko uhvaćenih kradljivaca ljudi su od ništa. Oni štetu naknaditi ne mogu. Platiće glavom. Ali vi ste jataci. Kupovali ste kradeno budzašto. Još možete spasti glave i otkupiti se. Znam da ti nisi kriv, nego neko od tvojih. Ali doklegod se pokradeno ne nade i ne vrati u carsku aznu, ti si taj. Nego hajde da to učinimo, jer inače, dina mi i amana, spašće to meso sa tebe u mukama i neće ga ostate ni onoliko koliko ga ima na dečaku od deset godina.

ущерб государству не будет *возмещен*. Перепуганные власти арестовали нескольких непосредственных виновников, работавших на монетном дворе, а чуть позже – богатую и многочисленную семью армянских торговцев: ниточки следствия привели в их лавки. Восьмерых мужчин из этой семьи доставили в Проклятый двор. Здесь эти смуглые, дородные купцы устроили свою жизнь так, как при любых обстоятельствах могут и умеют ее устраивать богачи. Им привезли целые *горы* мебели и ковров, ежедневно в изобилии доставляли пищу. Никто их не трогал и не допрашивал. И когда уже казалось, что дело на этом кончится, Караджоз тряхнул стариной и выкинул один из тех ловких трюков, какими он славился в молодые годы.

Однажды утром, когда глава семьи, престарелый, одышливый и грузный Киркор сидел во дворе на маленькой *скамеечке* в нише тюремной стены, перед ним вдруг возник смотритель и присел рядом, хотя на скамеечке едва хватало места для одного. Не промолвив ни слова, он всем телом навалился на Киркора, который и без того еле дышал. Наконец, совсем зажав его в каменном углу, он произнес тихим, но зловещим голосом, без всякого предисловия: – Слушай, дело серьезное (задеты интересы самого султана!), надо срочно найти выход, потому что из-за вас могут поплатиться головами ни в чем не повинные высшие чиновники. Ты армянин – значит, сметлив, хитер и проницателен, а я один стою трех армян. Так вот, давай вчетвером и поищем выход из этой запутанной и опасной заварухи. Те арестованные ворюги, сам знаешь, – никто и ничто. Убытка им не покрыть. Они заплатят головой. Но вы их сообщники. Вы покупали краденое за бесценок. Вы можете еще сохранить свои головы и откупиться. Я знаю, ты сам ни при чем, но кто-то из твоих замешан в этом деле. А пока краденое не будет найдено и возвращено в царскую казну – главный виновник ты. Так вот, давай договоримся поскорее, не то, клянусь аллахом, потеряешь ты в великих муках свои телеса и останется на твоих костях мяса не больше, чем у десятилетнего мальчонки.

Stari Jermenin, pritešnjen, nije mogao da uhvati daha ni da kaže reč. Karađoz mu je šapatom govorio dalje. Prvo je rekao ogromnu sumu koju porodica treba da plati državi. Od te brojke trgovcu se zamračio vid i javio ropac u grlu. Ali Karađoz ga je i dalje pritiskivao uza zid.

- Ništa, ništa. Šteta je sigurno velika, ako nije i veća od toga, a to je otprilike četvrtina celokupnog pokretnog imetka. Kako vi o svome imetku dajete uvek lažne podatke, bar za četiri puta manje nego što jeste, to je u stvari samo šesnaestina. Poslušaj me i vrati. Tako stvar može da legne. A ne vratiš li... Karađoz je tada izneo trgovcu, koji ga je slušao sklopljenih očiju i ubrzana daha, ceo svoj đavolski plan.

U njihovim kućama javila su se poslednjih dana dva slučajna oboljenja. Sumnja se da bi mogla biti kuga. Treba to samo objaviti i svi će oni, od najmlađeg do najstarijeg, biti zatvoreni u jermensku bolnicu za okužene. Tu ih se bar polovina može stvarno zaraziti i pomreti. Naći će se ljudi, spolja ili iz posluge, koji će im za to vreme upadati u napuštene kuće i radnje i pokrasti i ono što se vidi i ono što je skriveno. A zatim, nastupiće sve ono dalje što biva sa okuženim i njihovim kućama i imanjem.

I govoreći to pritiskivao je uza zid gotovo obeznanjenog Jermenina koji je pokušavao da nešto kaže, da šišteći, kolutajući očima traži malo vremena i slobodna prostora, da bi promislio, da bi se dogovorio sa svojim, ali Karađoz mu nije ostavljao ni jedno ni drugo, ponavljajući strašnim šapatom da sve mora biti rešeno u ovom trenutku i na ovoj klupici.

Mnogobrojni apsenici, koji se, kao uvek, pred Karađozom bili povukli u svoje ćelije ili u najudaljenije uglove Avlije, nisu ništa od svega toga mogli da vide ili čuju. Osećali su samo da se između starog Kirkora i Karađoza tamo u onom udubljenju vrši težak obračun. Posle dugog iščekivanja videli su kako upravnik odlazi u nadzornikovu kancelariju

Прижатый Караджозом к стене, старый армянин не мог ни вздохнуть, ни слова вымолвить. А Караджоз продолжал шептать. Прежде всего он назвал огромную сумму, которую семья должна выплатить государству. От этой цифры у торговца потемнело в глазах и из горла вырвался хрип. Но Караджоз сильнее притиснул его к стене.

– Ничего, ничего. Вред причинен немалый, может, даже больше, чем думаем, примерно с четверть вашего состояния заплатить придется. Но поскольку вы о своих капиталах всегда даете ложные сведения, уменьшая их по крайней мере в четыре раза, то потеряете вы лишь шестнадцатую долю. Послушайся меня и внеси эту сумму. Тогда можно будет дело уладить. А не вернешь... И Караджоз выложил торговцу весь свой дьявольский план. Старик, тяжело дыша, слушал его с закрытыми глазами.

В последние дни в армянских домах заболело два человека. Подозревают чуму. Стоит только высказать такое предположение вслух, как все армяне от мала до велика будут помещены в чумную больницу. А там добрая половина может на самом деле заразиться и умереть. Сразу же, конечно, найдутся люди – со стороны или из прислуги, – которые проникнут в пустые дома, в лавки и разворуют все, что на виду, и все, что припрятано. А потом произойдет то, что обычно делают с больными чумой, их домами и имуществом.

Говоря это, Караджоз сильнее прижимал к стене почти потерявшего сознание армянина, который пытался что-то сказать, сипел и вращал глазами, моля дать ему немного времени и возможность поразмыслить и переговорить со своими, но Караджоз отказал ему и в том и в другом, внушая зловещим шепотом, что все должно быть решено сейчас же и на этой самой скамейке.

Многочисленные арестанты, которые, как всегда, при виде Караджоза попрятались в камеры или укрылись в отдаленных уголках Двора, ничего не видели и не слышали, однако чувствовали, что между Киркором и Караджозом идет какой-то тяжелый торг. После долгого ожидания они увидели, что

iznad kapije, i kako Kirkor posrćući i zastajkujući u bunilu tetura put soba u kojima su bili njegovi. Otud se jedno vreme mogla čuti prepirka i graja - ogorčeni i uzaludni otpor mlađih članova porodice, a zatim je odjednom i to utihnulo. Stari Kirkor je između dvojice najstarijih sinova koji su ga pridržavali otišao do nadzornika, da se dogovore o načinu isplate.

U toku idućih nekoliko dana pušteni su svi, sve po dvojica-trojica odjednom.

Nedeljama je Avlija pričala o tome kako je Karađoz isterao tešku *globu* od Kirkora, ponavljajući sve sa pojedinostima koje su samo njih dvojica mogli da znaju, a koje su apsenici na čudesan način saznawali ili sami dodavali i *kitili*.

Često je fra Petar pričao o Karađozu, uvek sa pomešanim osećanjem ogorčenja, gnušanja i neke vrste nehotičnog divljenja, sa čuđenjem koje ni samo sebe ne shvata, ali i sa željom i potrebom da što bolje rečima prikaže sliku toga čudovišta, kako bi postala jasna i onome koji sluša i kako bi joj se i on čudio. I stalno se bar ponekom ironičnom reči vraćao na njega, kao da oseća da sa njim nije gotov.

Ali pričao je isto tako živo i sa pojedinostima i o životu Avlije kao celine i o zanimljivim, smešnim, žalosnim, poremećenim pojedincima ljudima u njoj; oni su mu bili bliži i bolje poznati nego razbojnici, ubojice i mračni zlikovci kojih se klonio koliko je mogao.

Pa ipak, sve to kao da nije bilo najvažnije ni zauzimalo najviše mesta u fra-Petrovim sećanjima na Prokletu avliju o kojoj je, u poslednjim danima svoga života, toliko pričao mladiću pored sebe.

смотритель прошел в канцелярию, помещавшуюся над воротами, а Киркор, спотыкаясь и останавливаясь на каждом шагу, поплелся, словно в бреду, в камеры, где были его родственники. Оттуда некоторое время слышались препирательства и крики – младшие члены семьи ожесточенно, но тщетно сопротивлялись, а затем все вдруг стихло. Старик Киркор в сопровождении двух старших сыновей, поддерживающих его под руки, отправился к смотрителю договариваться, каким образом будут выплачены деньги.

Через несколько дней их начали выпускать группами по два-три человека.

Долго во Дворе судачили о том, как Караджозу удалось выколотить такую тяжкую *дань* из Киркора, пересказывали подробности, которые могли быть известны лишь им двоим, но которые заключенные каким-то непостижимым образом узнавали или же сами придумывали и *прибавляли*.

Фра Петар часто рассказывал о Караджозе, и всегда со смешанным чувством раздражения, ненависти, невольного восторга и безотчетного изумления, страстно желая как можно ярче обрисовать это чудовище, для того чтобы его образ так же ясно предстал перед слушателями и так же поразил их воображение, как поражал он и самого рассказчика. И даже говоря о чем-нибудь другом, он постоянно, хотя бы вскользь брошенной репликой, возвращался к Караджозу, как бы чувствуя, что с ним еще не покончил.

Но точно так же подробно и живо фра Петар рассказывал о жизни Двора в целом и об отдельных его обитателях – смешных, жалких и чудаковатых; с ними он был знаком ближе и лучше, чем с разбойниками, убийцами и закоренелыми злодеями, которых старался по возможности избегать.

Однако и это было не самым главным и не занимало больше всего места в воспоминаниях фра Петара о Проклятом дворе, о котором в последние дни жизни он подолгу рассказывал сидевшему возле него юноше.

II

Kao uvek, u svakom zlu, prvi dani u Proklesoj avliji bili su najgori i najteži. Naročito su noći bile nepodnošljive. Da bi se koliko-toliko zaštitio od tuča, svada i ružnih noćnih prizora, fra Petar je izabrao jedan zabačen kut prostrane ćelije, iza velikog provaljenog odžaka, i tu se sklonio sa ono malo stvari što je poneo sa sobom. Tu su već bila dva građanina iz Bugarske, takođe „prolazni“ i predodređeni za progonstvo. Fra-Petra su primili bez mnogo reči, ali dobro. Svakako su bili zadovoljni da to mesto zauzme ovaj mirni građanski odeven čovek iz Bosne o kom nisu ništa drugo znali ni pitali, ali su pogađali da je "prolazni" kao i oni i da mu je teško kao i njima u ovoj ružnoj i opasnoj gužvi.

Očigledno imućni ljudi, oni su, koliko se moglo razabrati, bili žrtve neke pobune koja je nastala u njihovom kraju zbog preteranih *poreza* i *nameta* i nečovečnog njihovog načina *uterivanja*. Više kao neka vrsta *talaca*. Ali o svojoj krivici nisu govorili. Bili su brižni i uplašeni ali na njihovim licima nije se ni to videlo. Ništa. Sve je u njima i na njima bilo od uzdržanosti i opreza. Uvek opasani, obuveni i potpuno odeveni, kako ih poziv na polazak ne bi zatekao nespremne. (Dok ovi carigradski sitni i krupni apsenici smatraju Prokletu avliju kao deo svog života, i tako se i ponašaju, dotle ova dvojica stvamo i ne žive, nego samo tu borave i traju, a život im je ostao tamo u Bugarskoj. Sad čekaju rešenje. Živeće, ako im uspe da se vrate, a dok su daleko od svoga i svojih, nema života. I ne treba im. Takvi su svi "prolazni".) Iz ćelije je izlazio uvek samo jedan od njih dvojice, i to samo retko i na koji trenutak, dok bi drugi ostajao na *asuri*, pored stvari. Ponajviše su sedeli ili ležali, nemi i bez *pokreta*. Pogled nisu dizali bez potrebe. Jeli su malo, pa i to kriomice, i pili samo vodu, zakrećući se i pri tom u stranu. Ni s kim nisu razgovarali i čudili se i tiho negodovali što fra Petar prisustvuje u dvorištu apseničkim šalama i pričanjima, pa i sam razgovara sa ponekim od njih. A svakako su tražili od njega da ne puši u mraku jer to privlači neželjene goste.

Как и в любом несчастье, первые дни в Проклятом дворе были для фра Петара самые тяжелые. Особенно невыносимы были ночи. Чтобы хоть как-нибудь оградить себя от драк, ссор и отвратительных ночных сцен, он облюбовал темный угол огромной камеры за большим развалившимся очагом и расположился там со своими скудными пожитками. Там сидели двое болгар, тоже «пересыльные», приговоренные к каторге. Фра Петара они встретили почти без слов, но доброжелательно, явно довольные, что место возле них занял тихий, по-городскому одетый босниец, о котором, кроме этого, они ничего не знали и не спрашивали, предполагая, однако, что и он «пересыльный» и что ему, как и им, тяжело в этой мерзкой страшной клоаке.

Болгары, люди состоятельные, явились, насколько можно было понять, жертвами волнений, вспыхнувших из-за непосильных *налогов и податей* и немилосердного их *взымания*. Нечто вроде *заложников*. О своих делах они не говорили. Они были озабочены, испуганы, но даже это не отражалось на их лицах. Ничуть! Все в них говорило о выдержке и настороженном внимании. Всегда подтянутые, обутые и одетые, они словно в любую минуту были готовы тронуться в путь. (Стамбульские мелкие и крупные правонарушители считают Проклятый двор частью своей жизни и соответственно ведут себя, но эти двое здесь не жили, а лишь отбывали срок – жизнь их осталась там, в Болгарии. Теперь они ждали решения своей судьбы. Они еще поживут, если удастся возвратиться домой, а пока они далеко от своих – жизни нет. И не нужно. Таковы все «пересыльные».) Из камеры болгары выходили всегда врозь и то редко и на минутку, – один всегда оставался на *циновке* возле вещей. Но большую часть дня они сидели или лежали, безмолвные и *неподвижные*. Даже глаз не подымали без нужды. Ели мало и украдкой, пили только воду, тоже отворачиваясь в сторону. Они ни с кем не разговаривали и тихонько возмущались фра Петаром, который слушал во дворе шутки и разговоры

Pa ipak, posle nekoliko dana dobili su gosta koji se odmah pretvorio u suseda. Našao se još neko koga je privukao taj ugao urednih, mimih i povučenih ljudi "prolaznika".

Misleći o njemu, docnije, mnogo puta, fra Petar nije mogao nikako da se tačno seti ni sata kad je došao, ni kako je došao, tražeći malo mesta, ni šta je pri tom rekao. - Kod ljudi koji nam postanu bliski mi sve te pojedinosti prvog *dodira* sa njima obično zaboravljamo; izgleda nam kao da smo ih vazda znali i kao da su oduvek sa nama bili. Od svega toga u sećanju iskrasne ponekad samo neka nepovezana slika.

U prvom sutonu nad njim je nagnuta silueta visokog, pognutog, na izgled mladog čoveka sa ćebetom preko jedne i sa kožnom torbom u drugoj ruci. Brzi, kosi pogledi koje su dvojica Bugara izmenjali prvo između sebe a zatim obojica sa fra-Petrom. Strelovit ali nedvosmislen izraz negodovanja, opreza i odbojne solidarnosti: Turčin! Pridošlica se smestio bez nameštanja, gotovo bez pokreta; dah mu se nije čuo. A kad god bi se te noći probudio (nema toga ko se ovde često i mnogo ne budi), fra Petar bi po nečem osenio da i "novi" pored njega ne spava.

Probudivši se u svitanje, fra Petar je pri bledej svetlosti zore, koja je tamo napolju morala biti raskošna, okrenuo pogled na desnu stranu, gde je sinoć zanoćio Turčin pridošlica. Prvo što je ugledao bila je nevelika, u žutu kožu povezana knjiga. Jako i toplo osećanje radosti prostrujalo mu je celim telom; nešto od izgubljenog, ljudskog i pravog sveta koji je ostao daleko iza ovih zidova, lepo ali nesigurno kao snoviđenje. Trepnuo je očima, ali knjiga je stajala na mestu i bila zaista - knjiga. Tek tada je pošao dalje pogledom i video da je ta knjiga na krilu čoveka koji samo napola leži a napola sedi, naslonjen na svoj *kovčežić*. To je onaj *sinoćnji*.

заклученных и сам иногда принимал в них участие. И еще просили его в темноте не курить, так как это могло привлечь в их угол нежеланных гостей.

И все же спустя несколько дней они должны были принять нового гостя, ставшего их соседом. Нашелся еще один человек, которого привлек к себе укромный уголок, где обосновались приличные, мирные и тихие «пересыльные».

Впоследствии фра Петар никак не мог припомнить, когда и как появился этот человек и что он при этом сказал. (Мы обычно забываем подробности первой *встречи* с людьми, которые впоследствии становятся для нас близкими; нам кажется, что мы знали их всегда и всю жизнь были с ними вместе.) В памяти фра Петара время от времени воскресала лишь одна, не связанная ни с чем картина.

В ранних сумерках он увидел силуэт склонившегося над ним высокого, сутулого и на вид молодого человека с шерстяным пледом в одной руке и с кожаной сумкой в другой. Болгары обменялись быстрыми взглядами сначала между собой, потом с фра Петаром. По их лицам скользнуло недвусмысленное выражение недовольства, настороженности и готовности к отпору – турок! Тот лег, где стоял, и тут же замер, даже дыхания его не было слышно. И когда бы той ночью фра Петар ни проснулся (а здесь нет человека, который бы по несколько раз за ночь не просыпался), он всякий раз ощущал, что и «новый» около него не спит.

Проснувшись на рассвете, фра Петар при бледном свете зари, которая за стенами камеры была, вероятно, чудесной, посмотрел направо, где вчера вечером устроился на ночь пришедший турок. Первое, что он увидел, была небольшая книга в желтом кожаном переплете. Сильное и теплое чувство радости разлилось по всему его телу. Книга! Это было что-то из утраченной, настоящей человеческой жизни, оставшейся далеко за тюремными стенами, что-то прекрасное, но зыбкое, как сновидение. Он зажмурился, снова открыл глаза – книга лежала на прежнем месте, и это была

Pored njega putnička torba od svetle, rađene kože, pod njim mrko ćebe, sjajno i već na pogled toplo i meko kao tanko, skupoceno krzno. Po svom poreklu i vaspitanju, u skućenim granicama svojih posve skromnih potreba, fra Petar nikad nije mnogo mislio o vrednosti i obliku stvari oko sebe, niti im je pridavao neku važnost, ali ovo nije mogao da ne primeti. Nikad nije video predmete obične, svakodneвне upotrebe tako vešto izrađene i od tako fine materije; i da je ostao u Bosni i da nije zlim slučajem zapao u ovu Avliju, on ne bi znao ni mogao verovati da zaista postoje.

Pogled je išao dalje. Lice tog čoveka bilo je novo *iznenađenje*. Lice mladića, meko, malo podbulo, belo i bledo onim sobnim bledilom, drukčije od svega što se ovde moglo očekivati, obraslo u riđu, pahuljastu bradu od desetak dana i oborene, nešto svetlije brkove. Isticali su se veliki, bolesnički i poput uboja tamni koluti iz kojih su, sjajne od vlage i vatre, gledale modre oči. Fra-Petru, koji je u svom veku video mnogo bolesnika svake vrste, dođe odjednom sve to poznato. Ne te, ali takve oči on je već gledao. Ima takvih ljudi koji se nečeg plaše ili stide, nešto žele da sakriju. I upravo zbog toga oni svojim pogledom stalno nastoje da privuku i zadrže tuđi pogled, u želji da ga vežu za svoje oči i da mu tako ne dopuste da ide dalje i da razgleda i ispituje crte njihova lica ili delove tela ili odeću na njima. Mladić je netremice, ispitivački ali mirno gledao u fratrovo otvoreno, široko lice sa gustim, cmim *brkovima* i jako razmaknutim, krupnim, smeđim očima mirna pogleda.

Razgovor je počeo sam od sebe. A to su i najbolji razgovori. Najpre nešto kao pozdrav, retke neodređene reči koje se traže i u dodiru

действительно книга. Только тогда он поднял взгляд и увидел, что книгу держит на коленях человек, который полусидит, облокотясь на свой *сундучок*. Это был *вчерашний пришелец*. Возле него дорожная сумка из светлой, хорошо выделанной кожи, под ним превосходный темный плед – даже издали видно, какой он теплый и мягкий, словно нежный дорогой мех. Происхождение и воспитание, а также скромные потребности фра Петара привели к тому, что он никогда не задумывался над ценностью и внешним видом вещей и не придавал им никакого значения, но такой плед он не мог не заметить. Он никогда не видел, чтобы обычные, ежедневно Употребляемые вещи были сделаны так искусно и из такого прекрасного материала; останься он в Боснии и не угоди, на свое несчастье, в Проклятый двор, он никогда бы не узнал и не поверил, что нечто подобное существует на свете.

Взгляд его скользил дальше. Лицо молодого человека явилось новой *неожиданностью*. Мягкое, одутловатое, бледное особой, комнатной бледностью, совсем не похожее на те физиономии, какие можно было здесь встретить, оно обросло рыжеватой пушистой бородкой, должно быть, человек не брился дней десять; усы казались светлее и свисали вниз. На лице выделялись огромные нездоровые темные круги, из которых, сверкая влагой и внутренним огнем, смотрели голубые глаза. Фра Петару, повидавшему на своем веку множество самых различных больных, это показалось знакомым. Такие глаза он видел. Есть люди, которые будто чего-то боятся или стыдятся, хотят что-то скрыть. И именно поэтому они своим взглядом стараются привлечь и задержать чужой взор, приковать его к своим глазам, не пустить дальше – к лицу, фигуре или одежде. Юноша не моргая, выжидательно и спокойно смотрел в открытое, добродушное лицо монаха с густыми, черными *усами* и большими, широко расставленными карими глазами, тоже спокойными.

Разговор завязался сам собою. А такие разговоры самые лучшие. Сначала нечто вроде приветствия, отдельные, неопределенные

ispituju. To je bilo dovoljno fra-Petru da uvidi da Turčin nije *ohol* ni odbojan kao što bi mogao da bude. Uzdržljiv jeste, ali na neki drugi način.

Tako su se to dopodne nekoliko puta sretali i razdvajali. I svaki put bi izgovorili po nekoliko beznačajnih reči. Takvi su tamnički razgovori, počinju sporo i sa oklevanjem, a zatim se, ne nalazeći nove hrane, gase lako i brzo u nepoverljivom ćutanju u kom svaki od sabesednika ispituje i ono što je rekao i ono što je čuo.

Oko ručka su izgubili jedan drugog iz vida. Tek posle podne su nastavili razgovor. Utvrdili su da obojica čitaju italijanski. Izmenili su po koju reč i na tom jeziku. Više kao u šali. A ipak, to ih je nekako ograđivalo od ovog sveta oko njih i približavalo među sobom. Razgovarali su o raznim gradovima i krajevima sveta, zatim o knjigama, ali kako nisu čitali iste knjige, razgovor je zapeo. Kazali su i svoja imena. Mladić se zvao Čamil. Fra Petar je rekao svoje, prećutavši zvanje. Inače o sebi i o onom što ih je ovamo dovelo niko nije rekao ni reči. Sve se kretalo u zatvorenim krugovima i na površini života. Naročito je uzdržljiv bio mladi Turčin. Svojim tamnim i dubokim glasom i laganim klimanjem glave on je samo potvrđivao ono što je fra Petar govorio. A potvrđivao je sve, bez razmišljanja. Sam nije nijednu, ni najobičniju misao do kraja dorekao. Zastajao je često na sredini rečenice. Pogled mu je stalno bežao u daljinu.

Fra Petar je razgovarao življe. Bio je srećan što je našao ovog sabesednika, ali je u sebi odmah pomislio: ja ovo razgovaram sa bolesnim čovekom. Nije trebalo poznavati ljude ni toliko koliko ih je on poznao, da bi se izveo taj zaključak.

- Da, da - govorio je mladi Turčin sa nekom pomalo zapadnjačkom učtivošću, ali to "da, da" potvrđivalo je više fra-Petru

слова, которыми прощупывают и испытывают друг друга собеседники. Фра Петар понял, что турок не *заносчив* и настроен не враждебно, как можно было бы ожидать. Правда, он сдержан, но совсем по-особому.

В то утро они несколько раз встречались и расходились и каждый раз перебрасывались несколькими незначительными фразами. Таковы все тюремные разговоры, они начинаются медленно и нерешительно и затем, не находя новой пищи, обычно легко и быстро сменяются недоверчивым молчанием, когда каждый из собеседников мысленно взвешивает то, что сказал сам и что услышал от другого.

Во время обеда они потеряли друг друга из виду. Только после полудня снова разговорились. Выяснилось, что оба читают по-итальянски. Перекинулись несколькими итальянскими словами. Больше шутки ради. И все-таки это сразу их как-то отделило от окружающих и сблизило. Поговорили о разных городах и краях, потом перешли к книгам, но так как книги они читали разные, разговор прервался. Сообщили друг другу свои имена. Юношу звали Чамил. Фра Петар назвал свое имя, умолчав о звании. Вообще о себе и о том, что их привело сюда, ни один не сказал ни слова. Разговор вертелся вокруг одного и того же и скользил по поверхности. Особенно лаконичен был молодой турок. Низким, глухим голосом и легким покачиванием головы он лишь соглашался с тем, что говорил фра Петар. И соглашался не раздумывая. Сам же не досказал до конца ни одной даже самой банальной мысли. Часто умолкал посреди фразы. Взгляд его постоянно уходил куда-то вдаль.

Фра Петар говорил более оживленно. Он был счастлив, что нашел собеседника, но про себя сразу подумал: «Юноша, несомненно, болен». Даже не отличаясь особым знанием людей – а фра Петар их знал, – нетрудно было прийти к такому заключению.

– Да, да, – повторял молодой турок с европейской учтивостью, но это «да, да» скорее подтверждало мнение, сложившееся о нем у фра

misao o njemu nego fra-Petrove izgovorene reči.

Pa i takvi kakvi su, ti razgovori su, izgleda, bili obojici zatvorenika prijatni i dragi kao neočekivani darovi nečeg što ovde najviše nedostaje; zbog toga su ih stalno obnavljali i posle svakog prekida nastavljali.

Dvojica trgovaca gledala su ih sa skrivenim čuđenjem i još bolje skrivenom sumnjom.

A kad je stalo da se mračni, mladi Turčin i fra Petar su večerali zajedno. Večerao je fra Petar, jer mladić nije jeo ništa, žvaćući dugo i rasejano sve isti zalogaj. Neposredan i otvoren, fra Petar mu je govorio:

- Čamil efendijo, nemoj zameriti, ali ne valja ti što ne jedeš.

I uveravao ga je da čovek u nevolji treba više da jede i da bude snažniji i vedriji nego kad je u dobru.

- Da, da - odgovarao je mladić, ali ni posle toga nije jeo više nego dotad.

Sutradan su nastavili sa razgovorima koji su bili duži, življi i prirodniji. Vreme je prolazilo lepše i brže se primaklo večer. Sa sumrakom razgovor je bivao sporiji i oskudniji. Govorio je samo fra Petar. I ono rasejano „da, da“ počelo je da izostaje. Mladić se sve više uvlačio u sebe i samo spuštanjem i dizanjem teških očnih *kapaka* potvrđivao sve, ne učestvujući pravo ni u čem.

Po crvenkastoj svetlosti na nebu i na retkim vršcima kiparisa iza visokog zida videlo se da sunce naglo zalazi tamo negde na drugoj strani nevidljivog grada. Jedno vreme i celo dvorište bilo je puno rumenog odsjaja, ali se brzo praznilo kao nagnut, četvrtast sud, i sve se više punilo senkom prvog sutona.

Stražari su ugonili apsenike u ćelije, a oni su, kao neposlušni i raštrkano stado, bežali ispred njih i sklanjali se u udaljene krajeve dvorišta. Nikom se nije napuštao dan ni odlazilo u sparne sobe. Bilo je i vike i udaraca.

Петара, чем отвечало на его слова.

Но каковы бы ни были эти разговоры, они, по-видимому, были дороги и приятны обоим заключенным, словно неожиданный подарок, ибо давали им то, чего здесь больше всего недоставало; поэтому их беседы постоянно возобновлялись и продолжались после каждого перерыва.

Болгары искоса поглядывали на новоявленных друзей, стараясь не выдавать ни своего удивления, ни тем более своих подозрений.

А когда начало смеркаться, молодой турок и фра Петар сели вместе ужинать. Собственно, ужинал фра Петар, юноша ничего не ел, долго, с рассеянным видом пережевывал кусок. Бесхитростный и открытый фра Петар говорил ему:

– Чамил-эфенди, не сердись на меня, но это никуда не годится – ты ничего не ешь.

И он внушал юноше, что в несчастье человек должен есть больше, чем в обычное время, чтобы быть сильным и бодрым.

– Да, да, – соглашался юноша, но и после этого ел так же мало.

На следующий день они разговаривали живее и непринужденнее. Времени прошло незаметно, и вот уже снова вечер. С наступлением темноты беседа начала замирать. Говорил только фра Петар. Даже рассеянное «да, да» собеседника постепенно прекратилось. Молодой человек все больше замыкался в себе и, соглашаясь со всем, лишь опускал или поднимал тяжелые *веки*, ни во что как следует не вникая.

Судя по красноватому цвету неба и красным отблескам на вершинах редких кипарисов за высокой тюремной стеной, где-то там, по другую сторону невидимого города, стремительно заходило солнце. На одно мгновение двор залили багряные отсветы, но они быстро исчезли, словно вылились из наклоненного четырехгранного сосуда, который наполняли тени сумерек.

Стражники загоняли арестантов в камеры, а те разбрелись, как непослушное стадо, и убежали от них, норовя забиться в глухие уголки двора. Никому не хотелось расставаться с угасающим днем

U tom trenutku do ćelije pred kojom su još sedeli fratar i mladić dotrčao je stražar vičući mladićevo ime. Za njim je na nekoliko koraka trčao drugi, vičući isto, samo sa pojačanom revnošću. Tako je na svim ovakvim mestima ta sitna sluščađ brza kad iza nje stoji oštro naređenje viših, brza i na zlo i na dobro, već prema tome kakve je prirode naređenje. U ovom slučaju moralo je biti dobro. Sa pažnjom koja je ovde retka obojica su pozvali mladića da odmah pređe u drugu, za njega određenu prostoriju. Pomagali su mu da sakupi stvari. Videlo se da ide negde na bolje.

Mladić je bez mnogo čudenja i bez pitanja primio tu neočekivanu pažnju kao naređenje. Pre polaska okrenuo se svome sabesedniku kao da će mu kazati nešto svečano i prvi put jasno, ali se samo osmehnuo i zanjihao glavom kao da pozdravlja iz daljine. I bez reči oni su se oprostili kao dobri, stari poznanici.

Te noći fra Petar je dugo mislio o neobičnom Turčinu. Kao i jeste Turčin, i nije, ali nesrećan čovek je sigurno. Na mahove, kad bi se zaneo u polusan, činilo mu se da je tu pored njega, budan ali miran, sa svojom knjigom i svojim neobičnim, finim stvarima. U isto vreme osećao je jasno da je otišao, da ga nema. I bilo mu je žao što je tako. A kad je uspeo da zaspi pravim snom, koji je kod njega, dok je trajao, uvek bio dubok i tvrd, bez snova, bez svesti o sebi i svetu oko sebe, potonuli su u tom snu i sused zdesna i misao na njega. Ali čim bi se u toku noći probudio, javljalo se u njemu neko nejasno i davnašnje, ali živo osećanje duboke žalosti iz mladalačkih godina, kad je morao da se rastaje sa dobrim drugovima i da ostane sa ravnodušnim tuđim svetom sa kojim se po dužnosti živi i radi. A kad je svanulo, to noćno talasanje snova i privida prestalo je, i na belom danu ostala je prosta istina: suseda zaista nije bilo. Prazno mesto desno od sebe osećao je kao nelagodnost i naročitu muku u ovom životu punom sitnih i krupnih muka i nelagodnosti. Levo od njega bila su dva trgovca, ćutljivi i uvek na polazak spremni ljudi.

и залезать в душевые камеры. Слышались крики и звуки ударов. Камила с не меньшим усердием. Так везде и всюду спешат мелкие сошки, получив строгий наказ вышестоящих, спешат сломя голову, безразлично – послали их на злое или доброе дело. В данном случае все было хорошо. С редкостной для Проклятого двора предупредительностью посланные пригласили юношу тотчас же перейти в другое, специально для него приготовленное помещение. Они помогли ему собрать вещи. Было видно, что его дела повернулись к лучшему.

Юноша не выразил удивления и ни о чем не спросил, приняв это неожиданное внимание к себе как приказ. Уходя, он оглянулся на своего собеседника, словно желая сказать ему нечто значительное и впервые совершенно ясное, но только усмехнулся и закивал головой, будто приветствуя издалека. И так молча они распрощались как старые хорошие знакомые.

В ту ночь фра Петар долго думал о странном турке. Как будто бы он и турок и не турок, но совершенно очевидно, что он несчастен. По временам, погружаясь в дремоту, фра Петар словно видел юношу рядом с собой – бодрствующего и спокойного, с книгой, с необычными, изящными вещами, но одновременно ясно чувствовал: Камила увели, ею здесь нет. И ему было жаль, что они расстались. Когда он наконец уснул настоящим сном, как обычно крепким и глубоким, без сновидений, забыв и о себе, и об окружающем мире, сон поглотил и ушедшего соседа, и всякую мысль о нем. Но стоило ему проснуться среди ночи, как сразу же воскресало старое, полузабытое, но по-прежнему живое чувство горечи, которое он испытал в юности, когда простился с близкими друзьями и поселился среди равнодушных, чужих людей, с которыми вынужден был с тех пор жить и работать. А когда рассвело и ночной калейдоскоп печальных дум и чувств исчез, осталась одна простая истина: соседа рядом с ним действительно не было. Пустое место справа воспринималось как новое несчастье и

Tek što se razdanilo, to prazno mesto je popunjeno. Zauzeo ga je mršav, tanak čovek, neobrijan i sav zapušten, crne, *kovrdžave* kose. Izvinjavao se govoreći brzo i mnogo. Ne bi hteo nikom da smeta, kaže, ali ne može da izdrži neprijatnost onih među kojima je dosad ležao, i prisiljen je da potraži mirnije mesto, među boljim ljudima. Spustio je svoj zembilj od pletenog rogoza i nešto tanka i stara odela, i nastavio da govori.

Opširni i ceremoniozni uvodi nisu ovde u običaju, ali ovaj je govorio o svemu, odmah, kao da je među starim sigurnim poznanicima. I videlo se da govori više zbog sebe, što ne može drukčije, nego zbog onog što govori i onih kojima govori.

Dvojica trgovaca još su se više povukli u se i zbili jedan uz drugog. Ali fra Petar je i slušao i gledao ovog neobičnog čoveka i celim svojim držanjem, kako se činilo, podsticao njegovu govornost. (A u sebi je mislio: ja sam pomalo na mog amidžu, pokojnog fra-Rafu, koji je svakog mogao da sasluša i podnese, i u šali uvek govorio: "Ja bih bez hljeba još nekako i mogao, ali bez razgovora, beli, ne mogu.") Čovek je pričao.

Bio je Jevrejin iz Smirne. Tužno je izgledalo njegovo crno lice. Velik nos, krupne oči sa žutom zakrvavljenom *beonjačom*. Tužan je izgledao ceo, i brižan i uplašen, ali njegova potreba za govorom bila je veća i jača od njegove nevolje i velikog straha. Kao da nastavlja neki sinoćni razgovor, on je fra-Petru, dok su izlazili iz ćelije u dvorište, govorio živim polušapatom o sebi i svojim stradanjima.

- Em čoveka opljačkaju, em ga optuže i zatvore! I, molim vas, otkud mi spadamo ovamo sa ovim *ološem*? Ja se pitam...

I nabrajao je šta se sve pita; a pitao se svašta. Pri tom se obzirao oko

страдание в жизни, исполненной множества мелких и крупных несчастий и страданий. Слева по-прежнему сидели два торговца – неразговорчивые люди, всегда готовые в путь.

А утром пустое место оказалось занятым. На нем расположился худой и юркий небритый брюнет с растрепанными *кудрявыми* волосами. Он непрестанно извинялся и говорил без умолку и быстро. Он, мол, не хотел бы никому мешать, но просто больше невмочь выносить непристойные выходки тех, среди кого он доселе находился, волей-неволей пришлось поискать более спокойное место, среди порядочных людей. Поставив свой коробок, бросив старую, ветхую одежку, он продолжал говорить.

Здесь не были в обычае пространные и церемонные вступления к разговорам, а этот человек болтал так, как будто попал к старым и верным друзьям. Ясно, что говорил он больше для себя самого, ибо не мог иначе, а не ради того, что хотел сказать, и не ради тех, кому говорил.

Двое торговцев еще больше насупились и сидели, прижавшись друг к другу. Но фра Петар с интересом слушал и смотрел на этого чудака, всем своим видом подхлестывая его говорливость. (Про себя же он думал: а ведь я пошел в покойного дядюшку фра Рафо, тот мог терпеливо выслушать любого и в шутку говорил: «Без хлеба я бы еще кое-как прожил, но без разговора не могу».) А новый сосед говорил и говорил.

Он оказался евреем из Смирны. На смуглом лице огромный нос, большие глаза с кровянисто-желтоватыми *белками* глядели скорбно, видно было, что он подавлен, озабочен, испуган, но потребность говорить была в нем сильнее горя и страха. Словно продолжая начатый вчера разговор, он, выходя вместе с фра Петаром из камеры во двор, рассказывал взволнованным шепотом о себе и своих страданиях:

– Ограбят человека, да его же обвинят и посадят! Скажите, ради бога, каким образом мы очутились среди этих *подонков*? Я спрашиваю себя...

sebe bojažljivo, ali nije prestajao da govori. "Ova njegova govorljivost i dovela ga je ovamo", mislio je fra Petar u sebi, slušajući već samo na jedno uho zamorno i grozničavo pričanje ovog čudnog čoveka, kad on pomenu Ćamil efendijino ime.

- Juče sam video da se bio sklonio kraj vas, kraj pristojnih ljudi. Ali njemu su sada dali sobu u takozvanom belom čardaku, tamo kraj kapije, gde spavaju čuvari i činovnici i gde ugledniji zatvorenici imaju odvojene ćelije i naročitu hranu. I jeste, molim vas, strašno. Zar je onakav čovek za ovog, ovog...

Fra Petar se prenu.

- Vi poznajete toga ... Ćamil efendiju?

- Ja? kako da ne! Vas ne poznajem, oprostite, našli smo se, eto... Ne poznajem vas, ali vidim da ste čovek od reda i časti, a meni je to... Vas ne, ali njega, njega da. Iz viđenja, vrlo dobro. Zna ga cela Smirna. Sve se u Smirni zna.

Još u toku prvog dana fra Petar je saznao mnogo o mladom Turčinu i njegovoj porodici, pa i onom što ga je dovelo u ovu neobičnu kuću. Naravno, sve onako kako se od ovog Haima, tako se zvaao čovek iz Smirne, moglo saznati. Sve ispreturano i izlomljeno, nešto ispušteno, a nešto opet po tri puta ponovljeno, šareno, živo, ne uvek jasno, ali sa mnoštinom svakojakih pojedinosti. Jer ovaj čovek, koji je morao da govori, nije nikada mogao samo o jednom predmetu govoriti. Zastao bi za nekoliko trenutaka, zamislio se, tužno se mršteći, kao da ga to i samog muči i kao da uviđa da nije lepo što o svima, svašta i svuda govori, ali njegova potreba da priča o tuđim životima, naročito o životima onih koji su po društvenom položaju viši ili po svojoj sudbini izuzetni, bila je jača od svega.

Jedan od onih što celog života vode neki svoj bezizgledan i unapred

И он перечислял все, о чем себя спрашивал. А спрашивал он себя обо всем, при этом пугливо озирался, но говорить не переставал. «Эта болтливость и привела его сюда», – заключил фра Петар, рассеянно слушая утомительную и лихорадочную болтовню этого странного человека, как вдруг тот упомянул имя Чамил-эфенди.

– Я видел вчера, что он устроился возле вас, возле порядочных людей. Но теперь ему дали хорошую комнату в Белой башне недалеко от ворот, где спят охрана и служащие. Почетные арестанты получают там отдельные камеры и особую пищу. А ведь здесь и правда страшно. Разве такой человек может жить среди этих, этих...

Фра-Петар всполошился.

– Вы знаете этого... Чапмил-эфенди?

– Я? Да как же не знать! Вас, простите, не знаю, мы с вами только что встретились, да... Не знаю вас, но вижу, что человек вы порядочный и честный, а для меня это... Вас не знаю, но его – его, конечно, знаю. Знаю в лицо, очень хорошо. Его вся Смирна знает. В Смирне все известно.

И вот уже в первый день фра Петар многое узнал о молодом турке, о его семье, а также о том, что привело его в этот необычный дом. Разумеется, рассказ Хаима, как звали еврея из Смирны, отличался крайней сбивчивостью и бестолковостью. Что-то он пропускал, другое повторял раза по три, но говорил при этом ярко и красочно, пусть не всегда ясно, но зато со множеством занимательных подробностей. Человек этот не мог заставить себя молчать, но и не в состоянии был сосредоточиться на одном предмете. На мгновение он замолкал, задумывался и жалобно морщился, словно и сам терзался мыслью, как нелепо и неуместно рассказывать каждому встречному и поперечному о посторонних людях, но потребность говорить о чужих судьбах, особенно о судьбах тех, кто по своему общественному положению стоял выше его или представлял какое-то исключение, всегда побеждала.

Хаим был один из тех людей, которые ведут бессмысленную и

izgubljen spor sa ljudima i društvom iz kog su. U svojoj strasti da sve kaže i objasni, da sve greške i sva zlodela ljudska otkrije i da zle izobličiti a dobrima oda priznanje, on je išao mnogo dalje od onog što običan, zdrav čovek može da vidi i sazna. Prizore koji su se odigrali između dvoje ljudi, bez svedoka, on je znao da ispriča do neverovatnih pojedinosti i sitnica. I nije samo opisivao ljude o kojima priča nego je ulazio u njihove pomisli i želje, i to često i u one kojih ni sami nisu bili svesni, a koje je on otkrivao. On je govorio iz njih. A imao je čudan dar da sa posve malom promenom u glasu oponaša govor lica o kome je reč, i da bude čas valija, čas prosjak, čas grčka lepotica; a posve neznatnim pokretima tela ili samo ličnih mišića mogao je da prikaže u potpunosti hod i držanje jednog čoveka ili kretanje životinja ili čak i izgled mrtvih predmeta.

Na taj način Haim je žustro i mnogo pričao o velikim i bogatim jevrejskim, grčkim, pa i turskim porodicama iz Smirne, zadržavajući se uvek na krupnim događajima i teškim stvarima. A svako takvo pričanje završavao je čudnim povicima, gotovo klikanjem: „E? A!“, što je trebalo da znači otprilike: „Eto kakvih sve ima! A šta je moj ubogi život i moj slučaj prema njima i njihovim zapletenim sudbinama!“ A tu gde se završavalo jedno, počinjalo je drugo pričanje. Kraja nije bilo.

(Mi smo uvek manje ili više skloni da osudimo one koji mnogo govore, naročito o stvarima koje ih se ne tiču neposredno, čak i da sa prezirom govorimo o tim ljudima kao o brbljivcima i dosadnim pričalicama. A pri tom ne mislimo da ta judska, toliko ljudska i tako česta mana ima i svoje dobre strane. Jer, šta bismo mi znali o tuđim dušama i mislima, o drugim ljudima, pa prema tome i o sebi, o drugim sredinama i predelima koje nismo nikad videli niti ćemo imati prilike da ih vidimo, da nema takvih ljudi koji imaju potrebu da usmeno ili pismeno kazuju ono što su videli i

обреченную на неуспех тяжбу с людьми и средой, из которой вышли. В страстном стремлении все высказать и все объяснить, раскрыть все заблуждения и злодеяния, изобличить зло и воздать должное добру он шел значительно дальше того, что способен увидеть и понять нормальный, здоровый человек. Сцены, происходившие с глазу на глаз между двумя людьми, он умел передать необычайно живо, с мельчайшими подробностями. Описывая участников этих сцен, он проникал в их мысли и сокровенные желания, часто даже в такие, которых они сами не сознавали и которые он первый открывал. Он перевоплощался в них. К тому же он обладал удивительным даром, слегка меняя голос, имитировать речь человека, о котором рассказывал, и был то начальником, то нищим, то красавицей гречанкой; еле заметными телодвижениями и игрой мускулов лица он мог изобразить облик и мимику любого человека, повадки животного и даже вид неодушевленных предметов.

Хаим много и охотно рассказывал о больших и богатых еврейских, греческих и турецких семействах в Смирне, задерживаясь, как правило, на крупных и драматических событиях. И каждый из своих рассказов он заключал странным, почти восторженным возгласом: «Э? А!» – что должно было приблизительно обозначать следующее: «Вот какие есть люди! И что моя убогая жизнь и моя судьба в сравнении с превратностями их судьбы!»

А завершение одного рассказа служило началом другого. Конца им не было.

(Мы всегда в той или иной степени склонны осуждать людей, которые много говорят, особенно о делах, их непосредственно не касающихся, и даже с презрением называем их сплетниками и болтунами. И при этом не берем в расчет, что у этого человеческого, чисто человеческого и так часто встречающегося порока есть и свои положительные стороны. Что бы мы знали о чужих душах и чужих мыслях, о других людях и даже о себе самих, о других слоях общества, о незнакомых краях, землях, которых мы

čuli, i što su s tim u vezi doživeli ili mislili? Malo, vrlo malo. A što su njihova kazivanja nesavršena, obojena ličnim strastima i potrebama, ili čak netačna, zato imamo razum i iskustvo i možemo da ih prosuđujemo i upoređujemo jedne s drugima, da ih primamo i odbacujemo, delimično ili u celosti. Tako, nešto od ljudske istine ostane uvek za one koji ih strpljivo slušaju ili čitaju.)

Tako je mislio u sebi fra Petar, slušajući opširno i zaobilazno pričanje Haimovo "o Čamil efendiji i njegovoj sudbini", koje je još više usporavao Haimov čudni oprez. Jer, pored sve svoje živahnosti i vatrene potrebe za govorom, on je povremeno snižavao glas do nerazgovetnosti i bacaо ispitivačke poglede oko sebe, kao čovek koga mnogi gone i koji u sve sumnja.

Čamil je čovek "mešane krvi", pričao je Haim, od oca Turčina i majke Grkinje. Majka mu je bila čuvena grčka lepotica. Smirna, grad lepих Grkinja, nije videla takav stas, takvo držanje i takve plave oči. Udali su je u sedamnaestoj godini za Grka, teškog bogataša. (Haim pomenu neko dugačko grčko prezime, izgovarajući ga kao što se izgovara ime neke opšte poznate dinastije.) Imali su svega jedno dete, žensko. Kad je devoјčici bilo osam godina, bogat Grk je *naprasno* umro. Njegovi rođaci su naskočili da prevare mladu udovicu i da zakinu što više od imetka. Žena se branila. Zbog toga je putovala čak u Atinu, da spasava bar tamošnje nasleđe. Kad se vraćala brodom u Smirnu umrla joj je naprečac ćerka. More je bilo nemirno, brod plovio sporo, do Smirne je bilo daleko. Po propisima trebalo je da se leš devoјčice baci u more. A to su odlučno zahtevali i mornari koji su po nekom drevnom mornarskom verovanju smatrali da leš na brodu donosi nesreću, jer duša pokojnika vuče brod na dno kao olovo. Izbežumljena od bola, majka se tome

никогда не видели и вряд ли когда-либо увидим, если бы не было людей, в устной или письменной форме повествующих о том, что они видели или слышали и что в связи с этим думали и пережили? Мало, очень мало. Если же их рассказы несовершенны, подчинены личным страстям и интересам или не очень точны, то ведь у нас есть свой собственный разум и опыт, и мы, анализируя и сравнивая эти рассказы между собой, можем кое-что из них принять, а кое-что частично или целиком отвергнуть. Кто умеет терпеливо слушать или читать, всегда почерпнет для себя крупицу истины.)

Так думал фра Петар, слушая осторожное и многословное повествование Хаима о Чамил-эфенди и его судьбе, которое подвигалось весьма медленно из-за странной подозрительности рассказчика. Несмотря на живость и страстную потребность говорить, он время от времени понижал голос, так что трудно было разобрать отдельные слова, и бросал вокруг испытующие взгляды, как человек, которого постоянно преследуют и у которого все вызывает подозрение.

III

Чамил – человек «смешанной крови», говорил Хаим, по отцу турок, по матери грек. Мать его была известная красавица. Смирна – город прекрасных гречанок – не видывала еще такой стройной фигуры, такой осанки и таких голубых глаз. Семнадцати лет ее выдали за очень богатого грека (Хаим назвал какое-то длинное греческое имя, произнося его так, как произносят фамилию общеизвестной династии). У них был один ребенок, девочка. Когда дочке исполнилось восемь лет, грек *скоропостижно* скончался. Родственники покойного богача слетелись со всех сторон, пытались обмануть молодую вдову и захватить в свои руки побольше имущества. Женщина сопротивлялась, ей даже пришлось поехать в Афины, чтобы спасти хотя бы ту часть наследства, которая находилась там. Когда она на корабле возвращалась в Смирну, внезапно умерла ее дочь. Море было бурным, корабль шел медленно, до Смирны было далеко. По правилам, тело девочки

oduprla. Uporno je zahtevala da joj se *leš* ostavi i da ga sahrani kad stigne u Smirnu, kako bi znala bar za grob svoga deteta. Kapetan broda imao je veliku muku s njom. Našavši se u teškom položaju između majčinog bola, kom nije imao srca da se odupre, i strogog propisa, koji nije smeo da povredi, kapetan je sa prvim oficijom broda smislio jednu *varku*. Dao je da se naprave dva jednaka *mrtvačka sanduka*. U jedan je položen leš devojčice i mornari su ga potajno spustili u more, a drugi je, ispunjen odgovarajućim teretom i tvrdo zakucan i zaliven, kapetan predao majci, kao da je popustio njenim molbama. Kad su stigli u Smirnu, ona je iznela *kovčeg* i sahranila ga na groblju.

Teško i dugo je žalila svoje dete i svakodnevno obilazila njegov grob. A kad je, s vremenom, onako mlada i lepa, počela bar donekle da zaboravlja svoj gubitak, desilo se nešto neočekivano i strašno. Žena prvog oficira sa broda na kom je dete umrlo, saznala je od muža tajnu o dobronamernoj prevari koju su izvršili na brodu sa telom umrle devojčice. Tu tajnu je jednom prilikom poverila svojoj najboljoj drugarici. Posle neke ženske svađe, ta drugarica je, u svojoj gluposti i želji za osvetom, saopštila to drugima. Na nerazumljiv i nerazumljivo svirep način stvar je došla do majke. Nesrećna žena je tek sada izludela od žalosti. Trčala je na groblje, kopala noktima zemlju sa groba. Morali su silom da je odvede i da je zatvaraju, jer je htela da skoči u more za ćerkom. To je bilo pravo ludilo. Trebalo je nekoliko godina da žena prezdravi od svoje nove žalosti. A potpuno ozdravila nije nikad.

Lepu i nesrećnu udovicu *prosili* su mnogi Grci, ali ona je sve redom odbijala, ogorčena na svoje rođake, pa i na sve sunarodnike. Tek posle

следовало бросити в море. Этого решительно требовали матросы, которые, по древнему морскому поверью, полагали, что труп приносит несчастье, так как душа покойника, будто свинец, тянет корабль на дно. Обезумев от горя, мать не соглашалась, требовала, чтобы ей оставили *тело* дочери и она могла предать его земле, как только корабль прибудет в Смирну, – тогда она хоть будет знать, где могила ее ребенка. Капитан судна намучился с ней. Разрываясь между отчаянием матери, которой у него не хватало духа отказать, и строжайшим предписанием, которого он не смел ослушаться, капитан, посоветовавшись со старшим офицером корабля, пошел на *обман*. Он приказал сделать два одинаковых *гроба*. В один положили труп девочки, и моряки тайно опустили его в море, а другой, наполненный соответствующим по весу грузом, заколоченный и просмоленный, капитан передал матери, словно бы уступив ее мольбам. Когда прибыли в Смирну, мать увезла этот *гроб* и предала его земле.

Долго оплакивала она свое дитя, ежедневно ходила на могилу. А когда со временем молодость взяла свое и красавица начала понемногу свыкаться со своим горем, произошло нечто неожиданное и ужасное. Жена старшего офицера того корабля, на котором умерла девочка, узнала от мужа о вынужденном обмане. Как-то она проболталась об этом своей лучшей подруге. А после очередной женской ссоры приятельница, по глупости и из мести, рассказала об этом другим. Непонятным и непостижимо жестоким образом этот слух дошел до матери. Несчастливая обезумела от горя. Она бегала по кладбищу и скребла ногтями землю на могиле. Ее с трудом уводили и даже запирали, потому что она несколько раз порывалась броситься в море вслед за дочкой. Это было настоящее безумие. Прошло много времени, прежде чем бедная женщина излечилась от этого нового горя. Но полностью она так и не оправилась.

К прекрасной и несчастной вдове *сватались* многие греки, но она всем отказывала, озлобившись на родственников и своих

nekoliko godina udala se, na opšte iznenađenje, za jednog Turčina. Mnogo stariji od nje, bogat, ugledan i *školovan* čovek, koji je u mlađim godinama zauzimaо visoke položaje u državnoj službi, taj Tahir-paša je živeo povučeno, leti na imanju kraj Smirne, a zimi u svojoj velikoj kući u gradu. Od svoje žene nije tražio da promeni veru; samo se nije pokazivala na ulici otkrivena lica. Ipak je ta udaja izazvala veliku uzbunu među Grcima. A brak mlade Grkinje sa šezdesetogodišnjakom pašom bio je, pored svih kletvi grčkih žena i popova, ne samo srećan nego i plodan. Za prve dve godine rodilo im se dvoje dece, prvo ćerka, pa sin. Sin je bio snažan i rastao dobro, ali ćerka je bila slabunjava, a u petoj godini umrla je od nepoznate bolesti, posle dvodnevnog bolovanja. Majka, koja se ni od one prve žalosti nije nikad potpuno oporavila, pala je sada u tešku i neizlečivu melanholiju. U smrti i ove druge kćeri tražila je i nalazila prst nekih viših sila, osećala se prokletom i nedostojnom, zanemarila je potpuno i muža i sina. Sušila se i topila *naglo*. A druge godine smrt je došla kao izbavljenje.

Dečak, koji se zvao Čamil, bio je lep (majčina lepota, samo u muškom vidu) i pametan i dobro razvijen, prvi plivač među drugovima i pobednik na svima rvanjima. Ali vrlo rano stao je da zanemaruje igre svojih *vršnjaka*. Sve se više predavao knjizi i nauci, a otac ga je u tom podržavao, nabavljao mu knjige i učitelje, omogućavao putovanja. Čak je i španski jezik učio kod jednog starog sefarda, rabina u Smirni.

A kad je, jedne zime, umro i stari Tahir paša, mladić je ostao sam, sa znatnim imetkom, bez iskustva i bliže *rodbine*. Veliki *ugled* Tahir pašin bio mu je zaštita. Nuđeno mu je da se spremi za državnu službu, ali on je odbijao. Za razliku od svojih vršnjaka, on se nikad nije otimao za žene i žensko društvo. Ali tog leta desilo se da je u prolazu, kroz ogradu jedne male i bujne bašte, ugledao devojkju Grkinju. Munjevita ljubav izmenila ga je potpuno. - Devojka je bila kći malog grčkog trgovca. Mladić je bio

соплеменников. И лишь через несколько лет, ко всеобщему изумлению, вышла замуж за турка. Тахир-паша, значительно старше ее, богатый, уважаемый и *образованный* человек, в молодые годы занимавший высокие посты на государственной службе, жил уединенно – летом в своем поместье недалеко от Смирны, а зимой – в городе, в собственном огромном доме. Он не требовал, чтобы жена переменила веру, а просил ее лишь не появляться на людях с открытым лицом. И все-таки это замужество вызвало глубокое возмущение греков. Но брак молодой гречанки с шестидесятилетним пашой оказался, несмотря на проклятия греческих женщин и попов, счастливым. В первые два года у них родилось двое детей – девочка и затем мальчик. Сын был крепышом, быстро набирался сил, а девочка росла хилой, и на пятом году жизни ее в два дня скосила неизвестная болезнь. Мать, еще не пришедшая в себя от первого несчастья, впала в тяжелую и неизлечимую тоску. В смерти своей второй дочери она увидела кару небесную, решила, что над ней тяготеет проклятие, и стала совершенно равнодушна к мужу и сыну. Она *быстро* сохла и таяла. И через год смерть пришла к ней как избавление.

Мальчик, по имени Чамил, унаследовал материнскую красоту, был умен и хорошо развит. Он прекрасно плавал и побеждал на всех состязаниях. Но очень рано юноша забросил игры и забавы своих *сверстников*. Все больше предавался он чтению и наукам, и отец его в этом поддерживал – покупал книги, нанимал учителей, отправлял в путешествия. Чамил занимался даже испанским языком у одного старого сефарда, раввина в Смирне.

А когда через несколько лет скончался и старый Тахир-паша, юноша остался обладателем значительного состояния, но совершенно один, без опыта и близкой *родни*. Огромный *авторитет* Тахир-паши служил ему защитой. Ему предлагали готовиться к государственной службе, но он отказался. В отличие от сверстников, он не интересовался женщинами и не искал их общества. Но как-то летом ему случилось, проходя мимо

rešen da je uzme isto onako kao što je nekad Tahir paša uzeo njegovu majku. Nudio je sve, nije postavljao nikakve uslove.

Devojka, koja ga je dva-tri puta videla, htela je svakako da pode za njega; našla je i načina da mu to poruči. Ali roditelji su bili odlučno protiv toga da daju kćer za Turčina, i to takvog koji je rođen od majke Grkinje. Sva grčka opština podržavala ih je u tome. Svima je izgledalo da im to Tahir paša i mrtav, sad po drugi put, otima još jednu Grkinju. Otac devojčin, inače *ćiftica* sitan rastom i duhom, ponašao se kao čovek koji je, u ludilu, odjednom dobio nastup neke veličine, junaštva i želje za mučeništvom. Šireći ruke kao da ga razapinju, on je vikao pred svojim sunarodnicima: "Mali sam čovek i po ugledu i po imetku, ali nisam mali po veri svojoj i po strahu božjem. I volim život svoj izgubiti i kćer, koja mi je jedinica, u more poslati, nego je dati za nevernika." I sve tako. Kao da su oni i ta njegova vera glavna stvar, a ćerka sporedna.

Trgovčića iz strme ulice nije, uostalom, to junaštvo mnogo stajalo. Nije mu se ni pružila *prilika* da postane mučenik. Devojku su silom udali za Grka izvan Smirne, gluvo, bez svadbe, krijući mesto i dan odlaska. Bojali su se da je Čamil ne otme, ali on se već ranije povukao sa primljenim udarcem. Tada je tek pravo i potpuno mogao da vidi ono što ranije, zanesen i mlad, nije ni slutio: šta sve može da deli čoveka od žene koju voli, i uopšte ljude jedne od drugih.

Posle toga Čamil je proveo dve godine na nekim studijama u Carigradu. Vratio se u Smirnu izmenjen i mnogo stariji na izgled. I tu se našao usamljen. Od Grka ga je delilo sve a sa Turcima vezivalo malo šta. Vršnjaci sa kojima je još pre nekoliko godina provodio vreme u igri i

маленького, заросшего сада, увидеть за оградой девушку-грчанку. Он полюбил ее с первого взгляда и совсем переменялся. Девушка была дочерью мелкого торговца. Юноша готов был взять ее в жены, точно так же как некогда Тахир-паша взял его мать. Он предлагал все, сам не ставя никаких условий.

Девушка, видевшая Чамила раза два-три, соглашалась пойти за него и нашла способ дать ему об этом знать. Но родители решительно отказывались выдать дочь за турка, даже такого, у которого мать была грчанкой. Греческая община поддерживала их в этом. Людям мерещилось, что Тахир-паша – даже мертвый – снова, во второй раз, уводит от них еще одну грчанку. Отец девушки, человек *ничтожный* и духом и телом, вел себя так, словно, обезумев, вдруг почувствовал собственное величие, прилив героизма и жажду мученичества. Раскинув руки, будто его собирались распять, он вопил перед своими соплеменниками:

– Я маленький человек, маленький по званию и по состоянию, но велика вера моя и страх божий живет во мне! Лучше я погибну и единственную дочь свою утоплю в море, чем отдам ее за неверного! И прочее в таком же роде. Как будто главное тут были он и его вера, а дочь – нечто второстепенное.

Однако лавочнику с кривой улочки этот героизм ничего не стоил. Не представился ему *случай* и стать мучеником. Девушку насильно выдали за грека из другого городка, тихонько, без свадьбы, скрыв и день отъезда и место, куда ее отправили. Они боялись, как бы Чамил не умыкнул невесту, но тот, получив отказ, сразу же отступил. Тогда впервые он отчетливо увидел то, чего раньше в тумане любовного увлечения и по молодости лет не замечал: он узнал, как много преград между мужчиной и любимой им женщиной и вообще между людьми.

После этого Чамил два года что-то изучал в Стамбуле. Когда он возвратился в Смирну, все нашли, что внешне он сильно изменился и очень повзрослел. Снова он жил одиноко. С греками у него ничего не было общего, с турками – очень мало. Сверстники, с

zabavi bili su već tuđi i daleki kao da su ljudi drugog *naraštaja*. Postao je čovek koji živi sa knjigama. Sa dvadeset i četiri godine to je bio mlad i bogat osobenjak koji nije znao gde šta ima ni kako se tim što ima raspolaže i upravlja. Putovao je po maloazijskoj obali, išao u Egipat i na ostrvo Rod. Izbegavao je one kojima je po imenu i društvenom položaju pripadao, i koji su počeli da ga smatraju otuđenim, a družio se jedino sa ljudima od nauke, bez obzira na to ko su i šta su po veri i poreklu.

A lanjske godine stali su po Smirni da kruže čudni glasovi, neodređeni i nejasni šapat da su Tahirpašinom sinu knjige udarile u glavu i da sa njim nije dobro i nije sve u redu. Govorilo se da je, proučavajući istoriju turske carevine, "preučio" i, zamišljajući da je u njemu duh nekog nesrećnog princa, stao da veruje da je i sam neki nesuđeni sultan.

- E? A! - Prekinuo je Haim svoje kazivanje za trenutak, ne propuštajući da istakne kakva je ta varoš Smirna koja nije samo njega, Haima, oklevetala i doterala u ovaj zatvor nego, eto, i takve ugledne i neporočne ljude kao što je ovaj Čamil efendija. Ali je odmah nastavio.

Kad kažem, nastavljao je Haim, da su glasovi stali da kruže po Smimi, ne treba, naravno misliti da se to odnosi na celu mnogoljudnu *varoš*. Šta je Smirna? Kad pogledaš odozgo sa one zaravni ispod Kadife Kale, izgleda ti da nema kraja. I jeste prostrana. Mnogo kuća i mnogo naroda. Ali ako pravo uzmeš, to je stotinak porodica, pedesetak turskih i toliko grčkih, i ono malo više vlasti oko valije i komandanta pristaništa, svega hiljadu-dve duša. I to je sve, jer to odlučuje o svemu i to nešto znači, a ono ostalo radi i tegli, održava život sebi i svojim. A onih stotinak porodica, ako se uvek i ne druže i ne viđaju između sebe, znaju jedni o drugima sve, posmatraju se, mere, prate iz naraštaja u naraštaj. - I po ocu i po majci Čamil je pripadao toj manjini. Neobična sudbina njegove porodice i njegov neobičan način života privlačili su oduvek pažnju i izazivali *radoznanost*. A u Smirni se priča i prepričava i ogovara, i u

которыми он некогда проводил время в играх и забавах, казались ему теперь чужими и далекими, словно люди совсем другого *поколения*. Он целиком погрузился в книги. В двадцать четыре года это был богатый чудак, не знающий, где и чем он владеет, и не умеющий распоряжаться и управлять своим богатством. Он путешествовал по малоазиатскому побережью, ездил в Египет, на остров Родос. Избегал тех, к кому принадлежал по своему происхождению и общественному положению и кто начал считать его чужаком, и дружил только с людьми науки, не считаясь с тем, кто они по происхождению и вере.

A год тому назад по Смирне поползли странные слухи, неопределенный, неясный шепоток, будто сын Тахир-паши совсем «заучился» и в голове у него не все в порядке. Рассказывали, что, изучая историю турецкой империи, он вообразил, будто в него вселился дух какого-то несчастного принца, уверовал, что и сам он несостоявшийся султан.

– Э? А! – прервал на минуту свой рассказ Хаим, не преминув подчеркнуть, что вот, мол, какова Смирна, если там оклеветали и засадили в тюрьму не только его, Хаима, но и такого почтенного и непорочного человека, как Чамил-эфенди! Но тут же продолжал:

Когда я говорю, что слухи поползли по Смирне, не надо, конечно, думать, что это относится ко всему многолюдному *городу*. Ведь что такое Смирна? Если посмотреть на нее сверху с площадки под Кадиф-Кале, то кажется – нет ей конца. И в самом деле, она огромна. Множество домов и множество народу. А если сказать по правде, то городом, собственно, заправляет сотня семейств – пятьдесят турецких и столько же греческих, да еще чиновники при наместнике и начальнике порта, какая-нибудь тысяча-две душ. В них-то и вся суть, только они что-то решают и что-то значат, а остальной люд работает и тянет лямку, чтобы прокормить себя и своих ближних. А в той сотне семей, хоть они и не обязательно дружат между собой и, бывает, подолгу не встречаются, все знают друг друга, присматриваются один к другому и следят друг за

tome preteruje, kao svuda u svetu i još malo više od toga.

O Čamilu, koji za poslednjih nekoliko godina nije uzimao učešće u životu svojih vršnjaka, gospodske i bogataške mladeži, govorilo se dosta, u njegovoj odsutnosti, i upravo zbog te odsutnosti. Govorilo se o njegovim istorijskim studijama; neki sa čuđenjem, neki sa podsmehom.

Na jednoj terasi gde je desetak otmenih mladića pilo i pušilo sa isto toliko slobodnih devojaka iz pristaništa, neko je pomenuo Čamila, njegovu nesrećnu ljubav i njegov neobični način života. Jedan od njegovih drugova rekao je da Čamil proučava do u sitnice vreme Bajazita II, naročito život Džem-sultana, i da je zbog toga putovao u Egipat, na Rod i da se sprema sada čak u Italiju i Francusku. Devojke su pitale ko je taj Džem-sultan, a taj mladić im je objasnio da je to Bajazitov brat i protivnik, koji je podlegao u borbi oko prestola, pobegao na Rod i predao se hrišćanskim vitezovima. Posle toga su ga tadašnji hrišćanski vladari držali godinama u zatočenju, iskorišćavajući ga stalno protiv osmanlijske *carevine* i zakonitog sultana Bajazita. Tamo je negde i umro, a sultan Bajazit preneo je telo nesrećnog brata odmetnika i sahranio ga u Brusi, gde i danas stoji njegovo turbe.

Tad se u razgovor umešao jedan vetrenjast mladić, jedan od onih što zbog bujne mašte i nepromišljenog govora često škode i sebi i, još češće, drugima.

другом из поколення в поколення. Чамил и по отцу и по матери принадлежал к этому меньшинству. Необычная судьба его семьи и его странный образ жизни всегда привлекали внимание и вызывали *любопытство*. А в Смирне, как и всюду в мире, любят сплетничать, перебивать ближнему косточки, и даже больше, чем где бы то ни было.

О Чамиле, который в последние годы не принимал участия в жизни своих сверстников, выходцев из богатых и влиятельных кругов, много болтали в его отсутствие и как раз по причине его отсутствия. Судачили и о его занятиях историей – одни с удивлением, другие с насмешкой.

Как-то на террасе ресторана собралось с десяток молодых людей – представителей золотой молодежи – и столько же портовых девчонок. Юноши пили вино, курили, и тут кто-то вспомнил Чамила, его несчастную любовь и странный образ жизни. Один из его товарищей заметил, что Чамил подробно изучает эпоху Баязида II, особенно жизнь султана Джема,² что для этого он ездил в Египет, на Родос, а теперь собирается даже в Италию и во Францию. Девицы спросили, кто такой султан Джем, и тот же молодой человек объяснил им, что это брат Баязида и его соперник. Потерпев поражение в борьбе за власть, он бежал на Родос и сдался христианским рыцарям. Христианские правители многие годы держали его в заточении, постоянно используя против османской *империи* и законного султана Баязида. Где-то на чужбине он и умер, и тогда Баязид перенес прах несчастного брата-бунтаря в Брусу и похоронил там, и ныне еще сохранилось его надгробье.

Тут в разговор вмешался легкомысленный юнец, один из тех, чье бурное воображение и безответственная болтовня часто приносят вред и им самим, а еще чаще другим.

² *Джем* (1459–1495) – брат Баязида II (1447–1512), в течение многих лет претендовал на султанский престол. Его трагическая судьба нашла отражение в нескольких прозаических произведениях разных писателей.

- Ćamil se, posle svoje nesrećne ljubavi prema lepoj Grkinji, isto tako nesrećno zaljubio u istoriju koju proučava. On je potajni Džem. Tako se drži i ponaša prema svemu i prima sve oko sebe. I već ga bivši drugovi, u razgovorima, sa podsmehom i žaljenjem, i ne nazivaju drugačije do Džem-sultan.

Kad se tako pomene sultanovo ime, a pogotovu kakvi sporovi ili borbe u carskom domu, pa ma i iz davne prošlosti, to nikad ne ostaje tu, u društvu u kom je pomenuto. Uvek se nađe ptica koja odleti i dojavu caru ili carskim ljudima da je izrečeno njegovo ime, i ko ga je izrekao, i kako. Tako se desilo da je nevinna i skrovnita Ćamilova strast kroz usta jednog *ćalova* i uho jednog *dostavljača* došla i do praga izmirskog valiije, gde je naišla na sasvim drugi prijem i dobila posve novo značenje.

Valija izmirskog vilajeta bio je tada neki tvrd i revnostaan činovnik, tupoglav i bolesno nepoverljiv čovek, koji je i u snu strepeo da mu ne promakne neka politička nepravilnost, zavera ili tako nešto.

(Ali sva ta strogost i revnost u "političkim i državnim stvarima" nije ga sprečavala da prima obilno *mito* od trgovaca i brodovlasnika. Zbog toga je izmirski kadija i rekao za njega da je čovek kratke pameti i dugih prstiju.)

Prvo što je valija pomislio slušajući *dostavu* o Ćamilu, a što mladiću nije bilo ni na kraj pameti, to je činjenica da i sadašnji sultan ima brata kog je proglasio maloumnim i kog drži u zatočeništvu. Stvar opšte poznata, iako o njoj niko nikad ne govori. Ta sličnost ga je uznemirila. A kad je upravo tih dana, povodom nekih sumnji i nemira u evropskom delu Turske, upućeno iz Carigrada svima valijama oštro cirkularno pismo kojim se vlasti u celoj zemlji opominju i pozivaju da pripaze bolje na mnogobrojne smutljivce i agitatore koji nepozvani pretresaju državne poslove i usuđuju se čak da i sultanovo ime blate, valija se, kao i svaki rđav činovnik, osetio lično pogođenim. Izgledalo mu je jasno da ta opomena može samo na njegov vilajet da se odnosi, a

– После своей несчастной любви к прекрасной гречанке Чамил так же неудачно влюбился в историю. Он ведет себя как непризнанный Джем, так же относится ко всему и так же все воспринимает. Бывшие друзья между собой называют его не иначе как Джем-султан: кто с насмешкой, кто с сожалением.

Всякое упоминание о султанае, а тем более о смутах и о борьбе за престол, хотя бы и происходивших в отдаленные времена, никогда не остается лишь в том кругу, где оно было сделано. Всегда находится птичка, которая тут же вспорхнет и прошепечет царю или чиновным людям о том, что было всеупомянуто имя правителя и кто это сделал и как. Не удивительно, что невинная и тайная страсть Чамила с помощью языка *болвана* и ушей *доносчика* дошла и до измирского вилаяна, где она встретила совсем иной прием и получила совсем иное освещение.

Управляющим измирского вилаяета был в то время упрямый и ревностный служака, тупой и болезненно мнительный человек, которому даже во сне мерещились политические измены, заговоры и прочие ужасы.

(Правда, строгость и ревностная забота о «политических и государственных интересах» не мешали ему брать огромные *взятки* у торговцев и кораблевладельцев. Измирский судья как-то удачно заметил, что у валии короткий ум и длинные пальцы.)

Когда валия выслушал *донос* о Чамиле, ему вдруг взбрело в голову соображение, которое, конечно, никогда и не приходило юноше на ум, а именно, что и у теперешнего султана есть брат, которого он объявил слабоумным и держит в заточении. Об этом все хорошо знали, хотя никогда не говорили. И совпадение насторожило валию. А как раз в те дни в связи с какими-то беспорядками и волнениями в европейской Турции всем валиям доставили из Стамбула строгий циркуляр, в котором местным властям предлагалось повисить бдительность и обратить особое внимание на многочисленных смутьянов и агитаторов, которые самочинно вмешиваются в дела государства и осмеливаются даже бросать тень на имя султана.

kako u vilajetu nema nijednog "slučaja"; to onda samo na Ćamilov "slučaj".

Jedne noći zaptije su opkolile Ćamilovu kuću, izvršile premetačinu. Odneli su mu sve knjige i rukopise, a njega zatočile u njegovoj rođenoj kući.

Kad je valija ugledao *gomilu* knjiga, i još na raznim jezicima, i množinu rukopisa i beležaka, on se toliko zaprepastio i tako naljutio da je rešio da na svoju odgovornost uapsi sopstvenika i pošalje ga, zajedno sa knjigama i hartijama, u Carigrad. Sam sebi nije umeo da objasni zašto knjige, naročito strane knjige i u ovolikom broju, izazivaju u njemu takvu mržnju i toliki gnev. Ali mržnja i gnev nisu ni tražili objašnjenja, nego su se uzajamno podsticali i uzajamno rasli. Valija je bio uveren da nije pogrešio i da je udario po pravom mestu.

Na vest o hapšenju Tahirpašinog sina uzbunili su se mnogi ugledni ljudi, naročito oni iz uleme. Sam *kadija*, učen, stariji čovek i prijatelj Tahirpašin, lično je otišao do valije. Izneo mu je ceo Camilov slučaj. Da je bez poroka, da svojim načinom života može poslužiti kao primer dobrog mladića i pravog muslimana, da je zbog nesrećne ljubavi pao u neki zanos i melanholiu i sav se predao nauci i knjizi, ako je u tom možda preterao, da na to treba gledati pre kao na bolest nego kao na neko rđavo i zlonamerno delo, i da zaslužuje obzir i sažaljenje a ne progon i kaznu. Cela stvar je očigledno jedan veliki nesporazum. To čim se on bavi, to je istorija, nauka, a od nauke ne može biti štete. - Ali sve se to razbijalo o glupost i nepoverenje toga činovnika.

- Neću ja, efendija, da lupam glavu o tom. Ja istoriju, ili kako se to zove, ne znam. A bolje bi, čini mi se, bilo i po njega da je ne zna ni on i da ne

Валяя, как всякий плохой чиновник, чувствовал себя уязвленным. Ему казалось, что циркуляр относится непосредственно к его округу, а поскольку здесь не было ни одного «дела» то, конечно, имелось в виду «дело» Чамила.

Как-то ночью полиция окружила дом Чамила и произвела обыск. Забрали книги и рукописи, а его самого взяли под домашний арест.

Увидев *кучу* книг, да еще на разных языках, множество рукописей и записок, валяя перепугался и так расвирепел, что решил на свой страх и риск арестовать их владельца и отправить вместе со всеми книгами и бумагами в Стамбул. Он даже сам себе не мог объяснить, почему книги, особенно иностранные, да еще в таком большом количестве, вызывали в нем лютую ненависть и гнев. Но ненависть и гнев не нуждались в объяснении, они взаимно разжигали друг друга и росли одновременно. Валяя был уверен, что не ошибся и попал в самую точку.

Весть об аресте сына Тахир-паши возмутила многих видных людей, особенно из мусульманской верхушки. Сам *судья*, человек образованный и старый друг Тахир-паши, лично пошел к валии. Он объяснил ему, что произошло с Чамилом. Юноша он, мол, вполне благонаправный, а по своему образу жизни даже может служить примером порядочного человека и истинного мусульманина; из-за несчастной любви он, правда, впал в состояние некой отрешенности и меланхолии и весь ушел в науки и в книги, но если он и проявил чрезмерное усердие в своих занятиях, то на это надо смотреть как на болезнь, а не как на порочное и злонамеренное поведение, юноша скорее заслуживает жалости и участия, чем ареста и наказания. Очевидно, случилось тяжелое недоразумение. Молодой человек занимается историей, то есть наукой, а от науки не может быть вреда.

Но его доводы разбивались о тупость и трусливую подозрительность чиновника.

– Не буду я, эфенди, ломать над этим голову. Историю, или как она там зовется, я не знаю. Сдается мне, что и ему было бы лучше ее не

ispituje mnogo šta je koji sultan nekad radio, nego da sluša ono što ovaj sadašnji zapoveda.

- Za to je nauka, to su knjige! - upao je ogorčeno kadija koji je iz iskustva znao kako štetni, i po društvo i pojedinca opasni mogu biti ljudi koji zbog svoje ograničenosti neograničeno veruju u svoju pamet i pronicljivost i u tačnost svakog svog suda i zaključka.

- E, znači, ne valjaju mu knjige. Džem-sultan! Pretendent! Otimanje o presto! - Reč je pala, a kad reč pođe jednom, ona se više ne zaustavlja, nego ide dalje i usput raste i menja se. Nisam ja bio povod za te reči, nego on; nek on i odgovara za njih.

- Ama, iznesu često na čoveka i što nije! - opet pokušava kadija da brani mladića.

- Ako su ga nabadili i opanjakali, on nek se pere, pa će se oprati. Ja niti čitam knjige nit' hoću da mislim za drugog. Nek svak misli za sebe. Što ja da strepim zbog njega? U mom vilajetu svak treba da pazi šta radi i govori. Ja znam samo jedno: red i zakon.

Kadija je podigao glavu i pogledao ga oštro i prekorno.

- Pa, ja mislim, svi to branimo!

Ali se zahukatali čovek nije dao smesti i zaustaviti.

- Da, red i zakon. A čija glava strči iznad toga, srubiću je, carske mi službe, pa da je mog jedinca sina. Ja zanoktice jedne ovde ne trpim, pa ni u tu sumnjivu učenost ovog mladog efendije.

- Pa to bi moglo ovde da se raspravi i raščisti.

- Ne, efendijo. Propis je propis, a propis tako ne naređuje, nego baš ovako. O carevima i carskim poslovima je govorio, neka na carskom pragu i odgovara. Eno mu Stambol, pa nek tamo objašnjava sve što je pročitao i napisao i što je svetu o tom kazivao. Nek oni lupaju giavu o tom. Ako je prav, nema šta da se boji.

знать. Чем копаться в том, что делали султаны в старые времена, лучше бы он слушал приказания нынешнего повелителя.

– Но это же наука, книги! – раздраженно воскликнул судья, по опыту хорошо знавший, как вредны и опасны для общества и отдельных его представителей люди, по своей ограниченности безгранично уверенные в собственном разуме, проницательности и непогрешимости всякого своего суждения и вывода.

– Э, значит, не те у него книги! Джем-султан! Претендент! Борьба за престол! – И вот слово сказано, а когда слово вырвется, оно, не останавливаясь, летит все дальше и дальше, разрастаясь и постепенно меняя свой смысл. – Не я дал повод для таких слов, а он. Пусть он за них и отвечает.

– Но ведь бывает же, возводят на человека напраслину! – снова попытался защитить юношу судья.

– А если его оговорили и очернили, пусть очистится от наветов и будет оправдан. Я книг не читаю и не хочу думать за другого. Пусть каждый заботится о себе. Зачем же мне из-за него страдать? В моем вилайете каждый должен отвечать за то, что делает и говорит. Я знаю одно: закон и порядок.

Судья вскинул голову и посмотрел на него возмущенно и осуждающе:

– Я думаю, все мы тут для этого поставлены.

Но валия уже разошелся, и его нельзя было остановить.

– Да, закон и порядок. А чья голова из этих рамок вылезает, срублю ее, клянусь своей службой султану, будь это даже мой единственный сын. Я не допущу у себя никакого вольнодумства; не потерплю сомнительной учености этого молодого эфенди.

– Но можно было бы и в Смирне все выяснить и во всем разобраться.

– Нет, эфенди. Закон есть закон, а закон требует действовать так, а не этак. Он болтал о султанах и их делах, пусть на их пороге и ответ держит. Есть на свете Стамбул, пусть там и объясняет все, что вычитал и понаписал и о чем людям болтал! И пусть они в столице

I to je bilo sve. Stari kadija je gledao pred sobom toga valiju. Bezbrk, sitan i usukan čovek, slabotinja i nemoćnik, pet para hleba ne može stati u njega, a toliko zla može da počini. Uvek sumnjičav i kiseo, od dve mogućnosti sklon uvek onoj goroj, a kad se, ovako, od nečeg uplaši, on postaje strašan. I kadiji je bilo jasno da ne vredi više govoriti sa ovim valijom, koji će učiniti što je naumio, nego da treba tražiti druge puteve kako da se mladiću pomogne.

I Ćamil je upućen u Carigrad, pod sigurnom ali diskretnom pratnjom. (To je bio jedini ustupak koji je valija učinio kadiji.) A sa njim i njegove knjige i rukopisi, sve pod pečatom. Čim su to saznali, kadija i drugi prijatelji poslali su svog čoveka za njim, da u Carigradu objasni stvar i pomogne nevinom mladiću. Kad je čovek stigao u Carigrad, Ćamila su već bili uputili Latif efendiji da ga do saslušanja zadrži u pritvoru.

Tako je izgledala Ćamil efendijina istorija, onako kako je Haim mogao da je zna i vidi, a kazana ovde ukratko, bez Haimovih ponavljanja i primedaba i mnogobrojnih "E? A!"

Karadžoz je vazda zazirao od političkih okrivljenika. Više je voleo da se rve sa stotinom sitnih i krupnih prestupnika iz običnog kriminala nego da ima posla sa jednim političkim krivcem. Naježio bi se kad bi samo čuo za njih. Trpeo ih je kod sebe, jer je tako moralo biti, kao "prolazne", ali nikad nije hteo da se njima bavi; zaobilazio ih je kao okužene i nastojao da se svega što je "političko", ili što pod tim imenom do njega dolazi, otrese što pre. A kod ovog apsenika koga su doveli iz Smirne sve je čudno: iz ugledne turske porodice, i sanduci knjiga i rukopisa idu uz njega, i ne zna se pravo je li lud ili pametan. (A ludaci, i sve ono što je u vezi sa njima, ulivali su Karadžozu sujeveran strah i nagonsku odvratnost.) Ali odbiti ga nije mogao. Tako je Ćamil zatvoren u jednu od zajedničkih ćelija, gde je kako smo videli, našao svoje mesto za prva dva

сами ломают головы над такими делами. Если он невинен, ему нечего бояться.

И это все. Старый судья смотрел на валию. Безусый, безбородый, тщедушный и согбенный человечиска, такой хилый и немощный, что муха крылом перешибет, а сколько от него зла! Вечно кого-то подозревает и всем недоволен, из двух возможностей всегда выбирает наихудшую для обвиняемого, а когда, как сейчас вот, чего-либо испугается, становится страшным. Судье стало ясно: нет смысла говорить с этим человеком, он поступит так, как решил; надо искать другие пути, чтобы помочь юноше.

Чамила увезли в Стамбул под надежной, хотя и не явной охраной. (Единственное, в чем валия уступил судье.) Ас ним отправили и его опечатанные книги и рукописи. Узнав об этом, судья и другие друзья послали следом своего человека, чтобы он объяснил в Стамбуле, как было дело, и помог юноше. Но когда тот прибыл в Стамбул, Чамила уже поместили к Латиф-эфенди, решив держать его до следствия в тюрьме.

Так выглядела история Чамил-эфенди со слов Хаима, пересказанная здесь коротко, без его повторений, отступлений и бесчисленных «Э? А!».

IV

Караджоз всегда побаивался политических заключенных. Он предпочитал возиться с сотней мелких и крупных уголовников, чем иметь дело с одним политическим. При упоминании о них он сразу ошетикивался. Он держал их у себя как «пересыльных», но никогда ими не занимался, обходил стороной как зачумленных и прилагал все силы, чтобы поскорее избавиться от всех политических, а также тех, кто попадал к нему под этим названием. Что же касается арестанта из Смирны, в нем все поражало: юноша из почтенной турецкой семьи, вслед за ним прибыли ящики книг и рукописей, и не поймешь – то ли он очень умный, то ли помешанный. (А сумасшедшие и все, что с ними связано, вызывали в Караджозе суеверный страх и инстинктивное отвращение.) Но отказаться от

dana.

Već drugog dana čovek koga je poslao kadija iz Smirne izradio je kod više vlasti da se Čamil izdvoji i da mu se u Avliji da zasebna soba i pristojno izdržavanje, dok ne bude ispitan i dok se ne vidi u čemu je stvar. I to je izvršeno.

Idućih dana fra Petar je obilazio veliko dvorište sporim korakom, kao da nešto traži ili nekog očekuje, i jednako prelazio pogledom prozore i doksate na zgradama unaokolo. S vremena na vreme prilazio mu je Haim. On je već bio napustio svoje mesto kraj fra-Petra i dvojice trgovaca i izabrao drugo, još odvojenije. Kao razlog naveo je promaju. Ali već posle dva-tri dana priznao je fra-Petru u poverenju da sumnja u onu dvojicu trgovaca da su špijuni. Fra Petar se nasmejao i odbio takvu pomisao. Pri tom se bolje zagledao u Haimovo mršavo lice i prvi put primetio na njemu čudan i čudno usredsređen izraz kakav se vidi na licima ljudi koji se u sebi rvu sa svojim pogrešnim mislima i uobraženim strahovima.

Posle dva dana Haim je opet, oborene glave, dodirujući svojim dugim, šiljastim nosom fra-Petrovo uho, šaputao o nekom drugom špijunu, i opominjao ga da se čuva.

— Prođi se, Hajmo, toga i ne govori to nikome.

— Znate, ja to samo vama.

— Ama, nemoj nikom, pa ni meni. O tom se ne govori. - Branio se fra Petar kome je Haimovo naglo i veliko *poverenje* bilo nelagodno.

I to se ponovilo nekoliko puta. Fra Petar se već i navikao na to. Potapšao bi ga po ramenu i umirivao, nastojeći uvek da razgovoru da šaljiv i bezazlen ton.

- Ama, koji? Je li onaj plavi, visoki? Zar ne vidiš bolan da je i sam polumrtav od straha i da mu nije ni do čega? To je čovek nevin kao jagnje, a ti se bez potrebe plašiš i sumnjičiš ljude.

арестанта он не мог. Так Чамил попал в одну из общих камер, где, как мы видели, и обрел себе пристанище на первые два дня.

Уже на следующее утро человек, посланный судьей из Смирны, добился у высших властей, чтобы Чамилу была предоставлена отдельная камера и подобающее содержание, пока не начнется следствие и дело не выяснится. Это было исполнено.

В последующие дни фра Петар много раз медленным шагом обходил огромный Двор, словно кого-то разыскивая или поджидая, и скользил взглядом по окнам и балконам окружающих зданий. Время от времени к нему подходил Хаим. Он уже покинул свое место в уголке возле фра Петара и двух торговцев и выбрал себе другое, еще более укромное. Сначала он объяснил это тем, что боится сквозняка. Но через два-три дня под секретом признался фра Петару, что у него вызвали сомнения болгары – уж не шпионы ли? Фра Петар рассмеялся и решительно отверг подобный домысел. При этом он внимательнее всмотрелся в худощавое лицо Хаима и впервые заметил на нем странно сосредоточенное выражение, какое бывает у людей, постоянно ведущих борьбу с навязчивыми мыслями и болезненными страхами.

Два дня спустя Хаим, потупясь и тыча длинным и острым носом прямо в ухо фра Петару, принялся нашептывать ему о каком-то новом шпионе и советовал остерегаться.

– Брось, Хаим, и не говори об этом никому.

– Так ведь я только вам.

– Никому не надо, и мне тоже. Об этом вообще не говорят, – старался отделаться от него фра Петар. Быстро возрастающее *доверие* Хаима было ему неприятно.

Так повторялось несколько раз. Фра Петар начал понемногу привыкать к странностям Хаима. Он трепал его по плечу и успокаивал, стараясь придать разговору шуточный и беззаботный тон.

– Который, говоришь? Вон тот? Высокий блондин? Глупый, разве не видишь, что он сам еле жив от страха и ему ни до чего нет дела?

Haim bi se umirio za sat-dva, ali ne bi izdržao dugo i prilazio bi opet fra Petru i uveravo ga da samo u njega ima poverenje i nastavljao malopredašnji razgovor.

- Dobro, nije taj za koga sam pogrešno - recimo "pogrešno" - mislio da jeste, dobro, ali jeste drugi za koga i ne slutiš da je. A koji je taj? Onaj što stoji pored kapije, gleda preda se i pravi se kao da ga ništa ne zanima? Onaj što drsko zagleda svakog od glave do pete? Onaj bezazleni i na izgled priglupi? Ili možda nije nijedan od njih, nego neki deseti? I pošto ni za jednog od njih ne znaš da li je to, ali isto tako nisi siguran da nije, svaki od njih može to biti. Svaki.

- Ostavi, Hajmo, vere ti, te *besposlice* - kaže fra Petar gubeći malko strpljenje.

- Ne, ne! Vi ste, uvaženi prijatelju, dobar čovek, pa mislite da je svak dobar.

- Ama, misli dobro, pa će dobro biti, Hajmo brate.

- He, dobro! Dobro? — šapuće Haim sa nevericom i polako odlazi oborene glave i ukočena pogleda uprtog u zemlju.

A sutradan on je opet dolazio, već u rano jutro, kao na ispovest. I kad bi se malo oslobodio svoga straha, on ipak nije mogao da miruje. Tada bi svojim živim i uvek zbog nečeg razdraženim govorom pričao o nepravdi koja mu je učinjena i šteti koja mu je nanesena, o ljudima i naravima u svom gradu. A fra Petar bi uvek iskoristio priliku i postavio mu poneko pitanje o Čamil efendiji. Haim nije nikad ostajao dužan odgovora. I o stvarima o kojima je sve rekao on je mogao još da govori dugo i opširno, sa mnogo novih i verodostojnih pojediniosti. Sve je to fra Petar slušao pažljivo, posmatrajući Haimovo mršavo lice i visoko čelo. Koža na tom čelu bila je tako zategnuta i tanka da se ispod nje nazirao svaki i najmanji prevoj i ceo sklop čeonih kostiju, a kosa koja je u čudnim čupercima okružavala to čelo bila je nezdravo ukovrčena i suva kao da je negde u korenu sažiže nevidljiv plamen.

Он невинен, как младенец, зря ты пугаешься и людей подозреваешь.

Хаим успокаивался часа на два, но дольше выдержать не мог и снова подходил к фра Петару, убеждая его, что доверяет только ему, и продолжал тот же разговор.

– Хорошо, насчет блондина я ошибся, скажем, напрасно принял его за шпиона, ладно, пусть так, но кто-то за нами шпионит, а мы не догадываемся! Кто вон тот человек? Стоит у ворот и пялится прямо перед собой, словно его ничто не интересует? Или тот, что нагло оглядывает каждого с ног до головы? Или этот, на вид совсем безвредный и даже глуповатый? Или вовсе и не эти, а совсем другие? Раз ни о ком ничего не знаешь наверняка, ни в ком не уверен, – значит, каждый может оказаться доносчиком. Каждый!

– Брось ты, Хаим, ради бога, эту *ченуху*, – говорил фра Петар, чувствуя, что теряет терпение.

– Нет, нет! Вы, уважаемый друг, хороший человек и думаете, что все такие.

– Ну, что ж? И ты думай так, все хорошо и будет, брат Хаим.

– Хе, хорошо! Хорошо? – недоверчиво шепчет Хаим и, опустив голову, удаляется.

А на следующий день, рано утром, он снова приходил, как на исповедь. Даже в те минуты, когда страх ненадолго покидал его, он не мог успокоиться. С горячностью и раздражением он рассказывал о несправедливости, о причиненных ему убытках, о людях и нравах своего города. А фра Петар пользовался любым случаем, чтобы завести речь о Чамил-эфенди. Хаима не надо было долго просить. Даже о том, о чем он, кажется, все сказал, он мог снова говорить долго и пространно, приводя множество новых и достоверных подробностей. Фра Петар слушал внимательно, рассматривая худое, лобастое лицо Хаима. Кожа на лбу у него была так натянута и тонка, что сквозь нее проступала каждая жилка и были отчетливо видны впадины на висках; а волосы, странными пучками окружавшие лоб, неестественно вились и были такими сухими,

A kad bi, posle svojih pričanja, Haim odlazio, pognut i brižan, fra Petar ga je ispraćao dugim, sažaljivim pogledom.

Prošla su dva dana a Čamil se nije javljao ni navraćao. Haim, koji je, pored svoje lične muke, stizao odnekud sve da sazna ili bar da nasluti, objašnjavao je stvar tako da mladića sad sigurno ispituju, a da za to vreme ne puštaju okrivljenika u dvorište, da ne bi došao ni sa kim u dodir. Kad završe ispitivanje i upute celi predmet sudu, počće opet da ga puštaju na šetnju.

Sve je znao i sve predviđao (iako ne sve uvek tačno) ovaj Haim iz Smirne. U ovom slučaju predvideo je dobro.

Toga jutra, fra Petar je sedeo na kamenu i, zamišljen, napola slušao ludu prepirku i graju koja je do njega dopirala sa dve strane i prelamala se i mešala u njegovom sluhu.

Levo od njega stvorio se tanak i malen krug od nekoliko kockara. Među sobom rešavaju stari kockarski spor, a ovo je kao neki sud. Ljudi su mračni, a govor stvaran, suv i tvrd.

- Ti, da vratiš čoveku *pare* - kaže tankim ali strašnim glasom jedan dugonja koji je očigledno neki kockarski starešina.

- Ovo ću mu vratiti! - više ljutito onizak, jak čovek zapaljenih očiju, i odmera desnom rukom od šake do lakta.

- Eto kakav je! Još ranio čoveka, i umalo ga nije ubio - upadaju glasovi sa strane.

- A što da ga ne ubijem?

- Ima robija, ej!

- Neka ima! Ubiću ga čim izađem, i odležaću ga na jednoj strani.

Dižu se glasovi negodovanja, ispod kojih se jedva naslućuje glas visokog čoveka, nepokolebljiv i pun pretnje.

- Da vratiš *pare*! Čuješ li?

Graja koja dolazi iz kruga sa desna još je veća i na mahove potpuno suzbija onu sleva. Tu je i onaj Zaim i onaj govornjiv čovek

словно корни их жгло невидимое пламя.

Когда, наговорившись, Хаим, вечно чем-то озабоченный, ссутулясь, уходил, фра Петар провожал его долгим, сочувственным взглядом.

Прошло два дня, а Чамил не появлялся. Хаим, который несмотря на собственные заботы, умудрялся откуда-то все знать или хотя бы догадываться, объяснял отсутствие юноши и тем, что его, вероятно, допрашивают и потому не выпускают из камеры во избежание каких-либо нежелательных встреч. Когда следствие окончится и дело будет передано в суд, Чамилу снова разрешат прогулки.

Все знал и все предвидел (хоть и не всегда точно) этот Хаим из Смирны. В данном случае его предположение оправдалось полностью.

В то утро фра Петар, думая о чем-то своем, сидел на камне и краем уха слушал препирательства и брань, которые доносились до него сразу с двух сторон, странно преломляясь и мешаясь в сознании.

Слева от него расположилась небольшая компания картежников. Пытаясь разрешить какой-то карточный спор, они устроили нечто вроде суда. Лица у всех хмурые, говорят отрывисто, сухо и грубо.

– Отдай *деньги* человеку, – тонким, но страшным голосом твердит верзила, видимо, главарь картежников.

– Вот что я ему отдам! – зло кричит в ответ невысокий коренастый игрок с воспаленными глазами и делает непристойный жест.

– Видал? Да еще ранил человека, чуть не убил, – слышится со стороны.

– А чего же его не убить?

– На каторгу захотел?

– Подумаешь, испугали! Как только выйду, тут же его ужокошу и запросто отсижу!

Раздается негодующий шум, среди которого едва различим голос верзилы, непоколебимый и угрожающий:

– Отдай *деньги*! Слышишь?

Перебранка справа еще громче, и по временам она совсем заглушает спор картежников. Тут и Заим, и говорливый человек

atletskog uzrasta što grmi promuklim basom, i neki nov, sitan apsenik koga zovu Softa. Kao uvek, između njih je govor o ženama. Zaim ne govori ništa i tek sprema, valjda, novu priču. Prepirku vode atlet i Softa. Sitni čovek više, a po glasu mu se vidi da pri tom sve poskakuje, kao što čine maleni ljudi, da bi onom što govore dali više važnosti.

- Jermenke, Jermenke, to su žene, to!

- Šta Jermenke? Kakve Jermenke? I ti meni govoriš o jermenskim ženama. Ti? Pa ti si maloletan.

- Trideset i jedna je meni.

- Ama, nije to. Nije stvar u godinama, nego si takav, maloletan, i maloletan ćeš biti i kad ti bude pedeset. Razumeš? Ti si maloletan, i malouman, malokrvan i malodušan, i uopšte si sve što je - malo.

- A ti si sve što je "mnogo" - kaže suvo i neduhovito sitni čovek, dok se svi grohotom smeju.

- Eto vidiš, ni to nisi pogodio. Ja sam sve što je - previše, ako baš hoćeš da znaš, i zato i ne valjam. Jest, ne valjam ni ja. Ali ti, tiii?!

Promukli bas je tu rekao nešto, jednu jedinu i kratku reč, koju je prekrrio opšti smeh.

Posle se opet javlja bas. Opet o ženama i ženskoj ljubavi. On ni o čem drugom kao i da ne ume govoriti.

- Jermenka ti je takva, kao šumska vatra: teško se pali, a kad jednom plane, niko je više ugasiti ne može. To i nije žena nego - kuluk. Napast koja se zalepi za čoveka, pa robuješ njoj i celoj njenoj porodici. I to ne samo živima nego i mrtvima i nerođenima. Pojedu te, a sve pošteno i zakonito, i samo pošteno i po božjem zakonu. (Svi oni boga za ortaka imaju.) Jermenka je šest dana u nedelji neumivena a samo se praznikom pere. I svaka je dlakava do očiju i saransaklija. A Čerkeskinja?

атлетического сложения, бубнящий глухим басом, и какой-то новичок низенького роста по прозвищу Софта. Как всегда, эти говорят о женщинах. Заим пока молчит, видимо, придумывает новый рассказ. Спорят меж собой атлет и Софта.

Софта орет, и даже по голосу слышно, что он при этом подскакивает, как обычно делают низенькие люди, пытаясь придать больше веса своим словам:

– Армянки, армянки – вот это женщины!

– Армянки? Какие армянки? И ты мне будешь говорить о женщинах! Ты? Да ты же еще малолеток!

– Мне тридцать один.

– Это ничего не значит. Дело не в годах, ты какой есть, таким и в пятьдесят лет будешь. Малолеток! Понимаешь? Ты малолетний и малосильный, малокровный и малодушный, вообще все в тебе начинается с «мало».

– Зато у тебя с «много», – вяло и неостроумно защищается коротыш; арестанты громко хохочут.

– Видишь, и опять не угадал. Уж если хочешь знать, во мне всего не просто «много», а слишком много. Поэтому я ни на что и не гожусь. Но ты-ы? – Глухой бас произнес какое-то коротенькое словечко, потонувшее в смехе окружающих.

И снова загудел бас. Опять о женщинах, о любви. Ни о чем другом он словно не умел говорить.

– Армянка – это, братцы, как лесной пожар. Разжечь трудно, но уж когда запылает, никак не погасить. Это не женщина, а кабала. И стоит этой напасти прилепиться к мужику, он навеки в рабстве – да не только у нее, но и у всех ее родичей. И не только у живых, но и у мертвых, и даже у тех, что еще не родились. Целиком сожрут человека, но честно и по закону, только честно и по закону божьему. С богом-то они на короткой ноге. Армянка шесть дней в неделю ходит грязная, и только по праздникам умывается. Волосы по всему телу, до самых глаз, и вечно от нее несет чесноком. А

- To je žena! - kaže neko iz kruga povladujući.
 - To? - negoduje bas, a reč mu se pretvara u neki kivan uzdah. - To je, brajko, letnji dan, a ne žena. Letnji dan, pa ne znaš šta je lepše, zemlja ili nebo nad njom. Ali tu se treba dobro obuti. Pa opet ne pomaže ništa, jer tu je i najbolji majstor kratak. Nije to kao ptica, pa kada je uhvatiš, onda je imaš. To se ne drži kod čoveka; preliiva se kao voda; i kad si imao, kao da ništa nikad imao nisi. To nema pamćenja i ne zna šta je razum ni duša ni milosrđe. A zakona joj uhvatiti ne možeš.

I opet je pala neka kratka i nerazumljiva reč koja je izazvala gromki smeh. Fra Petar se trže iz misli i pođe da sedne malo podalje. Diže se, ali odmah zastade iznenađen. Sa zbuñjenim i tihim pozdravom pred njega je stao Ćamil.
 Tako obično biva. Oni koje želimo da vidimo ne dolaze u časovima kad na njih mislimo i kad ih najviše očekujemo, a pojavljuju se u nekom trenutku kad smo mislima najdalje od njih. I našoj radosti zbog ponovnog viđenja treba tada vremena da se digne sa dna, gde je potisnuta, i pojavi na površini.

Izmakli su se malo podalje od vike i smeha.

- Eh, vidiš, vidiš! - Rekao je fra Petar prvi i nekoliko puta, kao u zabuni, ponovio te dve reči dok su sedeli jedan pored drugog. (Njegova radost je nalazila zadovoljstvo i u tom da izgleda manja nego što je.) Daleko i davno izgledalo je odjednom sve, iako je prošlo svega nekoliko dana od njegovog poslednjeg viđenja. Mladić je bio приметно smršao, kao isceđen. Tamni kolutovi oko očiju jači, a lice sitnije, sa nekim tankim i lepršavim osmehom koji kao da ga obasjava odnekud spolja i daje mu izraz lake zbuñjenosti. Odelo na njemu malo zgužvano, brada veća i zapuštena, a sav čovek još više i na neki nov način uzdržan i bojažljiv.

черкешенка!

– Вот это женщина! – одобрительно подхватывает кто-то, выходя из круга.

– Да? – раздраженно обрывает его бас, и слово это звучит будто сердитый вздох.

– Это, братец, летний день, а не женщина. Летний день, когда не знаешь, что лучше – земля или небо. Но тут надо, как говорят, хорошо подковаться. И опять же ничего не поможет, потому что с ней любой мастер – подмастерье. Это не птица – схватишь, и она твоя. Ее долго не удержишь, переливается с места на место, как вода, вроде и было, а вроде ничего и не было. Нет у ней памяти, не знает она, что такое разум, душа, милосердие. И никогда не поймешь ее законов.

И опять было произнесено короткое и непонятное слово, вызвавшее громкий смех. Фра Петар оторвался от своих мыслей и хотел уйти куда-нибудь подальше, но тотчас же в изумлении остановился.

Смущенно и тихо здороваясь, перед ним стоял Чамил.

Так всегда бывает. Люди, которых мы хотим видеть и очень ждем, появляются не в часы напряженных раздумий о них, а как раз тогда, когда мыслями мы от них всего дальше. И должно пройти некоторое время, чтобы проявилась наша радость, затаившаяся на дне души и пробужденная нежданной встречей.

Спасаясь от крика и смеха, они отошли в сторону.

– Надо же так, надо же так! – первым начал фра Петар, повторяя, словно в замешательстве, эти три слова, когда они уселись рядом. (Он был даже доволен, что его радость кажется несколько меньше, чем была на самом деле.)

Бесконечно далекой почудилась им вдруг их последняя встреча, хотя прошло совсем немного дней. Юноша заметно похудел. Глаза запали, тени под ними стали темнее, лицо осунулось. То и дело, словно откуда-то со стороны, набегала налицо едва заметная улыбка, придавая ему смущенное выражение. Одежда помята, борода отросла, а сам он стал каким-то иным, еще более

Neobično prijateljstvo između gospodskog mladića, Turčina iz Smime, i stranca hrišćanina iz Bosne kao da je za ovih nekoliko dana dok se nisu viđali stalno raslo, razvilo se i utvrdilo u ovoj čudnoj tavnici, brzo i neočekivano kako samo u ovakvim izuzetnim prilikama može da bude. Nisu ni sada njihovi razgovori bili drugo do sporo prepričavanje onog što su nekad videli i pročitali. (O sebi nije niko ništa govorio.) Ali ti razgovori su se razlikovali od svega što se oko njih moglo da čuje i vidi. A to je glavno. U njima im je prolazio ceo dan od jutra do večeri, kad su zatvorenici morali da odlaze svaki u svoju ćeliju, i sa prekidima, kad bi Ćamil odlazio da klanja podne ili ićindiju. Kao i dotad, više je govorio fra Petar, ali je i mladićevo učešće u razgovoru raslo, polako i neprimetno a stalno, iako mu je glas i sad zvučao samo kao jeka nečijeg čvršćeg i određenijeg glasa, i posle nekoliko prvih reči stalno prelazio u šapat.

Takvim glasom je jednog dana i trena (fra Petar i opet nije nikako mogao da se seti kad i kako!) dotle malorečivi Ćamil počeo da priča istoriju Džem-sultana. I od tada pa do kraja nije više ni o čemu drugom ni govorio.

Povod je bio slučajan, ili je izgledao tako. Tiho, kao da govori o posve običnoj stvari, Ćamil je upitao:

- Vi niste nailazili u istoriji na ime Džem-sultana, brata Bajazita II?

- Nisam - odgovorio je mimo fra Petar, misleći sa uzbuđenjem na Haimovo pričanje i krijući svaki trag svoga uzbuđenja.

- Niste ... niste?

Mladić je očigledno oklevao. A onda je, posle nekoliko uvodnih reči koje je izgovarao sa usiljenom ravnodušnošću, otpočeo.

сдержанным и осторожным.

За время разлуки удивительная дружба между богатым юношей-турком из Смирны и приезжим боснийским монахом, вопреки всем ожиданиям, выросла и окрепла. Такая внезапная близость могла возникнуть лишь в этой странной тюрьме и при столь исключительных обстоятельствах. Правда, и сейчас в разговоре они в основном продолжали неторопливо делиться друг с другом тем, что некогда им довелось увидеть или прочитать. (О себе никто из них ничего не рассказывал.) Но их беседы резко отличались от того, что можно было услышать вокруг. А это главное. В разговорах они проводили целый день до самого вечера, когда нужно было расходиться по камерам, и прерывали беседу только на время, когда Чамил уходил на полуденную и послеполуденную молитвы. Как и раньше, говорил в основном фра Петар, но постепенно молчаливый юноша стал принимать в разговоре все больше участия, хотя голос его по-прежнему казался слабым эхом какого-то сильного и ясного голоса, и после нескольких первых слов он всегда переходил на шепот.

Таким шепотом однажды (фра Петар опять никак не мог точно восстановить в памяти, когда и как это произошло) Чамил, прежде такой скупой на слова, начал рассказывать историю султана Джема. И с этого времени он уже не говорил ни о чем другом. Повод был совершенно случайным или казался таким. Тихо, словно говоря о вполне обыденных вещах, Чамил спросил:

– Не приходилось ли вам встречать в исторических сочинениях имя султана Джема, брата Баязида Второго?

– Нет, – спокойно ответил фра Петар, вспомнив предостерегающие рассказы Хаима и старательно скрывая свое волнение.

– Нет?... Не приходилось?

Юноша явно колебался. Но все же, после нескольких вступительных слов, произнесенных с нарочитым равнодушием, он начал говорить.

To je u novom i svečanom obliku drevna priča o dva brata. Otkako je sveta i veka postoje, i neprestano se ponovo rađaju i obnavljaju u svetu - dva brata-suparnika. Jedan od njih je stariji, mudriji, jači, bliži svetu i stvarnom životu i svemu onom što većinu ljudi vezuje i pokreće, čovek kom sve polazi za rukom, koji u svakom času zna što treba a šta ne treba učiniti, šta se može a šta ne može tražiti od drugih i od sebe. Drugi je sušta protivnost njegov. Čovek kratka veka, zle sreće i pogrešnog prvog *koraka*, čovek čije težnje stalno idu mimo ono što treba i iznad onog što se može. On je u sukobu sa starijim bratom, a sukob je neminovan, gubi unapred bitku.

Dva brata su se našla licem u lice, kad je 1481. godine, jednog majskog dana, na ratnom pohodu, iznenada umro sultan Mehmed II Osvajač. Stariji brat Bajazit, kome su bile trideset i četiri godine, i mlađi Džem, koji je tek bio uzeo dvadeset i četvrtu. Bajazit je bio guverner Amasije, sa sedištem na Crnom moru, a Džem guverner Karamanije, u Koniji. Bajazit je bio crnomanjast, visok, malo pognut, sabran i ćutljiv, a Džem krupan, plav i snažan, plahovit i nemiran. Džem je, iako još mlad, stvorio na svom dvoru u Koniji krug ljudi od nauke, pesnika i muzičara, i sam je pisao dobre stihove. Pored toga bio je dobar plivač, atlet i lovac. "Bujna glava", bez mere u mislima i uživanjima, tako da mu je dan bio kratak i da je od noći i sna uzimao koliko god je mogao, da bi produžio svoj dan. Znao je grčki i čitao italijanski.

Bajazit je bio od onih ljudi o kojima se malo govori. Hladnokrvan i hrabar, odličan strelac u ratu, on je ne samo kao stariji i iskusniji nego i

Это была новая и величественная версия извечного рассказа о двух братьях.

С тех пор как существует мир, непрестанно появляются и живут на свете два брата-соперника. Один из них, старший и умудренный опытом, человек с твердым характером, стоит ближе к реальной действительности, к тому, чем живет большинство людей; ему все удается, он всегда знает, что следует и чего не следует делать, что можно и чего нельзя требовать от других и от себя. Второй брат – полная его противоположность. Не жилец на этом свете, неудачник, он уже с первых *шагов* совершает ошибки, стремления его идут вразрез с требованиями практической жизни и всегда превышают его возможности. В столкновении со старшим братом – а столкновение это неизбежно – он заранее обречен на поражение.

Два брата столкнулись лицом к лицу, когда в один из майских дней 1481 года, во время военного похода, неожиданно скончался султан Мехмед II Завоеватель. Старшему, Баязиду, было тогда тридцать четыре года, младшему, Джем, только что исполнилось двадцать три. Баязид являлся правителем Амасии с резиденцией на Черном море, а Джем управлял Караманией³ и жил в Конье. Баязид был высокий, несколько сутулый брюнет, сдержанный и молчаливый. Джем – коренастый, светловолосый и сильный, вспыльчивый и беспокойный. Джем, несмотря на молодость, собрал при своем дворе в Конье ученых, поэтов и музыкантов и сам писал неплохие стихи. К тому же он был отличный пловец, атлет и охотник. «Буйная головушка», как его называли, не знал меры ни в мыслях, ни в наслаждениях, так что дня ему вечно недоставало, и, стараясь продлить его, юноша отнимал сколько мог время у ночи и сна... Он знал греческий и читал по-итальянски.

Баязид был из тех людей, о которых мало говорят. Хладнокровный и храбрый, искусный стрелок и солдат, он не только как старший и

³ Карамания – область в Малой Азии с центром в г. Конье. С 1300 по 1486 г. город Караман был столицей османского государства.

po svojim sklonostima mnogo bolje poznao veliku očevu *carevinu*, njene zakone i uredbе, njene izvore prihoda i odnose sa ostalim svetom. Bio je jedan od onih koji se u svakom danom času bave samo jednom mišlju i jednim poslom, i to onim koji je najpotrebniji i najkorisniji.

U trci za upražnjenim prestolom Bajazit je bio brži i veštiji. Džem je imao više pristalica i na dvoru i u vojsci. (Znalo se da je sultan Mehmed bio skloniji mlađem sinu i da je želeo da ga on nasledi.) Ali Bajazitovi ljudi bili su bolje povezani i sa njim i između sebe, i radili su brže. Bajazit je stigao prvi u Stambol i preuzeo vlast. Odmah je stao da sprema vojsku na brata, koji se sa svojom vojskom nalazio na putu iz Karamanije prema Stambolu.

Džemova vojska, pod Kedik pašom, stigla je do Bruse, drevnog središta osmanske vlasti, lepog zelenog grada na padinama visoke planine, i zauzela je borbom. Ali u ravnici stajala je Bajazitova vojska pod Ajas pašom. Otpočeli su pregovori. Svaki od dvojice braće imao je dovoljno dokaza za svoje pravo i preimućstvo. Bajazit je bio stariji i srećniji, već primljen i priznat za vladara u Stambolu. Džem je svoje pravo zasnivao na drugim dokazima. Bajazit je rođen za vlade njihovog deda Murata II, dok im je otac bio još samo naslednik prestola, i to od majke ropkinje. Džem je rođen kada je Mehmed II bio već sultan, a majka mu je bila od kneževskog roda iz Srbije. Sam sultan Mehmed je za života, ne govoreći ništa otvoreno, pokazivao da mu je mladi sin bliži i da je, u duši njemu namenio presto. A jednog i drugog su podsticali moćni paše, vodeni iskrenom odanošću ili sebičnim ciljevima.

более опытный, но и вследствие своих наклонностей лучше знал огромную *империю* отца, ее законы и порядки, источники ее доходов и отношения с окружающим миром. Он принадлежал к породе людей, которые в каждый данный момент подчиняют себя одной мысли, одному действию, к тому же самому нужному и целесообразному.

В борьбе за освободившийся престол Баязид оказался более быстрым и ловким. Джем имел больше сторонников и при дворе и в армии. (Все знали, что султан Мехмед благоволил к младшему сыну и в нем видел своего преемника.) Но люди Баязида были лучше организованы, связаны с ним и меж собой и действовали энергичнее. Баязид первым прибыл в Стамбул и захватил власть. Он сразу же стал готовить армию против брата, который со своими солдатами направлялся из Карамании в Стамбул.

Войска Джема, под командой Кедик-паши, подошли к Брусе,⁴ древней резиденции османских правителей, живописному зеленому городку, лепившемуся по склону высокой горы, и взяли его с боем. Но на равнине стояла армия Баязида, которой командовал Аяс-паша. Начались переговоры. Каждый из братьев обладал достаточным количеством доводов, подтверждавших его права на престол. Баязид был старшим, более сведущим в делах, его уже признали и провозгласили государем в Стамбуле. Джем основывал свои права на других фактах. Баязид родился еще во время правления их деда Мурада II, когда отец был лишь наследником престола, к тому же мать Баязида была простой рабыней. Джем родился уже как сын султана Мехмеда II, а мать его происходила из сербского княжеского рода. Сам султан Мехмед при жизни хотя и не говорил открыто, но и не скрывал, что младший сын ему ближе и что в душе он считает его своим преемником. За спинами братьев

⁴ *Бруса* (ныне чаще Бурса) – город в Турции, основанный во II в. до н. э. В течение столетий – столица средневековой султанской Турции, где, в частности, похоронен и султан Джем. Андрич посетил Брусу в мае 1953 г. в составе югославской парламентской делегации, и впечатления этой поездки отразились в очерке «К вести о том, что сгорела Бруса» (См. «Человеку и человечеству», М., 1983).

I kao što uvek biva, svaki od dvojice braće je nalazio za ono što želi i na što je već rešen dovoljno potvrde u svemu oko sebe dovoljno vere u svoje pravo i svoju silu.

U takvim uslovima pregovori nisu mogli doneti ploda. Džem je tražio svoj deo carstva, u Aziji, a Bajazit je mirno odgovarao da je carstvo jedno i nedeljivo i da sultan može biti samo jedan, a bratu je nudio da se sa haremom povuče u Jerusalem i da tamo živi spokojno od velike sume novaca koju će mu on isplaćivati svake godine. O tome Džem nije hteo da čuje. Došlo je do borbe. Bajazit je već ranije uspeo da među Džemove savetnike ubaci svog čoveka, Jakub-bega. Džem je pobeden i jedva je uspeo da iznese glavu. Pobegao je u Egipat, gde je lepo primljen od egipatskog sultana kome je ovaj bratski razdor bio dobrodošao. Još jednom je, pomognut od egipatskog sultana, pokušao sreću, ali je opet *potučen*. Našao se na maloazijskoj obali, bez vojske, sa nekoliko najodanijih ljudi. (Majka i žena mu, sa troje nejake dece, ostale su u Egiptu.) Pritešnjen, znajući šta ga čeka ako bude uhvaćen, rešio se da pobegne na ostrvo Rod i da od tamnošnje vlasti *zatraži utočište*.

Rod, koji je još pre nekoliko godina Mehmed II uzalud opседаo, nalazio se u vlasti moćnog katoličkog reda joanita, jerusalimskih vitezova reda sv. Jovana, i predstavljao je istaknutu utvrđenu tačku zapadnog hrišćanskog sveta. Džem je izranije poznao vitezove, jer je, po naredbi svoga oca sultana, vodio sa njima pregovore. Obratio im se sa molbom za utočište i oni su, jedva dočekavši, poslali odmah naročitu galiju koja je sa obale prebacila njega i celu njegovu *pratnju*, oko tridesetak lica, na Rod.

Odmetnik i pretendent na presto dočekan je sa carskim počastima od velikog majstora viteškog reda D'Obisona (Pierre d'Aubusson), svih

стояли могущественные паши, движимые кто искренней преданностью, а кто личной выгодой.

И как это всегда бывает, каждый из братьев находил в своем окружении достаточно советчиков, доказывающих справедливость его притязаний, и оба были уверены в своей правоте и силе.

В таких условиях переговоры не могли быть плодотворными. Джем требовал свою часть земель в Азии. Баязид невозмутимо отвечал, что империя едина, неделима и что султан может быть лишь один, а брату с его гаремом предлагал переселиться в Иерусалим и спокойно жить там, обещая ежегодно высылать ему огромное содержание. Об этом Джем и слушать не хотел. Произошло сражение. У Баязида уже давно был свой человек среди приближенных брата – Якуб-бег. Джем потерпел поражение и едва унес ноги. Он бежал в Египет, где его хорошо принял египетский султан, которому был выгоден раздор между братьями. При поддержке египетского султана Джем еще раз попытал счастья на поле боя и снова был побежден. С несколькими преданными людьми, без армии, он оказался на малоазиатском берегу. (Его мать, жена и трое малолетних детей остались в Египте.) Очутившись в безвыходном положении, прекрасно сознавая, что его ожидает, если он попадет в руки брата, он решил бежать на остров Родос и *просить убежища* у тамошних властей.

Родос, который за несколько лет до того безрезультатно осаждал Мехмед II, находился под властью могущественного католического ордена иоаннитов, иерусалимских рыцарей ордена святого Иоанна, и представлял собой передовое укрепление западного христианского мира. Джем был знаком с рыцарями этого ордена, ибо раньше, по поручению отца, вел с ними переговоры. Он обратился к ним с просьбой об убежище, и они тотчас же послали за ним специальное судно, которое перевезло на Родос и всю его *свиту* – около тридцати человек.

Мятежник и претендент на престол был встречен с царскими почестями магистром ордена д'Обиссоном (Pierre d'Aubisson),

vitezova-redovnika i celokupnog stanovništva. Veliki majstor je ponovo uveravao Džema da mu garantuje slobodu, pravo *azila*, i sporazumeo se sa njim da je najbolje da izabere Francusku kao zemlju u kojoj će živeti, dok mu sreća ne pomogne da se vrati kao sultan u Tursku.

Džem je sa pratnjom upućen u Francusku. A D'Obison je otpočeo da radi na sve strane kako bi što bolje iskoristio ovog nesrećnog princa u interesu svog Reda, celokupnog hrišćanstva, pa i u svom ličnom interesu. Njemu je bilo jasno kakav važan zalog drži u rukama. Doveden u Francusku, Džem nije pušten na slobodu, nego je, protivno datoj reči, držan zatočen u tvrdim gradovima koji su pripadali Redu jerusalimskih vitezova.

Oko "sultanovog brata" stvara se vrtlog spleta i kombinacija u kojima učestvuju sve tadašnje evropske države, papa i, naravno, sultan Bajazit sam. I Matija Korvin, kralj Ugarske i papa Inokentije VIII želeli su da im bude izručen Džem, kako bi se njime poslužili kao sredstvom u borbi protiv Turske i Bajazita II. Ali lukavi Pjer D'Obison zadržava dragocenog roba u svojoj vlasti i pomoću njega na vrlo vešt način ucenjuje na sve strane, i Bajazita, i egipatskog sultana, i papu. Bajazit mu plaća veliku sumu za Džemovo izdržavanje, u stvari zato da Džema ne pušta i ne predaje drugom. Papa mu obećava kardinalski čin ako mu izruči Džema. Egipatski sultan mu daje znatne sume. Čak i nesrećna Džemova majka, koja je živela u Egiptu i nije prestajala da radi na oslobodjenju svoga sina, šalje mu novac za Džema, ali novac ostaje kod velikog majstora.

To otimanje oko „sultanovog brata" i spretna igra D'Obisonova trajali su osam godina. Za sve to vreme Džem je prevođen iz jednog francuskog utvrđenog grada u drugi, uvek pod jakom stražom jerusalimskih vitezova. Malo-pomalo lišavaju ga pratnje. Na kraju mu je ostalo svega četiri-pet vernih pratilaca. Svi pokušaji da pobegne i da se spase iz šaka verolomnih jerusalimskih vitezova ostaju bez uspeha. Sultan Bajazit sa

монахами-рыцарями и населением острова. Глава ордена снова заверил Дžема в том, что ему гарантирована свобода и право *убежища*, а что касается места жительства, он советовал выбрать Францию, пока, счастье не улыбнется ему и он не возвратится в Турцию султаном.

Дžема со свитой отправили во Францию. Д'Обиссон предпринял всевозможные меры, чтобы как можно выгоднее использовать положение несчастного принца в интересах ордена, христианского мира и своих собственных. Он прекрасно сознавал, какой важный заложник попал в его руки. Во Франции Дžему, в нарушение данного слова, не предоставили свободы, а держали в заточении в крепостях, принадлежавших ордену иерусалимских рыцарей.

Вокруг «брата султана» образовался целый клубок всяческих козней, комбинаций и хитрых расчетов, в которых были замешаны европейские государства, папа и, конечно, сам султан Баязид. И Матяш Корвин, венгерский король, и папа Иннокентий VIII жаждали заполучить Дžема, чтобы воспользоваться его именем в борьбе против Турции и Баязида II. Но хитрый Пьер д'Обиссон крепко держал драгоценного пленника в своих руках и умело спекулировал им, шантажируя и Баязида, и египетского султана, и папу. Баязид вносил крупные суммы на содержание Дžема, а вернее – на то, чтоб орден не выпускал его из своих рук и не передавал другим. За Дžема папа обещал магистру сан кардинала. Значительные суммы посылал и египетский султан. Даже несчастная мать Дžема, оставшаяся в Египте и не перестававшая хлопотать об освобождении сына, тоже посылала деньги, которые, разумеется, попадали в карман главы ордена.

Борьба за «брата султана» и ловкая игра д'Обиссона продолжалась восемь лет. За это время Дžема неоднократно переводили из одной французской крепости в другую, всегда под усиленной охраной иерусалимских рыцарей. Мало-помалу сокращалась его свита. В конце концов с ним осталось всего пятеро преданных сторонников. Все попытки бежать и вырваться из лап вероломных иоаннитов

svoje strane čini sve da se oslobodi pritiska koji na njega vrši ceo hrišćanski svet pomoću zlosrećnog brata koji je postao sredstvo u rukama toga sveta. On se obaveštava o svom bratu kod *Mlečana*, kod *Dubrovčana*, kod *napuljskog* kralja, on održava stalno vezu sa Pjerom D'Obisonom i čini mu znatne ustupke svake vrste. Njihovi se interesi, pored svega, u izvesnom smislu podudaraju, D'Obisonu je stalo da zadrži što duže Džema u svojoj vlasti i da pomoću njega ucenjuje pomalo ceo svet, a Bajazitu je glavno da se njegov brat-supamik nalazi u nekom sigurnom zatvoru, a ne na čelu neke vojske koja kreće protiv Turske.

Osme godine Džemovog boravka u Francuskoj - a godina je 1488 - diplomatska borba oko njegove ličnosti dostiže *vrhunac*. U Francusku stižu izaslanici sa svih strana i svi imaju za svoj glavni zadatak Džemovu ličnost. Bajazitov izaslanik, Grk i hrišćanin Antonio Reriko, potpomagan od izaslanika *napuljskog* kralja, nudi francuskom kralju i njegovim dvorjanima velike smne, javno i tajno, nudi vlast nad Jerusalimom, kad Bajazit pobedi egipatskog sultana i osvoji taj grad; daje darove na koje su dvorski ljudi i dvorske dame vrlo lakomi. U isto vreme ugarski kralj Matija Korvin šalje sjajno izaslanstvo i traži sultanovog brata za sebe, kako bi sa više izgleda na uspeh napao Bajazita. A najživlje je izaslanstvo pape Inokentija VIII koji, iako star i bolestan, ne odustaje od svoje namere da pokrene hrišćanske vladare na krstaški rat protiv Turske. A za to mu je potrebno da u svojoj vlasti ima sultanova brata odmetnika kao sredstvo.

Ali veliki majstor sa ostrva Roda ide za svojim ciljem. Polazi mu za rukom da francuskom kralju nametne svoje mišljenje: da Džema treba predati papi. U februaru mesecu 1489. vitezovi ukrcaju Džema sa malom pratnjom na svoju galiju u *Tulonu*, i posle duge i teške vožnje stignu u

оказались безуспешными. Со своей стороны, султан Баязид делал все, чтобы освободиться от постоянного давления, которое на него оказывали христианские правители, пользуясь, как орудием, его злосчастным братом. Он получает сведения о брате через *Венецию*, *Дубровник* и *неаполитанского* короля, держит постоянную связь с Пьером д'Обиссоном и оказывает ему бесконечные и самые разнообразные услуги. Их интересы в известном смысле совпадают. Д'Обиссону выгодно как можно дольше держать Джема под своей властью и с его помощью продолжать шантажировать чуть ли не весь мир, для Баязида же главное, чтобы его брат-соперник сидел в надежной крепости, а не возглавлял армию, выступающую против Турции.

На восьмой год пребывания Джема во Франции – а шел 1488 год – дипломатическая борьба вокруг его личности достигла *предела*. Со всех сторон во Францию прибывают посланцы с одной целью – заполучить Джема. Посланник Баязида, грек-христианин Антонио Рерико, при содействии посланника неаполитанского короля явно и тайно предлагает французскому королю и его придворным большие суммы; обещает власть над Иерусалимом, после того как Баязид одолеет египетского султана и захватит город; преподносит подарки, на которые так падки придворные вельможи и особенно дамы. В то же время король Венгрии Матяш Корвин шлет блестящую депутацию и требует передать ему «брата султана» и тем самым внести вклад в борьбу против Баязида. Однако наиболее деятельна депутация папы Иннокентия VIII, который, невзирая на старость и болезни, не отказывается от своего намерения вовлечь христианских государей в крестовый поход против Турции. Для этого ему нужно как действенное средство заполучить в свои руки «брата султана».

Великий ловкач с острова Родос преследует свои цели. Ему удастся внушить французскому королю, что Джема необходимо передать папе. В феврале 1489 года рыцари усаживают Джема и его свиту на галеру в *Тулоне* и после долгого и тяжелого пути привозят в

Ćivitavekiju, gde ih dočekuje veliko izaslanstvo papino. U sjajnoj pratnji Džem ulazi u Rim, gde mu u susret izlaze kardinali, ceo papski dvor, zajedno sa diplomatskim predstavnicima. I on i pratnja mu u slikovitoj istočnjačkoj nošnji, na dobrim konjima. Sutradan je papa primio vrlo ljubazno toliko željenog turskog princa u svečanu audijenciju. Džem je odbio da se pokloni pred papom kao što to čine svi drugi, i zagrlio se sa njim kao ravan sa ravnim i vladar sa vladarom.

Pjer D'Obison je postao kardinal, a njegov Red je dobio ne samo priznanje nego i druge, stvarne povlastice i koristi od pape. Nekoliko dana docnije papa je primio Džema u privatnu audijenciju. Tu su razgovarali otvorenije. Džem je izjavio da su ga vitezovi sa Roda prevarili i sve dosad držali u zatvoru. Molio je papu da ga pusti da ide u Egipat, gde mu živi majka i porodica. Džem je govorio tako potresno da su papi udarile suze na oči. On je težio Džema lepim rečima, ali je na rečima sve i ostalo.

Velika diplomatska igra oko Džema nastavlja se i biva sve življa. Papa razvija svoju akciju za ostvarenje lige hrišćanskih vladara protiv Turske. U tom krstaškom pohodu Džem treba da odigra važnu ulogu, a Vatikan je za njega zlatna krletka. Matija Korvin traži Džema za svoj pohod protiv Turske. To isto čini egipatski sultan, i nudi otkup od šest stotina hiljada dukata, i još šezdeset hiljada od strane Džemove majke.

Godine 1490. umire Matija Korvin. To je težak udarac ideji opšteg hrišćanskog pohoda protiv Bajazita. Bajazit, saznajući da je Džem u papinoj vlasti, šalje naročitog izaslanika u Rim. Papa ga prima u audijenciju i tu se otkrivaju sve laži i spletke D'Obisonove i izlaze na videlo sume novca koje je primao od Bajazita. Bajazit je tražio od pape da zadrži Džema kod sebe pod uslovima pod kojim su ga držali i vitezovi sa Roda, to jest uz izvesne političke ustupke i 40.000 dukata godišnje. Da bi isplatio sumu od 120.000 dukata, određenu za tri godine,

Чивитавеккью, где их встречается огромная папская депутация. В сопровождении блестящей свиты Джем въезжает в Рим, навстречу ему выходят кардиналы и весь папский двор вместе с дипломатическими представителями. Джем и его свита появляются в ярких восточных одеяниях на превосходных конях. На следующий день папа весьма любезно принимает давно желанного гостя – турецкого принца – и дает ему торжественную аудиенцию. Джем отказывается склониться перед папой, как это делают другие, и обнимается с ним как равный с равным, государь с государем.

Пьер д'Обиссон становится кардиналом, а его орден получает не только признание папы, но и другие весьма значительные привилегии и льготы.

Несколько дней спустя папа принял Джема неофициально. Здесь разговор велся более откровенно. Джем заявил, что рыцари с Родоса его обманули и держали в тюрьме. Он просил папу отпустить его в Египет, где живет его мать и семья. Джем говорил так прочувственно, что на глазах у папы выступили слезы. Он утешал Джема добрыми словами, но дальше слов дело не пошло.

Неслыханная дипломатическая борьба вокруг Джема продолжалась и обострялась. Папа сколачивал антитурецкую лигу христианских правителей. В этом крестовом походе Джему была отведена важная роль, и Ватикан оказался для него золотой клеткой. Матяш Корвин требовал Джема к себе. То же делал и египетский султан, предлагая выкуп в шестьсот тысяч дукатов; еще шестьдесят тысяч давала мать Джема.

В 1490 году умер Матяш Корвин. Это нанесло тяжелый удар идее общехристианского похода против Баязида. Баязид, узнав, что Джем в руках папы, направляет в Рим специального посланника. Папа принимает его, и тут обнаруживаются хитрости и обман д'Обиссона и всплывают на свет суммы, которые тот принимал от Баязида. Султан предложил папе держать у себя Джема на тех же условиях, что и Рыцари с острова Родос, то есть за известные политические Уступки и 40 000 дукатов ежегодно. Прежде чем

izaslanik je imao nalog da lično vidi Džema i da se uveri da je živ i da je zaista tu. Džem pristaje da primi izaslanika, ali samo kao sultan, uz potpun ceremonijal. Sedeo je prekrštenih nogu na naročitom prestolu, okružen svojom *pratajom*. Uz njega je bio jedan od kardinala. Bajazitov izaslanik je pao ničice pred Džem-sultanom i predao pismo i darove koje mu šalje brat. Pismo je pročitano Džemu na uho, a darove je, i ne pogledavši ih, dao svojoj pratnji da ih razdeli između sebe.

Inokentije VIII ne prestaje da radi na stvaranju lige protiv Turske, a Bajazit izvodi svoje planove protiv Ugarske i Venecije. U svemu tome Džemova ličnost igra veliku ulogu. Sultan šalje papi "koplje kojim je proboden Hristos na krstu" i druge skupocene mošti, tražeći od njega samo jedno: da drži u zatočenju Džema i da ga ne izručuje nikom drugom. A papa traži od Bajazita da ne napada hrišćanske zemlje, u protivnom slučaju on će iskoristiti Džema i staviti ga na čelo velikog pohoda protiv Turske.

U to umire i papa Inokentije VIII. Za vreme dok je vršen izbor novog pape, Džem je zbog veće sigurnosti zatvoren u tvrđavu sv. Anđela. Za novog papu je izabran *dosadašnji* kardinal Rodrigo Bordžija, poznat kao papa pod imenom Aleksandar VI.

Iz gledalo je da su za turskog carskog sužnja nastala bolja vremena. On se prijatelji sa papinim sinovima, kretao se sa više slobode, učestvovala u svečanostima. U hronikama i pismima kao i na slikama savremenika Džem je prikazan kao čovek od tridesetak godina, ali koji izgleda kao da ima četrdeset. Ugojen, taman u licu, sa levim očnim kapkom potpuno opuštenim, tako da izgleda "kao čovek koji nišani". Mračan je i plahovit, i nemilosrdan prema posluži, odan je uživanjima, naročito piću, jer u njemu traži sna i zaborava.

U to vreme nastaju među zapadnim hrišćanskim vladarima novi veliki

уплатить сумму в 120 000 дукатов за три года вперед, посланец, как ему было предписано, захотел лично увидеть Джема, дабы убедиться, что он жив и действительно находится у папы. Джем согласился его принять, но только как султан, с соблюдением полного церемониала. Скрестив ноги, он сидел на специальном престоле в окружении *свиты*. При нем был один из кардиналов. Посланец Баязида пал ниц перед султаном Джемом и передал письмо и подарки, которые ему посылал брат. Письмо было прочитано Джемму на ухо, а подарки, даже не взглянув на них, он отдал свите, чтобы приближенные поделили их между собой.

Иннокентий VIII не перестает сколачивать лигу против Турции, а Баязид строит планы, направленные против Венгрии и Венеции. Во всем этом личность Джема играет большую роль. Султан посылает папе «копье, которым был пронзен на кресте Христос», и другие драгоценные реликвии, требуя одного: держать Джема в заточении и никому не передавать. А папа требует, чтобы султан не напал на христианские страны, иначе он пустит в ход Джема, заставив его возглавить поход против Турции.

В это время папа Иннокентий VIII умирает. Пока происходили выборы нового папы, Джем для верности был заключен в крепость св. Ангела. Папой избрали *бывшего* кардинала Родриго Борджиа, известного под именем Александра VI.

Казалось, для царственного заложника наступили лучшие времена. Он подружился с сыновьями папы, мог более свободно передвигаться, принимал участие в торжествах. Хроники, письма и воспоминания того времени рисуют Джема тридцатилетним мужчиной, которому можно дать все сорок. Полный и смуглолицый, с прищуренным левым глазом, он был похож «на человека, который целится». Мрачный, вспыльчивый, немилосердный к подчиненным, Джем с жадностью предавался удовольствиям и особенно любил вино, ища в нем забвения и покоя.

Как раз в то время возникают крупные распри между западными

zapleti. Mladi francuski kralj Karlo VIII kreće sa vojskom u Italiju da zauzme Napuljsku kraljevinu na koju polaže pravo, i da, kako tvrdi, odatle povede vojske hrišćanske lige u krstaški rat protiv Turske. Papa čini sve da njegov ulazak u Italiju spreči. U to vreme Aleksandar VI vodi pregovore sa Bajazitom i čak i od njega traži podršku protiv francuskog kralja. Bajazit mu šalje ugovorenu sumu od 40.000 venecijanskih dukata za godišnje izdržavanje Džemovo, a u naročitom ličnom pismu nudi mu 300.000 dukata ako mu izruči Džemov *leš*. Tu prepisku uhvatili su papini protivnici u Italiji i objavili je.

Karlo VIII prodire u Italiju. Osvaja brzo grad za gradom i poslednjeg dana 1494. godine ulazi u Rim. Papi ne ostaje ništa drugo nego da se sa mladim osvajačem sporazume, sa što manje štete i gubitka. Jedan od zahteva Karlovih bio je: da mu papa izruči "sultanova brata", kojim i on namerava da se posluži u borbi protiv Bajazita. Pogodili su se da Karlo povede Džema sa sobom u svom pohodu na Napulj i docnije na Tursku. Ali papa je tražio da mu kralj Francuske da garantiju da će mu, po svršenom ratu, vratiti dragocenog zatočenika. Isto tako papa je osigurao ugovorom da onih 40.000 dukata koje sultan redovno šalje i dalje pripadaju njemu.

U svečanoj audijenciji papa je predao pred mnogobrojnim svedocima francuskom kralju Džema i njegovu brojem već sasvim neznatnu pratnju. Kad je papa tu odluku saopštio Džemu, on je izjavio da je rob i da mu je svejedno ko ga u ropstvu drži, papa ili francuski kralj.

Papa je nastojao da lepim rečima razuveri i umiri Džema, a Karlo VIII bio je pažljiv prema njemu i postupao sa njim kao sa vladaocem. Kad je Karlo VIII krenuo dalje, protiv napuljskog kralja, poveo je sa sobom i Džema sa pratnjom i papinog sina Ćezara, kardinala od

христианскими государями. Молодой французский король Карл VIII отправляется с армией в Италию, чтобы занять неаполитанское королевство, на которое он предъявляет права, и, как он утверждает, повести оттуда войска христианской лиги в крестовый поход против Турции. Папа стремится воспрепятствовать его вступлению в Италию. В те дни Александр VI ведет переговоры даже с Баязидом и ищет у него поддержки против французского короля. Баязид шлет ему условленную сумму в 40 000 венецианских дукатов на содержание Джема, а в особом письме, адресованном лично папе, предлагает 300 000 дукатов за выдачу *трупа* своего брата. Переписку перехватывают противники папы в Италии и предают ее гласности.

Карл VIII вторгается в Италию. Он быстро занимает город за городом и в последний день 1494 года вступает в Рим. Папе не остается ничего иного, как с наименьшим ущербом для себя пойти на соглашение с молодым завоевателем. Одно из требований Карла заключалось в следующем: папа должен передать ему «брата султана», которого он собирался использовать в борьбе против Баязида. Было решено, что Карл возьмет Джема с собой в поход на Неаполь, а позднее на Турцию. Но папа требовал гарантии, что по окончании войны французский король вернет ему драгоценного заложника. Точно так же папа оговорил, что 40 000 дукатов, регулярно высылаемых султаном, по-прежнему будут принадлежать ему.

В торжественной обстановке в присутствии множества свидетелей папа передал французскому королю Джема и его совсем малочисленную свиту. Когда папа сообщил свое решение Дžему, тот заявил, что он раб и ему безразлично, у кого быть в рабстве – у папы или у французского короля.

Папа пытался ласковыми речами разуверить и успокоить Дžема. Карл VIII был к нему внимателен и обращался с ним как с государем.

Отправляясь в поход против неаполитанского короля, Карл VIII

Valencije, kao *talaca*. Ali na putu je lukavi Čezare pobegao, a Džem se razboleo. Bolovao je svega nekoliko dana. Umro je u Kapui, pre nego su stigli do Napulja.

Svojim pratiocima, koji su proveli sa njim sve godine robovanja, preporučio je da njegovo telo svakako prenesu u Tursku, kako se nevemici ne bi i njim mrtvim koristili. Izdiktirao je i pismo bratu Bajazitu u kom moli da dozvoli njegovoj porodici povratak u Stambol i da bude milostiv prema onima koji su bili njegovi verni pratioci u dugom ropstvu.

Karlo VIII naredio je da se Džemovo telo balzamuje i položi u olovni kovčeg.

Odmah se proneo glas da je papa otrovao Džema ili da ga je već otrovana predao kralju. Venecijanski Senat požurio se da odmah izvesti sultana Bajazita o Džemovoj smrti, želeći da bude prvi koji moćnom sultanu javlja tu priyatnu vest.

Pohod Karla VIII završio se bedno. Karlo se vratio u Francusku, gde je ubrzo i umro. Telo Džemovo ostalo je u vlasti napuljskog kralja. Oko tog mrtvog tela vodila se duga prepiska. Napuljski kralj je ucenjivao Bajazita. Javio se i papa Aleksandar VI i tražio svoj deo. Ali napuljski kralj je izvukao svu korist za sebe. To mrtvo telo poslužilo mu je da sklopi povoljan ugovor sa sultanom, i ono je tek u septembru 1499. godine najposle predano Bajazitu, koji ga je svečano sahranio u turbetu u Brusu, gde leže pokopani turski vladari.

Ovo je samo *okosnica* Čamilove priče, šturo i kratko kazana. Mnogo duže i življe i drukčije, i sa drugim smislom govoreno, bilo je ono što je

узвзл с собоу Джемэ со свитой и, в качествэ *заложника*, сына папы Чезаро, кардинала Валенсии. Но по дороге хитрый Чезаро сбежал, а Джем заболел. Болел он всего несколько дней. Скончался он в Капуе, раньше чем они достигли Неаполя.

Отправляясь в поход против неаполитанского короля, Карл VIII взял с собой Джемэ со свитой и, в качестве заложника, сына папы Чезаро, кардинала Валенсии. Но по дороге хитрый Чезаро сбежал, а Джем заболел. Болел он всего несколько дней. Скончался он в Капуе, раньше чем они достигли Неаполя.

Приближенным, которые провели вместе с ним годы плена, он завещал любым способом перевезти его тело в Турцию, чтобы неверные не использовали его и после смерти. Он продиктовал письмо брату, в котором просил разрешить его семье вернуться в Стамбул и проявить милосердие к тем, кто были его верными спутниками в долгом рабстве.

Карл VIII приказал забальзамировать тело Джемэ и положить его в свинцовый гроб.

Тотчас же разнесся слух, что папа, прежде чем передать Джемэ королю, отравил его. Венецианский сенат поспешил первым сообщить султану Баязиду приятную весть о смерти Джемэ.

Поход Карла VIII окончился неудачей. Карл возвратился во Францию и вскоре скончался. Тело Джемэ осталось у неаполитанского короля. Вокруг него велась долгая переписка. Неаполитанский король старался как можно больше выжать из Баязида. Вступил в спор, требуя свою долю, и папа Александр VI. Но неаполитанский король воспользовался выгодой один. Труп Джемэ помог ему заключить выгодный договор с султаном, и только в сентябре 1499 года тело наконец было передано Баязиду, который торжественно похоронил его в усыпальнице турецких государей в Брусе.

VI

Вот *канва* рассказа Чамила, переданная сухо и кратко. То, что фра Петар слышал от своего друга, изложено было значительно

fra Petar čuo od svog novog prijatelja. I sve se svodilo na jedno: postoje dva sveta, između kojih nema i ne može biti ni pravog dodira ni mogućnosti sporazuma, dva strašna sveta osuđena na večiti rat u hiljadu oblika. A između njih postoji jedan čovek koji je, na svoj način, u ratu sa oba ta zaraćena sveta. Carev sin, carev brat, car i sam po svom najdubljem uverenju i osećanju, i u isto vreme najnesrećniji od svih ljudi. Prvo izdan i poražen, a zatim prevaren i lišen slobode, usamljen i odvojen od svojih i od prijatelja, doveden u tragičan proces, a celom svetu na vidiku, kao na sramnom stubu, ali sa gordom rešenošću u sebi da u tom položaju istraje i da ostane ono što je, da ne izgubi svoj cilj ispred očiju i da ne popusti ni bratu-krvniku ni nevernicima koji ga podmuklo varaju, ucenjuju, prodaju i preprodaju.

Tu se fra Petar naslušao stranih imena gradova i moćnih svetskih ljudi, careva, kraljeva, papa, knezova i kardinala, što nikad u svom veku nije, prateći sve promene i pokrete u neobičnom životu Džem-sultana. On sva ta imena nije ni mogao zapamtiti i ponoviti. Često je bivalo da slušajući izgubi nit mladićevog pričanja i da ne zna više u toj priči ko je kome rod ni ko koga obmanjuje, kupuje i prodaje, pa čak i da prestane da prati pričanje, nego misli na svoju nevolju. Ali i tada bi se pravio kao da sluša, jer mu je žao čoveka kome je očigledno mnogo stalo da sve dokraja i potanko kaže.

A bilo je u tom pričanju i njemu potpuno nerazumljivih stvari, kao što su Džemovi stihovi o sudbini, o vinu i pijanstvu, o lepim dečacima i devojkama. Čamil ih je recitovao napamet i kao da su njegovi rođeni. Bilo je i reči i mišljenja koja su ga zbunjivala i bunila, kao što su oštri Džemovi sudovi o papama i drugim crkvenim glavarima. Ali fra-Petar je

подробней, ярче и с иным смыслом. Все сводилось к одному: существуют два мира, и между ними нет и не может быть ни подлинных связей, ни взаимопонимания; два страшных мира, обреченных на вечную войну, принимающую тысячи разных форм. А между этими враждебными друг другу мирами – человек, вынужденный бороться с ними обоими. Сын султана, брат султана и, по глубочайшему убеждению и мироощущению, султан – и в то же время несчастнейший из людей. Сначала предательство и поражение, затем обман и лишение свободы и, наконец, трагическая западня, когда один, без друзей и близких, он оказался на виду у мира, словно прикованный к позорному столбу. У него, однако, хватило гордой решимости выдержать свой удел до конца и при всех обстоятельствах остаться тем, кем он был, не забывать о своей цели и не уступить ни палачу-брату, ни иноверцам, которые подло его обманывали, шантажировали, продавали и перепродавали.

Следуя за превратностями и перипетиями необычайной судьбы султана Джема, фра Петар слышал множество имен и названий чужеземных городов и могущественных правителей – царей, королей, пап, князей и кардиналов, о существовании которых он раньше и знать не знал. Имен этих он, естественно, не мог ни повторить, ни запомнить. Часто случалось, что он вдруг терял нить рассказа и уже не понимал, кто кому приходится родней и кто кого обманывает, покупает и продает, а по временам и совсем переставал вникать в то, что слушал, размышляя о собственной горькой доле. Но и в этом случае он делал вид, будто внимательно слушает, ибо сочувствовал человеку, для которого так важно было излить свое сердце.

Однако в этих рассказах встречались и совсем непонятные для него вещи, как, например, стихи Джема о судьбе, о вине и пирушках, о красивых юношах и девушках. Стихи Чамил читал наизусть, словно сам их сочинял. Смущали монаха отдельные слова и резкие высказывания Джема о папах и других князьях церкви. Но фра

smatrao da ovo nije mesto ni trenutak da se sve to raspravi i istera na čistinu. Utoliko više što mu samom mnogo toga nije bilo jasno ni razumljivo. Treba čoveka pustiti da kaže sve. Njemu su Ijudi oduvek, svuda pa i ovde, slobodno prilazili, brzo se povezivali s njim i lako mu se poveravali. A on je to primao kao prirodnu i razumljivu stvar i trudio se samo da sve pažljivo sasluša. Uvek pa i sad.

Ovo sa mladićem iz Smirne išlo je daleko i trajalo dugo. On se satima zaboravljao potpuno, pričajući sudbinu Džem-sultana, kao da se radi o nečem što treba da bude kazano što pre, još ovog trenu, jer sutra već može biti dockan. Služio se čas turskim čas italijanskim jezikom, zaboravljajući, u brzini, da prevede francuske i španske citate koje je govorio napamet.

Razgovor bi počeo rano, u toploj senci jedne nastrešnice, koja je bivala sve kraća, a nastavljali bi ga po drugim sklonitim mestima velike avlije, bežeći od sunčeve žege i glasnih i nasrtljivih apseničkih igara i svađa.

Fra Petar je primetio da mu Haim nikad ne prilazi za vreme tih razgovora, nego samo kad ga sretne samog. Ali se dešavalo da neki od apsenika pride, kao u prolazu, i pokuša da uzgred čuje nešto od mladićevog šapata. Tada bi Čamil odjednom začutao i kao *mesečar*, probuđen iz svog opasnog zanosa, padao u tupo ćutanje, isprekidano mehničkim i neiskrenim „da da!“, zatim se naglo i hladno oprašao beznačajnim rečima, i odlazio.

Sutradan bi se pojavio u tom istom raspoloženju, sa nejasnim *tragovima* nekih noćasnih kajanja i odluka, mučaljiv i sav u sebe povučen, sa slabina osmejkom koji sve briše i ništa ne kazuje i sa običnim rečima o posve običnim stvarima. Ali to bi trajalo kratko. U toku razgovora njegovo neraspoloženje se neprimetno i za njega i za fra-Petra, menjalo. Ne znajući kako ni otkud ni zašto, on bi se opet predavao svojoj strasti i tiho i živo, kao da se ispoveda, govorio fra-Petru o Džemu i njegovoj

Петар полагал, что сейчас не место и не время рассуждать об этом и наставлять юношу. Тем более что ему самому далеко не все было ясно и понятно. Надо дать человеку высказаться до конца. К фра Петару люди всегда и всюду подходили свободно, быстро сближались с ним и легко открывали ему душу. Он воспринимал это как нечто вполне естественное и всегда старался внимательно выслушать каждого. Так было и сейчас.

Исповедь юноши из Смирны затянулась и казалась бесконечной. Отрешившись от всего окружающего, он часами рассказывал о судьбе султана Джема, словно ему было совершенно необходимо рассказать все подробно и как можно скорее, ибо завтра, может быть, будет поздно. Он пользовался то турецким, то итальянским, забывая в спешке переводить французские и испанские цитаты, которые приводил по памяти.

Обычно разговор начинался рано утром где-нибудь под навесом, в теплой тени, которая постепенно укорачивалась, а продолжался в глухих закоулках огромного двора, где они пытались укрыться от солнечного зноя и шумных, докучливых забав и свар заключенных. Фра Петар заметил, что Хайм к нему никогда не приходит во время тех разговоров, только когда он оставался сам. Но старался, проходя мимо как и другие заключенные, услышать что-либо из шепота молодого человека. Тогда Чамил замолкал и как *лунатик*, пробужденный от своего опасного бреда, впадал в тупое молчание, прерываемое механическим и неискренним «да, да», затем вдруг холодно под незначительным поводом уходил.

На следующее утро он появлялся в том же расположении духа, хотя на лице его можно было уловить едва приметные *следы* каких-то ночных раскаяний и решений; безмолвный, замкнувшийся в себе, он подходил со слабой улыбкой, которая все скрывает, не говоря ни о чем, и произносил обычные слова об обычных вещах. Но так продолжалось недолго. В разговоре его настроение незаметно и для него и для фра Петара менялось. Сам не зная почему, он снова

sudbini.

Već trećeg dana bila je ispričana cela istorija, do tužnog i svečanog kraja, do svetlog, dostojanstvenog turbeta u Brusi, čiji su beli zidovi ispisani najlepšim surama iz Korana, kaligrafski stilizovanim u obliku čudnih cvetova i kristala. Ali tada je počelo pričanje izdvojenih prizora sa svim pojedinostima. Nizali su se Džemovi srećni i nesrećni dani, njegovi susreti i sukobi, ljubavi, mržnje i prijateljstva, pokušaji bežanja iz hrišćanskog ropstva, nade i očajanja, razmišljanja za dugih nesаница i zamršeni snovi u kratkim časovima spavanja, njegovi ponosni i gorki odgovori visokim ličnostima u Francuskoj i Italiji, gnevni monolozi u samoći i zatočenju, izgovoreni ne Čamilovim nego drugim glasom.

Bez uvoda i vidljive veze, bez vremenskog reda, mladić bi počinjao da priča neki prizor iz sredine ili sa kraja Džemovog zatočenja. Govorio je tiho, oborena pogleda, ne vodeći mnogo računa da li ga njegov sabesednik sluša i da li može da ga prati.

Fra Petar se nije pravo ni sećao kad je u stvari počela ta priča bez reda i kraja. Isto tako nije odmah ni pravo primetio trenutak, teški i odlučni trenutak, u kome je Čamil jasno i prvi put sa posrednog pričanja tuđe sudbine prešao na ton lične ispovesti i stao da govori u prvom licu. (Ja! - Teška reč, koja u očima onih pred kojima je kazana određuje naše mesto, kobno i nepromenljivo, često daleko ispred ili iza onog što mi o sebi znamo, izvan naše volje i iznad naših snaga. Strašna reč koja nas, jednom izgovorena, zauvek vezuje i poistovećuje sa svim onim što smo zamislili i rekli i sa čim nikad nismo ni pomišljali da se poistovetimo, a u stvari smo, u sebi, već odavno jedno.)

U sve većoj neodumici, sa zebnjom, žaljenjem, i teško prikrivenim nemirom, fra Petar je i dalje slušao priču. Kad bi se uveče odvojio od

отдавался своей страсти и тихо и горячо, словно исповедуясь, продолжал повествовать о Дžeme и его судьбе.

На третий день Чамил подошел к печальному и торжественному концу своего повествования, к светлой горделивой усыпальнице в Брусе, белые стены которой испещряли самые прекрасные изречения из Корана, выведенные словно узоры из чудесных цветов и хрусталя. Затем Чамил начал подробно пересказывать отдельные эпизоды. Один за другим следовали счастливые и тяжкие дни жизни Дžeme, его встречи и споры с людьми, любовь, ненависть и дружба, попытки бегства из христианского рабства, надежды и отчаяние, размышления в часы бессонницы и сумбурные видения в короткие часы сна, его гордые, горькие ответы высочайшим лицам из Франции и Италии, гневные монологи в заточении, которые Чамил произносил каким-то иным голосом, не похожим на свой.

Без всякого предисловия и заметной связи с предыдущим, нарушая временную последовательность, юноша рассказывал какой-нибудь эпизод, вырванный из середины или конца жизни Дžeme. Говорил тихо, потупясь, не обращая внимания на то, слушает ли его собеседник, успевает ли следить за рассказом.

По правде говоря, фра Петар не уловил, как началось это беспорядочное и бесконечное повествование. Так же точно он пропустил ту скорбную минуту, когда от рассказа о чужой судьбе Чамил впервые явно перешел на личную исповедь и стал говорить от первого лица.

(Я! Тяжкое слово. В глазах тех, перед кем мы его произносим, оно определяет наше место, фатальное и неизменное, зачастую совсем не соответствующее нашему представлению о себе, нашей воле и нашим силам. Страшное слово, которое, сорвавшись однажды с языка, навсегда связывает и отождествляет нас с тем, о чем мы думали, что произносили и чему внутренне давно уподобились, хотя никогда об этом не помышляли.)

С возрастающим недоумением, страхом и сочувствием, едва скрывая волнение, фра Петар продолжал слушать Чамила. Когда

Ćamila i razmišljao o njemu i njegovom slučaju (a nemoguće je bilo ne misliti na to), on bi prebacivao sebi što ga jasno i odlučno ne zustavi na putu koji očigledno ne vodi dobru, što ga ne prodrma i ne trgne iz njegove zablude. Pa ipak, kad bi se sutradan ponovo našli i kad bi mladić opet pustio maha svojim nezdravim *predstavama*, on bi ga opet slušao, sa lakom jezom i dubokim saučešćem, neprestano oklevajući da ga prekine i dozove k sebi. A i kad bi, sećajući se sinoćne odluke koju je smatrao svojom dužnošću, pokušao da skrene razgovor na drugi predmet ili da, kao slučajno, uzgrednom primedbom odvoji Ćamila koji govori od mrtvog Džem-sultana, činio je to slabo i neodlučno. Bilo mu ga je i suviše žao. Njegova urođena nesposobnost i prostosrdačnost, kojom je inače uvek mogao svakom sve da kaže, bila je kao opijena i umrtvljena upornim mladićevim pričanjem. I stvar se uvek završavala tako da bi fratar na kraju popustio i ćutke, bez odobravanja ali i bez glasnog otpora, slušao mladićev strastveni šapat. Ono što nije, što ne može i ne treba da bude bilo je jače od onog što jeste i što postoji, očigledno, stvarno i jedino moguće. A posle bi fra Petar opet prekorevao sebe što je i ovog puta popustio pred neodoljivim talasom ludila i što nije učinio veći napor da mladića vrati na put razuma. U tim trenucima osećao se kao sukrivac u tom ludilu i rešavao se da ono što je dosada propustio učini svakako već sutradan, u prvom podesnom trenutku.

To je trajalo pet-šest dana. Počinjalo je svakog jutra gotovo u isti sat, kao neka utvrđena ceremonija, i trajalo je sa dva-tri kraća prekida sve do predveče. Priča o Džem sultanu i njegovim stradanjima i podvizima izgledala je *neiscrpna*. Ali jednog jutra Ćamil se nije pojavio. Izgledao ga je, čekao i nemirno hodao po svim odeljenjima Avlije. Dvapat mu je toga dana prilazio Haim sa svojim uvek istim uznemirenim žalbama i strahovanjima o nepravdama u Smirni i o uhodama i svakojakim

вечером он оставался один и думал о юноше и о том, что с ним происходит (а не думать об этом было невозможно), он упрекал себя, что решительно не остановил его, что вовремя не встряхнул его как следует и не вывел из опасного заблуждения. И тем не менее, когда на следующий день они снова встречались и молодой человек опять отдавался во власть своих болезненных *наваждений*, он слушал его, как прежде, с легким страхом и глубоким сочувствием, не осмеливаясь прервать и вернуть к действительности. А когда, вспоминая о вчерашнем намерении, исполнить которое фра Петар считал своим долгом, он пытался перевести разговор на другую тему или будто бы случайно брошенной фразой отделить рассказчика Чамила от мертвого султана Джема, он делал это неловко и нерешительно. Он очень жалел юношу. Врожденные непосредственность и простодушие, всегда позволявшие ему открыто высказывать свои мысли, были словно скованы настойчивой исповедью молодого человека. И дело обычно кончалось тем, что монах замолкал и, не одобряя, но и не осуждая вслух, продолжал внимать страстному шепоту юноши. То, чего нет, чего не может и не должно быть, оказывалось сильнее того, что есть, что существует прямо и реально и что единственно возможно. А затем фра Петар снова укорял себя, что и на этот раз отступил перед неодолимым приступом безумия и не постарался вернуть молодого человека на разумный путь. В такие минуты он ясно ощущал себя соучастником его безумия и давал себе слово завтра же при первом удобном случае сделать то, что упустил нынче.

Так прошло дней пять или шесть. Начиналось все утром, почти в одно и то же время, словно некая вошедшая в обычай церемония, и продолжалось с двумя-тремя коротенькими перерывами до самого вечера. Рассказ о султани Джеме, о его страданиях и подвижничестве казался *бесконечным*. Но однажды утром Чамил не пришел. Фра Петар искал его, ждал, в тревоге заглядывал в самые отдаленные уголки двора. Дважды к нему подходил Хаим и снова

zamkama ovde u Proklesoj avliji. On ga je slušao rasejano. A pri tom je mislio na odsutnog Čamila.

Činilo mu se da ga vidi i čuje kako sinoć, pre rastanka, govori brzo kao da čita.

- Stojeći uspravno, u sjajnom svečanom odelu, na palubi broda koji je pristajao u Čivitavekiji i posmatrajući šarenu i protokolarno poređanu gomilu papske vojske i crkvenih dostojanstvenika, Džem je mislio živo i jasno, kako mislimo samo u časovima kad smo odvojeni od jednog boravišta a nismo stupili na drugo. Mislio je hladno o svojoj nesreći i gledao je jasno i nemilosrdno, onako kako čovek može da je sagleda samo kad je, skriven i neviđen, čuje iz tuđih usta. Eto, svuda ga dočekuju strani ljudi kao živi zid njegove tamnice. A šta može da očekuje od tih ljudi? Možda sažaljenje? To je jedino što mu ne treba i što mu nikad nije trebalo. Saučešće koje su mu ponekad pokazivali retki dobri i plemeniti ljudi za njega je samo mera njegove zle sreće i besprimemog poniženja. I za pokojnike sažaljenje je teško i uvredljivo, a kako ga je tek snositi još zdrav i svestan svega, živ gledati u oči živim ljudima, da bi u njima pročitao samo jedno: sažaljenje?

Od svega što svet ima i jeste ja sam hteo da napravim sredstvo kojim bih savladao i osvojio svet, a sada je taj svet načinio od mene svoje sredstvo.

Da, šta je Džem Džemšid? Rob, to je malo rečeno. Rob, prosti rob kog vode na lancu od trga do trga, ima još uvek nade na milost dobrog gospodara ili na otkup ili na bekstvo. A Džem milosti niti može očekivati niti bi je mogao primiti sve i kad bi neko hteo da mu je da? Otkup? Za njega ne sakupljaju otkupe, nego naprotiv, plaćaju čitava bogatstva i sa jedne i sa druge strane da bi ostao rob i sredstvo i da se ne bi otkupio. (Izuzetak je njegova majka, nepokolebljiva, divna žena,

изливал на него потоки своих старых волнений и жалоб на несправедливость смиренских властей, своих вечных подозрений и страхов перед шпионами и ловушками. Фра Петар слушал его рассеянно, думая о пропавшем Чамиле.

Ему казалось, что он видит его перед собой, как вчера, слышит, как быстро, словно читая по книге, тот говорит:

– Стоя в блестящем одеянии на палубе корабля, пристающего к Чивитавеккье, и видя на берегу пестрые, застывшие в парадном строю ряды папских солдат и высоких церковных сановников, Джем размышлял о своей судьбе с ясностью, какая возможна лишь в те часы, когда человек покончил счеты с одной жизнью и еще не начал другую. Холодно думал о своем несчастье и воспринимал его трезво, без всяких иллюзий, как будто услышал о нем из чужих уст. Повсюду встречают его чужие люди, выстроившись, словно живая стена тюрьмы. А что можно ожидать от людей? Сожаления? Но это единственное, что ему не нужно и в чем он никогда не нуждался. Соболезнование, которое пытались высказывать не часто попадавшиеся на его пути добросердечные и благородные люди, было лишь свидетельством его несчастья и беспримерного унижения. Соболезнование тяжело и оскорбительно даже для покойников, а как же выносить его здоровому, все сознающему человеку, как может живой глядеть в глаза живых и читать в них лишь одно – жалость?

Из всего, что есть в мире и что представляет собою мир, я хотел создать средство, при помощи которого я бы мог захватить и победить мир, а вышло наоборот – мир сделал меня своим орудием. И что же такое в конце концов Джем Джемшид? Раб, но не только раб. У обычного раба, которого водят на цепи с рынка на рынок, все же еще остается надежда на доброго хозяина, на выкуп или на бегство. А Джем не откуда ожидать милости, да он и не смог бы ее принять, даже если бы кто-либо отважился ему ее оказать. Выкуп? Кому нужно его выкупать? Наоборот, и одна и другая сторона платят целые состояния, чтобы он остался рабом и не мог

stvorenje nad stvorenjima, ali ona svojim nemoćnim naporima samo uvećava *teret* njegovog poniženja.) Bekstvo? Teško beži i bezimni rob iz lanaca, ali kad beži, on uvek ima malo nade da će zavarati gonioce i da će se dokopati nekog svog sveta u kom će moći živeti kao slobodan i bezimen čovek među slobodnim i bezimenim ljudima. A za njega ne postoji mogućnost bekstva. Vaskoliki obitavani i poznati svet, podeljen na dva tabora, turski i hrišćanski, nema za njega pribežišta. Jer, tamo ili ovde, on može biti samo jedno: sultan. Pobednički ili poražen, živ ili mrtav. Zato je on rob za kog nema više bežanja, ni u mislima ni u snovima. To je put i nada manjih i srećnijih od njega. A on je osuđen da bude sultan, zarobljen ovde ili živ u Stambolu ili mrtav pod zemljom, ali uvek i samo sultan, i jedino u tom pravcu bi mogao biti njegov spas. Sultan, i ništa za dlaku manje, jer bi to značilo isto što i ne biti, ni za dlaku više jer više od toga nema. To je ropstvo od kog bežanja nema ni posle smrti.

Brod je udario tupo bokobranom o kamenu obalu. Tišina je bila tolika da se i to čulo i kao laka jeka prošlo obalom sa koje su svi, od kardinala do konjušara, netremice posmatrali stasitog čoveka sa belim, zlatom izvezenim visokim kaukom na glavi, kako izdvojen, na tri koraka ispred svoje pratnje stoji kao kip. I nikog nije bilo ko u njemu nije video sultana i ko nije uviđao da taj čovek ne može drugo biti, iako zbog toga propada.

Dok je to pričao Čamil se i sam digao. (Da ne bi dopustio da ga stražari ugone u sobu kao i ostale, on je obično sam polazio, nešto malo pre određenog vremena.) Posle uobičajenog krotkog pozdrava, nestao je u jednom od zavijutaka Proklete avlije, na kojoj se po zabačenim uglovima već hvatale prve senke sumraka.

откупиться. (Исключение составляет лишь мать, непокорившаяся, чудесная женщина высокой души, но ее бессильные попытки только увеличивают *тяжесть* его унижения.) Бегство? И простому рабу трудно порвать свои цепи, но, убегая, он всегда хоть капельку надеется, что сумеет перехитрить преследователей и доберется до своих соплеменников, где будет жить, как свободный и простой человек среди свободных и простых людей. А для него, Джема Джемшида, не существует и этой возможности. Весь обитаемый мир разделен на два лагеря – турецкий и христианский, и в обоих для него нет убежища. И там и здесь он может быть лишь султаном. Победитель или побежденный, живой или мертвый. Поэтому он раб, который не может даже во сне мечтать о побеге. Это путь и упование для менее великих и более счастливых, чем он. А он осужден быть султаном – пленным здесь, живым в Стамбуле или мертвым в земле, но всегда и везде только султаном, и только на этом пути его может ждать спасение. Султан – и ни на волос меньше, ибо иначе это уже не султан, и ни на волос больше, ибо большего не бывает. Это неизбывное рабство, от которого не спасет и сама смерть.

Корабль ударился кранцем о пристань. Было так тихо, что этот звук легким эхом пролетел над берегом, где все, от кардинала до конюха, не мигая смотрели на высокого человека в белой, расшитой золотом чалме, который стоял, словно статуя, впереди своей свиты, застывшей в трех шагах от него. И не было ни одного человека, кто бы не видел в нем султана и кто бы не понимал, что ничем иным этот человек не может быть, хотя именно поэтому он и обречен на гибель.

Говоря это, Чамил и сам поднялся. (Он не допускал, чтобы стражники загоняли его в камеру, как остальных заключенных, и обычно уходил туда немного раньше назначенного часа.) Как всегда, смиренно поклонившись, он исчез в одном из закоулков Проклятого двора, который окутывали первые тени сумерек.

Mladić se nije pojavio ni drugog, ni trećeg dana. A oko podne došao je Haim i, bacajući oprezno ispitivačke poglede svuda oko sebe, rekao da se sa Čamilom "desilo nešto što ne valja". Više od toga nije čak ni on umeo da kaže.

Tek dva dana *docnije* Haim, koji za to vreme nije mirovao, došao je sa već sklopljenom pričom o Čamilovom nestanku.

Prvo je, smrknut i oborene glave, obilazio prostor oko fra-Petra u širokim pa sve užim i užim krugovima i elipsama, bacaо ispod oka poglede oko sebe, trudeći se očigledno da svom razgovoru da izgled slučajnog *susreta* u prolazu i, naravno, ne sluteći koliko su te njegove "mere predostrožnosti" uzaludne i providne. Kad se primaknuo blizu, upitao je prigušeno:

- Jesu li vas saslušavali?

- Nisu - odgovorio je glasno fra Petar, kom su Haimove "mere" počele da bivaju dosadne.

Ali nadajući se da je Haim saznao nešto o Čamilu, ponovi odmah blaže:

- Nisu. A šta ima?

Tada je Haim počeo da priča. Iz početka se još držao kao čovek koji je zastao u prolazu, slučajno, i koji će odmah krenuti dalje, i bacaо kratke poglede oko sebe, ali se malo-pomalo sve više zaboravljao i govorio sve življe, ne podižući glas.

U tom što je kazivao bilo je doduše pojedinih nejasnih i neobjašnjivih mesta, ali zato su neka druga bila ispričana sa takvim i tolikim pojedinostima kao da ih je svojim očima gledao. Haim je sve znao, i video i ono što se nije moglo videti.

Kad se Čamil sa prvim sumrakom povukao u svoju ćeliju, koju je *čuvar* za njim zaključao, bilo je još vidno u prostranoj sobi. U dva svetla, pokrivena sahana hladila se već postavljena večera kakvu drugi apsenici nisu dobijali. Sve je bilo kao i svako veče. Šetnja iz ugla u ugao i očekivanje sna za koji se zna da neće doći. Malo-pomalo umukli su i poslednji šumovi dole u avliji. Mrak je progutao bele zidove i predmete i

Юноша не появлялся два дня, а на третий день около полудня к фра Петару подошел Хаим и, бросая вокруг пугливые, испытующие взгляды, сказал, что с Чамилом «случилось неладное». Ничего больше даже он сказать не мог.

Лишь *спустя* два дня тот же Хаим, который все это время где-то сновал, принес уже готовый рассказ об исчезновении Чамила.

Сначала, низко опустив голову и нахмурясь, он описывал около фра Петара широкие, но все более сужавшиеся крути и эллипсы, исподлобья поглядывая по сторонам и стараясь, очевидно, чтобы их *встреча* выглядела случайной, но при этом, конечно, и не подозревая, насколько его «меры предосторожности» прозрачны и бесполезны. Подойдя, наконец, к монаху вплотную, он тихонько спросил:

– Вас допрашивали?

– Нет, – громко ответил фра Петар, которого все больше раздражала подозрительность Хаима.

Однако, надеясь, что Хаим разведал что-нибудь о Чамиле, сразу повторил более мягко:

– Нет. А что?

Тогда Хаим начал рассказывать. Сперва он держался так, словно остановился мимоходом, на минутку, и тотчас же двинется дальше, то и дело тревожно поглядывая по сторонам, но мало-помалу забылся и, не повышая голоса, заговорил оживленнее.

Некоторые места в его рассказе были, конечно, туманны и необъяснимы, но зато другие изобиловали такими подробностями, как будто Хаим был очевидцем событий. Он знал и видел даже то, что невозможно увидеть.

Когда Чамил в ранних сумерках вошел в свою просторную камеру, которую *стражник* сразу же за ним запер, там еще было достаточно светло. В двух начищенных до блеска медных мисках с крышками стыл ужин, о каком другие заключенные и мечтать не могли. Все было так же, как обычно по вечерам. Чамил принялся ходить из угла в угол в тщетном ожидании сна, который, он это

stegao ćeliju oko budnog čoveka. Stvarao se nov, moćni svet i u njemu su stali da se javljaju sitni, nestvarni glasovi i blesci od igre sluha u tami i nesanicu. U jednom takvom trenutku, on sam nije znao u kom, čulo se kao da spolja ključ traži i nalazi *ključaonicu*. Ali to nije bila više varka sluha. Vrata su se stvamo otvorila i slaba svetlost se pojavila na njima. U sobu su bez šuma ušla dva tamna čoveka. Iza njih je momak nosio malu uljanicu. On je odmah stao sa strane, podigao lampu, i ostao tako nepomičan.

Svetlost se rasporedila po svima. Jedan od one dvojice bio je ugojen; sve je na njemu bilo oblo i mekano: njegov spoljni izgled, glas i pokreti. A drugi je bio mršav, sav kost i mišić u mrkoj koži, velikih očiju zaklonjenih senkom i krupnih, strahovitih šaka koje su iskakale na svetlosti. Izgledali su kao dva lica dvolične sultanske pravde. Samo prvi je nazvao učtivo (jezivom učtivošću) dobro veče. I počelo je. Opasno mekim glasom debeli činovnik je rekao da je prvo saslušanje bilo više formalne prirode i da su i odgovori bili takvi. Ali na tom, naravno, ne može ostati.

- Potrebno je, Ćamil efendija, da nam najposle kažete za koga ste sakupljali podatke o Džem-sultanu i do u sitnice razrađivali način na koji se ostvaruje plan o buni protiv zakonitog sultana i halife i kako se pronalaze sredstva i putevi za otimanje prestola pomoću neprijatelja iz inostranstva.

- Za koga? - jeknuo je tiho mladić, već sav u stavu odbrane.

- Da, za koga?

- Za sebe, ni za kog drugog. Proučavao sam ono što je poznato u našim istorijama. Udubio sam se ...

- A kako to da od tolikih predmeta o kojima pišu knjige i nauka vi odaberete baš taj?

отлично знал, не придет и нынче. Мало-помалу затихли последние звуки во дворе. Мрак поглотил белые стены и предметы, камера стеснилась вокруг него, Чамил не спал. В новом, ночном мире начали возникать едва заметные звуки и отблески – игра обостренного слуха и зрения, когда сна нет и нет. В какую-то минуту, он сам не знал точно когда, ему почудилось, будто кто-то пытается попасть ключом в *замочную скважину*. Но это уже не был обман слуха. Дверь в самом деле бесшумно отворилась, и в ней затрепетал слабый свет. В комнату бесшумно вошли два человека. За ними появился слуга с фонарем. Он сразу же отошел в сторону, поднял фонарь и замер в неподвижности.

Свет разлился по сторонам. Один из вошедших был толст, все в нем казалось круглым и мягким: внешность, голос, движения. Другой – тощий, одни кости, обтянутые смуглой кожей. У него были большие, глубоко посаженные глаза и огромные страшные руки, которые выделялись на свету. Пришельцы казались воплощением двуликой султанской справедливости. Только первый из них учтиво (от этой учтивости бросало в дрожь) поздоровался. И началось. Подозрительно мягким голосом толстый чиновник заявил, что предварительный допрос носил скорее формальный характер и что, естественно, в том же духе были и ответы. Но на этом, конечно, дело кончиться не может.

– Пора вам наконец, Чамил-эфенди, признаться, для кого вы собирали сведения о султани Дžeme, разрабатывали подробный план восстания против законного султана и халифа и как изыскивали средства и пути для завоевания престола с помощью иностранных врагов?

– Для кого? – тихо повторил юноша, очевидно, готовясь защищаться.

– Да, для кого?

– Для себя, и ни для кого иного. Я изучал лишь то, что известно из нашей истории. Углубился...

– Почему же из множества вопросов, о которых пишут в книгах и

Ćutanje.

(Haим je bio već zaboravio na svoj oprez i govorio živo, uz nemirnu mimiku lica i pokrete ruku.)

- Slušajte - nastavio je mirno i preterano svečano debeli činovnik - vi ste pametan i školovan čovek iz ugledne kuće. Vidite i sami da ste se u nezgodnu stvar upleli - ili vas je neko upleo. Vi znate da i danas, kao i onda, sedi na prestolu sultan i halifa (neka mu bog podari dug život i svaki uspeh!) i da to nije dobar predmet ni za razmišljanje, a kamoli za proučavanje, pisanje, i razgovore. Vi znate da reč ni kad je u najdubljoj šumi izgovorena ne ostaje na mestu, a pogotovu kad se napiše ili čak i drugima kaže, kao što ste vi po Smirni pisali i govorili. Nego objasnite nam stvar i kažite sve. Biće lakše za nas i bolje za vas.

- Sve, što vi govorite *nema veze* sa mnom ni sa mojim mislima.

Mladićev glas je zvučao iskreno, sa prizvukom ogorčenja. Činovnik je tada napustio svoj svečano otmen stav i uzeo ton koji je za njega bio mnogo prirodniji:

- Čekajte malo! Ne može biti da nema veze. Sve ima veze sa svim. Vi ste čovek učen, ali ni mi nismo potpune neznalice. Ne preduzima se toliki posao slučajno ni bez nekog cilja.

Govorio je uvek samo onaj debeli. A Čamil je sve više razmišljao o onom što čuje od ovog činovnika, i odgovarao nejasno, samo kao jeka.

- Cilja. Kakvog cilja?

- Pa baš to bismo i hteli da od vas čujemo.

Mladić ne odgovori ništa. Misleći da ga je pokolebao, debeli čovek nastavi samouvereno rastežući slogove.

- Dakle, molim vas!

которыми занимается наука, вы выбрали именно этот?

Молчание.

(Хаим уже позабыл всякую осторожность и говорил оживленно, сопровождая слова мимикой и жестами.)

– Послушайте, – спокойно и с нарочитой торжественностью продолжал толстый чиновник, – вы умный и образованный человек, из почтенной семьи. Вы же сами видите, что впутались или кто-то вас впутал в очень нехорошее дело. Вам известно, что султан и халиф и ныне восседает на престоле (продли, боже, его век и даруй ему всякие успехи), и вы избрали совсем неподходящий предмет для размышлений, а тем более для изучения, сочинительства и разговоров. Вам известно, что слово, произнесенное даже в дремучем лесу, не пропадает бесследно, не говоря уже о слове, написанном или сказанном. Вы в Смирне и писали и говорили. Объясните нам, в чем дело, признайтесь откровенно. Так будет легче для нас и лучше для вас.

– То, о чем вы говорите, *не имеет никакого отношения* ко мне и к моим мыслям.

Голос юноши звучал искренне, с едва заметным раздражением.

Тогда чиновник оставил свой торжественно-учтивый стиль и заговорил другим тоном, который был для него гораздо естественней.

– Погодите! Не может быть, чтобы не имело никакого отношения. Все со всем как-то связано. Вы человек образованный, но и мы не лыком шиты. Никто не возьмется за такое дело без определенной цели.

Говорил только тот, толстый. Чамил, обдумывая про себя его слова, отвечал как-то туманно, словно эхо.

– Цели? Какой цели?

– Вот это как раз мы и хотели бы от вас услышать.

Юноша ничего не ответил. Думая, что он колеблется, толстый чиновник снова заговорил, самоуверенно и властно:

– Итак, пожалуйста. Мы ждем!

To je bilo rečeno još tvrđe i suvlje, na neki nov način, sa prizvukom nestrpljenja i pretnje.

Mladić je bacaо poglede u tamne uglove oko sebe kao da iza kruga ove slabe svetlosti traži nekog za svedoka. Mislio je kako da kaže jednu jedinu reč ili rečenicu koja bi razbila ovaj glupi nesporazum, sve objasnila i dokazala da tu nema cilja i da on o svemu tome niti treba niti može da polaže računa, ponajmanje u ovaj čas, ovde i ovako. Mislio je da to i govori, a ćutao je. Ali su govorila oba činovnika (sad je progovorio i onaj mršavi), brzo, upomo, naizmenično.

- Govorite!

- Kažite, biće i za vas bolje i - jednostavnije.

- Recite sve, kad ste počeli.

- Dakle, sa kojim ciljem i za čiji račun?

Zasuli su ga pitanjima. Mladić je žmirkao od svetlosti i jednako bacaо nemirne poglede u tamne uglove. Teško se snalazio, ne uspevaјуći da dobro razabere i odvoji pitanja. Ali odjednom primeti da mu je onaj mršavi prišao bliže, da je povisio ton i da mu govori ti.

- Ajde, ajde, govori!

Sva se njegova pažnja zaustavi na tom. Oseti se osramoćen, unazađen, oslabljen i još manje sposoban da se brani. Krivica i nesreća i nisu u nekom njegovom "cilju", nego u tom da čoveka dovedu (ili da se sam dovede) u položaj da ga o tom ispituju, i još ovakvi ljudi - hteo je da kaže. I mislio je da to govori, a ćutao je.

Tako je to išlo i trajalo dugo. Negde u toku te noći izvan vremena koje sunce odmerava svojim izlascima i zalascima i izvan svih ljudskih odnosa, Čamil je priznaо otvoreno i gordo da je istovetan sa Džem-sultanom to jest sa čovekom koji je, nesrećan kao niko, došao u tesnac bez izlaza, a koji nije hteo, nije mogao da se odreče sebe, da ne bude ono što je.

- Ja sam to! - rekao je još jednom tihim ali tvrdim glasom kojim se

Это было сказано сухо и решительно, с едва скрываемым нетерпением и угрозой.

Юноша бросал взгляды по сторонам, вглядываясь в темные углы, словно за пределами освещенного пространства искал свидетеля. Он думал над тем единственным словом или фразой, которые разрушили бы это глупое недоразумение, все объяснили им, доказали, что у него нет никакой цели и что в своих занятиях он не может и не обязан давать отчет, тем более в такой час и при таких обстоятельствах. Ему казалось, что он говорит, но на деле он молчал. Зато говорили оба чиновника (теперь открыл рот и тощий), говорили быстро, настойчиво, сменяя один другого:

– Говорите!

– Признавайтесь, для вас же будет лучше и проще.

– Говорите, раз уже начали.

– Итак, с какой целью и в чьих интересах?

Они засыпали его вопросами. Юноша жмурился от света и по-прежнему беспокойно поглядывал в темные углы. Он медленно собирался с мыслями, не успевая толком понять и расчлнить вопросы. Но вдруг тощий подошел к нему ближе, повысил голос и уже обратился к нему на «ты»:

– А ну, давай говори!

На этом и сосредоточилось теперь внимание Чамила. Он почувствовал себя оскорбленным, униженным, ослабевшим и совсем неспособным к защите. Вина его и несчастье заключались не в какой-то «цели», а в том, что его поставили (или он сам себя поставил) в такое положение, когда его смеют об этом допрашивать, да еще подобные люди – хотел он сказать. И думал, что говорит, а сам молчал.

Так продолжалось довольно долго. Но в какую-то минуту этой глухой ночи за пределами времени, которое солнце отмеряет восходами и заходами, за пределами человеческих отношений, Чамил открыто и гордо признал, что он – то же, что и султан Джем, то есть несчастный человек, который, попав в безвыходное

kazuju presudna priznanja i spustio se na stolicu.

Debeli činovnik je ustuknuo naglim, nehоти́чим pokretom, i začuоtao. Ali onaj mršavi kao da nije osetio ništa od tog sveštenog užasa pred čovекom koji se očigledno izgubio i tako se zauvek stavio izvan sveta i njegovih zakona. U svojoj tupoj i kratkovidnoj revnosti mršavi policajac se polakomio da iskoristi slobodno polje koje mu je njegov pametniji друг ostavio. Postavljao je nova pitanja, sa namerom da izvuče iz mladića priznanje da je u Smirni ipak postojala neka *zavera*.

Sedeći na niskoj stolici bez naslona, Čamil je izgledao iscrpen i sav utonuo u себе. Mršavi činovnik je obigravao oko njega i unosio mu se u lice. Njemu se činilo sada da je pred njim telo bez volje i svesti sa kojim može da čini šta hoće. To ga je izazivalo i zavorodilo da je postajao sve nestrpljiviji i bezobzirniji. U jednom trenutku on je položio, izgleda, jednu od one dve strašne šake na Čamilovo rame. A mladić ga je, ogorčen i zgađen valjda tom uvredljivom intimnošću, oštro odgurnuo. Tada se u tren oka razvila prava tuča. Umešao se i drugi policajac. Čamil se i branio i napadao snagom i žestinom koju niko nije mogao očekivati. U gužvi je oboren i momak zajedno sa svetiljkom koju je držao. A kad je uspeo da se izvuče iz ludog klupka od ruku, nogu i udaraca, on je istrčao napolje i, dok se u ćeliji vodila borba u mraku, uzbunio ceo čardak. (Od tog momka i od probuđenih apsenika i saznalo se u Avliji za noćni prizor sa mladićem iz Smirne, a što se u Avliji prošapće to odmah dozna Haim.)

Iste noći Čamila su izneli na jedan od kapidžika Proklete avlije.

Ako je živ, verovatno su ga preneli u Timarhanu, kraj Sulejmanije, gde

положение, не желает и не может отречься от себя и не быть тем, что он есть.

– Я – это он! – сказал он раз тихим, но твердым голосом, каким произносят решающее признание, и опустил на скамейку.

Толстый чиновник невольно отпрянул от него и замолчал. Но тощий словно бы не ощутил священного ужаса при виде человека, который так явно сбился с пути истинного и навсегда поставил себя вне мира и его законов. Преисполнившись слепого усердия, тощий полицейский решил воспользоваться свободой, которую предоставил ему своим молчанием более умный товарищ. Он задавал новые и новые вопросы, намереваясь вытянуть из юноши признание, что в Смирне существовал какой-то *заговор*.

Чамил сидел на низенькой скамеечке, целиком уйдя в себя; выглядел он совершенно изможденным. Тощий приплясывал вокруг него и кричал ему прямо в лицо. Ему казалось, что перед ним тело, лишённое воли и сознания, с которым он может делать что угодно. Это разжигало в нем злобу, он становился нетерпеливее и бесцеремонней. И тут-то он, вероятно, положил одну из своих лапищ на плечо Чамила. Юноша, уязвленный этой оскорбительной фамильярностью, резко оттолкнул его. И в мгновение ока завязалась драка. Вмешался и второй полицейский. Чамил оборонялся и нападал с такой силой и ожесточением, каких от него никто не мог ожидать. В свалке был сбит с ног и слуга с фонарем. А когда ему удалось вырваться из этого клубка рук, ног и ударов, он выскочил из камеры и, пока там в полной темноте продолжалась схватка, поднял во Дворе тревогу. (От этого слуги и разбуженных заключенных и стало известно о том, что произошло ночью с юношей из Смирны, а то, о чем шептались во Дворе, немедленно становилось известно Хаиму.) В ту же ночь Чамила вынесли в одни из ворот Проклятого двора.

«Живого или мертвого? Куда его понесли?» – возбужденно думал фра Петар. А Хаим уже отвечал и на эти вопросы.

Если он жив, то, вероятно, в Тимар-хане, около Сулеймании, где

se zatvaraju duševno oboleli. Tu će, među ludacima, njegova pričanja o sebi kao nasledniku prestola biti ono što su sve reči i razgovori ludaka, bezopasna bolesnička maštanja na koja se niko ne osvrće. A takav poremećen i bolestan čovek, uostalom, i ne živi dugo nego nestaje lako i brzo sa sveta, zajedno sa svojim nezdravim maštanjima, a da niko o tom nikom ne mora da polaže računa.

Međutim, ako je *sukob* bio teži i ako je mladić u svom otporu i u svojoj borbi sa dvojicom otišao daleko i ranio nekog od njih (a izgleda da je tako, jer su posle morali da peru sobu od krvavih tragova), onda je moguće da su carski ljudi otišli još dalje, jer udarci se ovde ne mere i lako idu preko onog što je potrebno. U tom slučaju nesrećni Tahir-pašin sin već je u grobu. A takav grob, sa belim kamenom bez natpisa, ne govori ni o čemu, pa ni o carevima ni njihovim sporovima i borbama sa suparnicima.

Tek kad je ispričao sve do kraja, Haim se opet prisetio "opasnosti" koje ga okružuju i bez opraštanja, bacajući oko sebe ispitivačke poglede, otišao dalje, trudeći se da izgleda kao čovek koji bez cilja šeta po prostranoj avliji.

Fra Petar je stezao zube od nekog gorkog gneva na svoju sudbinu, na sve oko sebe, pa čak i na ovog nevinog Haima i njegovu većitu potrebu da sve saznaje, prenosi i raspreda do u tančine. Stajao je jednako u mestu i brisao ostudeneo znoj sa čela. Gledajući sa nesnalženjem sivu, utabanu zemlju i bele zidove pred sobom kao da ih prvi put vidi, oseti kako mu celim telom ide hladan i tanak talas straha. Da ga ne stanu ispitivati zbog razgovora sa Čamilom i da ga tako i po drugi put ne uvuku nevina u besmisleni istragu. Istina je da je ovaj Haim poremećen čovek i da vidi opasnosti i gde ih nema, ali sve može biti.

Brzo zatim tu pomisao potisnu druga: šta se moglo desiti sa Čamilom? Sad ga opet neka bolna *vrelina* ispuni svega. Teško sažaljenje koje se ne da podnositi ovako u nepomičnosti i potpunoj neizvesnosti.

содержат душевнобольных. Там, среди сумасшедших, его рассказы о себе как о наследнике престола ничем не будут отличаться от обычной болтовни безумных, от их безопасного бреда, на который никто не обращает внимания. Впрочем, такой болезненный человек и не протянет долго, он быстро и незаметно уйдет из этого мира вместе со своими фантастическими идеями, и ни с кого никогда за это не спросят.

Но если *схватка* оказалась в самом деле серьезной и юноша, сражаясь с двумя полицейскими, зашел далеко и, обороняясь, ранил кого-либо из них (а очевидно, так и случилось, ибо утром в камере смывали с пола пятна крови), тогда, по всей вероятности, слуги султана пошли дальше, ибо удары здесь никто не считает и силу их не измеряет. В таком случае несчастный сын Тахир-паши уже в могиле. А могила с белым камнем без надписи не говорит ни о чем: ни о царях, ни об их распрах, ни о борьбе с соперниками.

Только рассказав все это, Хаим снова вспомнил об угрожающих ему «опасностях» и, не простившись, бросая по сторонам подозрительные взгляды, поспешил прочь, стараясь принять вид человека, бесцельно шатающегося по огромному Двору.

Фра Петар стиснул зубы от горького гнева на свою судьбу, на все вокруг, даже на невинного Хаима с его вечной потребностью разведывать, вынюхивать и докапываться до мелочей. Он неподвижно стоял на месте и вытирал со лба холодный пот. В растерянности он глядел на серую, вытопанную землю и белые стены, словно видел их впервые, и вдруг почувствовал, как целое его существо захлестнула холодная волна страха: а что, если его начнут теперь допрашивать из-за разговоров с Чамилом и, таким образом, во второй раз без вины виноватого втянут в бессмысленное следствие? Конечно, Хаим человек тронутый и видит опасность даже там, где ее нет, но ведь все может быть.

Однако эту мысль сразу же вытеснила другая: какова участь Чамила? Снова его бросило в *жар*. Сочувствие к другому становится невыносимым, когда ты ничего не можешь ни сделать,

Oseti silnu potrebu da promeni mesto, da vidi i čuje druge ljude, koji su daleko od ovih zamršenih, tamnih priča iz Smirne; da vidi ljude, ma kakvi bili, samo da su izvan ove bezumne mreže koju pletu, zatežu i mrse između sebe bolesnici sišli s uma i carski policajci bez duše i pameti, a u koju se i on ni kriv ni dužan, evo, našao upleten.

Krenuo je niz avliju put zaklonjenih uglova i senki, gde su, u svađi, igri ili šalama, grajale rasturene gomile apsenika.

Posle dva-tri dana bilo je jasno da ga neće ispitivati zbog dugih razgovora sa Čamilom. Znači da je sve svršeno i - *pokopano*. Nestalo je straha i iščekivanja, ali nije bilo ni lepše ni lakše. Naprotiv. Počelo je vreme bez Čamila. Ne zaboravlja ga, ali oseća u sebi da mu se više ne nada.

Još je prava letnja vrelina. U Avliji sve kao i uvek. Jedne puštaju, drugi dolaze na njihovo mesto, a to se i ne primećuje. Svi su sporedni i nevažni. Avlija živi sama za sebe, sa stotinu promena, i uvek ista.

Svakog jutra okupljaju se u senci isti ili slični živi krugovi apsenika. Fra Petar zastane kod prvog, "komšijskog" kruga. Tu je sve isto. Zaim se ženi i razvodi još uvek sve sa novim nežnim ženama, i uvek ga jedni grubo uteruju u laž a drugi slušaju. On je bleđ, zelenkast i crn u licu, kao da boluje od žutice. A pogled mu, bez veze sa onim što govori, luta, jadan i lud od straha i skrivene pomisli na kaznu koja ga čeka, ako mu se dokaže ono za što ga optužuju.

I ostali pričaju o ženama, samo na drugi način. Najviše se čuje onaj atletske razvijeni čovek sa promuklim basovskim glasom. Ali on je za trenutak ućutkan i sluša zajedno sa ostalima kako postariji momar priča

ни даже узнать. Фра Петар вдруг почувствовал непреодолимую потребность уйти отсюда, увидеть и услышать других людей, не имеющих ничего общего с путаными, темными рассказами юноши из Смирны; увидеть каких угодно людей, лишь бы они были по ту сторону страшной сети, которую плетут несчастные безумцы и затягивают все ту же царские полицейские, люди без души и совести, и в которую, сам того не ведая, угодил и он.

Фра Петар зашагал по двору, мимо темных закоулков и жалких клочков тени, где, рассыпавшись на кучки, ссорились, играли или развлекались заключенные.

VIII

Через два-три дня стало ясно, что никто не собирается допрашивать его из-за бесед с Чамилом. Значит, *кончено*. Исчезло ощущение страха и постоянного ожидания, но от этого не стало ни лучше, ни легче. Наоборот. Началась жизнь без Чамила. Не забывает его фра Петар, однако чувствует, что не дожидаться ему друга.

Стоит настоящий летний зной. Во Дворе все по-старому. Одних выпускают, других приводят на их место, но это происходит почти незаметно, да и не в этом дело. Двор живет сам по себе, постоянно меняясь и вечно оставаясь неизменным.

Каждое утро в холодке собираются те же самые или подобные им группы заключенных. Фра Петар останавливается возле ближайшего кружка. Все то же, что и раньше. Заим женится и разводится с какими-то новыми женщинами, и опять одни грубо уличают его во лжи, а другие слушают. Он бледен, лицо у него темное, с зеленоватым отливом, как у больного желтухой. И где-то далеко-далеко блуждает взгляд этого жалкого человека, обезумевшего от страха перед приговором, который будет вынесен ему, если обвинение подтвердится.

И другие говорят о женщинах, только по-иному. Чаще слышен глуховатый бас атлета. Но вот на мгновение и он замолкает и слушает вместе с остальными, как пожилой матрос рассказывает о

o mladoj Grkinji koja je posluživala u njihovoj krčmi.

- Krupnijeg i čvršćeg ženska nisam video. Galiya. Nosi grudi pred sobom kao dva jastuka. Kreću se za njom one dve puste polutine; samo melju. Svak pruža ruku i hvata gde može i koliko može. Ona se brani, brani je i gazda, onaj *krezubi* Grk, ali ko će mornarima vezati ruke. Malo-malo pa uštinu. I najposle, morala je napustiti službu. Tako bar gazda kaže. A nije, nego je on, lisac, sklonio u svoju kuću i čuva za sebe. Grde ga momari i uzdišu: "Ih, šteta, onakva žena, kô plast!" - Kô plast, kô plast!" kaže Grk više za sebe. "Ali da je onako produžio, da štipa ko stigne, šta bi bilo? Slamka po slamka, i plast bi razneli. *Mangupi!*" - Ih, - buni se promukli bas. - Ih, ih, kakvi ste! Samo o tim kafanskim droljama umete da govorite! I samo o gadnim stvarima! Ih!

Nastaje objašnjavanje, iz kog bas izlazi kao pobednik: svi ućutkavaju mornara i traže da bas nastavi neku priču koju je ranije bio započeo. I on nastavlja da priča nešto uzbudljivo i nejasno o nekoj ženi izuzetne lepote, rodom iz Gruzije, koja je ovde u Stambolu čuda počinila i mlada umrla.

- To je takav soj ljudi. Njena baba je bila lepotica na glasu. Ceo Tiflis je poludeo za njom. Jeste. Sklonili su je kod rođaka u jedan zaselak, podalje od Tiflisa. I po njoj se taj zaselak i danas zove "Sedam nosila", a pre toga se zvao drukčije, ne znam kako. Jer zbog nje i njene lepote palo je za pola sata sedam mrtvih glava oko njene kuće. Pobili se prosci i otmičari. Tri se porodice u crno zavile. A ona umrla od žalosti. Nije venula polako, nego kao mrazom pokošena. Prekonoć. Ali ni umirući nije htela da kaže koga je ona volela, ni da li je taj dotični jedan od onih poginulih ili je među živima. Eto, od te svoje babe nasledila je lepotu, stas, oči...

- Jeste - kaže neko iz kruga - to se zna da Gruzijanke imaju divne oči.

молодой гречанке, которая служила у них в трактире.

– Выше и крепче бабы я не видел. Баркас! Груды ровно две подушки, а сзади покачиваются два увесистых окорока – так и колышутся. Каждый тянет руку, чтобы ухватить где сумеет. Она отбивается, защищает ее и хозяин, *гнилозубый* грек, но разве матросам свяжешь руки! Хоть легонько, да ушипнут. Потом она не выдержала – бросила эту работу. Так, во всяком случае, сказал хозяин. Да небось, старая лиса, запрятал ее в доме – для себя приберег. Ругают его моряки, вздыхают: «Эх, жаль, такая баба была! Прямо копна!» – «Как же, копна! – говорит грек будто сам с собой. – А не положи я этому конец, да каждый бы щипал, что бы от нее осталось? Соломинку за соломинкой и копну бы разнесли. *Шалонау!*» – Эх, – негодует глухой бас. – Эх, эх! Ну что за люди! Только о трактирных шлюхах и можете говорить! Да еще одни гадости! Эх вы!

Начинается перебранка, из которой бас выходит победителем: все шикают на матроса и просят, чтобы бас продолжал свой рассказ. И он вновь говорит что-то волнуемое и непонятное о женщине редкой красоты, родом из Грузии, которая здесь, в Стамбуле, натворила всяческих чудес и умерла совсем молодой.

– Это уж такая порода. Ее бабка была известная красавица. Весь Тифлис сходил по ней с ума. Да. Спрятали ее у родственников в селе подальше от Тифлиса. С той поры это село называется Семь Гробов, а раньше звали по-другому, не знаю как. Это потому, что из-за ее красоты за полчаса сложили головы семь человек, прямо перед ее домом. Подрались между собой те, что сватались, и те, что хотели ее умыкнуть. Три семьи недели траур. А она умерла от горя. Не то чтоб медленно увяла, а сразу, будто морозом прибило. В одну ночь. Но и умирая не захотела сказать, кого она любила и где он – среди погибших или живых. Вот от той своей бабки и наследовала она и красоту, и стан, и глаза...

– Да, – заметил кто-то из круга, – известно, что у грузинок чудные глаза.

- Šta se zna? Otkud se zna? Šta znaš ti, slepac, o tim poslovima?
- Što da ne zna? Kao da si ti sam na svetu! - bune se neki glasovi.
- Ne prekidajte čoveka, nek priča! - traže drugi.
- Pričaj ti, adešu, i ne osvrći se na kojekoga.

Krupni čovek, krupna glasa, sa gnevним pokretom ruke i sa grimasom gnušanja na licu, odbija.

- Mrzi me, more, da govorim. Šta vredi pričati ovome slepom *kučetu*?

Ali svi navaljuju i na kraju ga, kao uvek, nekako umiruju, tako da nastavlja priču o ženi iz Gruzije i njenim očima, još uvek kivan.

- I kad mi ko ovako kaže "Imala je divne oči", meni se lepo smrkne. Kakve oči, ćorav ti hodio! Kad pogledaš ta dva oka, ti i ne pomišljaš na ova dva vidjela što svaki od nas nosi u glavi, nego na dva nebeska polja od sunca i meseca senovita. Kakvih zvezda i oblaka, kakvih čuda ima na ta dva polja! Jadan adešu! Gledaš, i kameniš se i topiš se. Nema te! Zar to samo „dva oka“?! I ona, *dabogme*, gledaju, ali to je najmanje, to im je poslednje. Oči! Šta je ovo malo očiju u glavi što nosimo i što nam pokazuju da potrefimo u vrata i da ne pronesemo kašiku mimo usta? A šta su ona dva čuda nebeska? Tu poređenja nema. To se jednom desilo na ovoj zemlji: jednom pa nikad više. I bolje je. Manje muke i žalosti. Takve oči ne bi trebalo da umiru kao i ostale, ili ne bi trebalo da se rađaju na ovaj svet.

Čovek odjednom začutao. Izdao ga glas. Iz kruga nije bilo reči ni primedbi. To je trajalo trenutak. A onda je opet nastala neka prepirka i smeh i zbrkan žamor izukrštanih glasova i sočnih psovski. Prateći malo poizdalje razgovor u krugu, fra Petar je osećao nekog iza sebe. Kad se okrenuo da pode, pred njim je stajao Haim.

– Что известно? Откуда известно? Что ты, слепец, можешь знать об этих вещах?

– А что же ему не знать? Будто ты один живешь на свете! – возмущаются какие-то голоса.

– Не перебивайте, пусть рассказывает! – требуют другие.

– Рассказывай, чего там! Еще обращать внимание на каждого!

Могучий человек с мощным голосом отказывается, жестами и мимикой выражая отвращение.

– Честное слово, противно говорить. К чему рассказывать слепому *щенку*?

Но кругом настаивают, и, в конце концов успокоившись, он продолжает свой рассказ о грузинке и ее глазах, хотя все еще не перестает возмущаться.

– И когда кто-нибудь вот так говорит: «У нее чудные глаза», – я прямо сам не свой. Какие глаза, чтоб ты окосел! Когда ты видишь ее очи, тебе и в голову не придет, что это такие же самые смотрелки, как у каждого из нас! Ведь это же небесные поля, озаренные солнцем и луной! Каких только звезд и облаков, каких чудес нет на этих полях! Эх ты, бедняга! Смотришь, каменеешь и таешь. Нет тебя! Разве это просто глаза? *Конечно*, и они смотрят, но это для них самое пустячное дело, можно сказать – последнее. Очи! Что такое наши глаза, которые помогают нам лишь попасть в дверь и не пронести ложку мимо рта? И что такое – то чудо небесное! Никакого сравнения. Такое однажды может появиться на земле, однажды – и никогда больше. Да это и к лучшему. Меньше мук и горя. Такие красавицы не должны умирать, как все люди, или уж пусть вообще не рождаются.

Человек вдруг умолк. Голос отказал. Из толпы тоже ни звука. Это длилось мгновение. А затем снова начались препирательства, послышался смех, неясный говор многих голосов и смачная ругань. Прислушиваясь издали к этому рассказу, фра Петар почувствовал, что за его спиной кто-то стоит. Он повернулся, чтобы отойти, и увидел Хаима.

Na svojim šetnjama po avliji on tako redovno nabasa na Haima koji, gonjen nemirom i sav ustreptao, neprestano menja mesto. Gde god dođe sa svojim zavežljajem stvari njegova sumnja u sve i svakog već ga čeka tu. On odmah preduzima svoje "mere predostrožnosti". A posle dan-dva napušta to mesto i traži novi i sigurniji ležaj. Pri susretima sa fra-Petrom nekad prođe kao da ga ne poznaje, nekad ga samo pozdravi lakim pokretom glave, značajno trepćući očima, a nekad priđe i razgovara slobodno, dok se opet nečeg ne priseti i ne krene dalje. Tako je i sad sam stao pored fra-Petra i sam počeo razgovor o čoveku sa promuklim basom. I tu je već sve znao:

To je čovek niskog porekla koji je svojom velikom snagom i svojom umešnošću dospeo u društvo gospode. Nekoliko godina bio je prvak u rvanju, poznat u celoj Turskoj. Bio je vojni nabavljač, vlasnik kafana, pa posrednik u svakojakim poslovima. Veliku je paru taj preko ruke preturio. Inače, kockar i pijanac i naročito ženskar. Tako je uhvatio neku bolest. Nikad nije bio čistih ruku ni razlikovao svoje od tuđeg, ali nekako mu je prolazilo olako dok je bio u snazi i pameti. Ima dve-tri godine da je stao da pada sve niže i niže, počeo da gubi svaki račun. Žene mu ispile mozak i oronuo snagom. Najposle ga njegovo nekadašnje društvo pustilo niz vodu. Pomešao se sa najnižim kriminalcima. Tako kao *višestruki* bankrot i *varalica*, i dospeo ovamo. Tek je drugi mesec da je tu, pod istragom, a lepo se vidi kako iz dana u dan sve više opada i kako mu ono malo pameti lapi. Više ne razlikuje ono što jeste i što može biti od onog što ne biva. I samo o ženama govori. To je bolest. On, očigledno, ne bi mogao ni zamisliti da može negde biti ženske ljubavi, ljubavne strasti ili samo pomisli, a da on ne učestvuje i njima. I topi se i nestaje kao parče šećera u vodi. Od nekadašnjeg siledžije i rasipnika nije ostalo gotovo ništa do ovo prazno prepiranje sa dokonjacima i stalna potreba za govorom i pričanjem. U poslednje vreme sve je osetljiviji, nekako se istanjio i profinio. Pričanje mu je sve življe i bogatije. Njegova nekad čuvena glasina sad je promukla, stalno uzbuđena i

Слоняясь по Двору, он постоянно натыкался на Хаима. От вечного беспокойства и страха бедняге не сиделось на месте. Стоило ему обосноваться где-либо со своим узелком, как его немедленно одолевали сомнения, и он тотчас принимал «меры предосторожности». А день-два спустя уже бросал новое место и искал другое, более надежное убежище. Встречаясь с фра Петаром, он иногда проходил мимо, словно не был с ним знаком, иногда только кивал головой и многозначительно подмигивал, а иногда, не смущаясь, направлялся прямо к нему и свободно разговаривал, пока снова о чем-то не вспоминал и не уходил.

Так и сейчас: он сам подошел к фра Петару и сам затеял разговор о человеке с глухим басом. И о нем Хаим знал все.

Это был человек из низов, который, благодаря своей огромной физической силе и сметливости, выбился в люди. Несколько лет он был самым известным борцом в Турции. Занимался военными поставками, имел свой трактир, посредничал в различных делах. Большими капиталами ворочал. А вообще был картежником, пьяницей и главное – бабником. Вот и подхватил какую-то болезнь. Он был нечист на руку, не отличал свое от чужого, но, пока был в силе и в здравом рассудке, это ему сходило с рук. А два-три года назад он начал опускаться все больше и больше и потерял всякую совесть. Женщины высосали из него силы, и он рухнул. В конце концов, прежние дружки бросили его на произвол судьбы. Он связался с самыми последними подонками. Попал он сюда после *многократный* банкрот и *аферист*. Второй месяц находится под следствием, а заметно день ото дня слабеет и умом и телом, не различает то, что есть на самом деле или может быть, от того, чего быть не может. И говорит только о женщинах. Это болезнь. Он, очевидно, не допускает мысли, что где-нибудь на свете может быть любовь, страсть или просто влечение, в которых он бы не принимал участия. И на глазах худеет и тает, как сахар в воде. От прежнего волокиты и кутилы осталась тень. Способен он только на праздную перебранку с бездельниками, и его терзает постоянная потребность

tronuta, na mestima sa suzним, grčevitim prekidima koje on uzalud zataškava i maskira svojim izdiranjem na one koji ga okružuju.

- Taj ne može više da ne govori. Popustili obruči i vidite da curi na sve strane. Gotov je!

Sigurnim, povišenim glasom, gotovo veselo, pričao je Haim i dalje o svemu i svačemu. Ali onda se odjednom trgnuo, pogledao kao probuđen oko sebe, trepnuo sa oba oka, dajući tako sabesedniku tajanstven i nerazumljiv znak i bez pozdrava otišao dalje sporim korakom, oborene glave, kao čovek koji traži što nije izgubio.

A fra Petar produžuje svoju šetnju niz Avliju, do nekog drugog kruga, pitajući se ima li igde razumna čoveka i razgovora, i tražeći, kao lek što se traži, malo zaborava i rasonode.

Rečeno je napred, i istina je, da se život u Avliji stvamo ne menja nikad. Ali menja se vreme i s vremenom slika života pred svakim od nas. Počinje da se smrkava ranije. Javlja se strepnja od pomisli na jesen i zimu, na duge noći ili kišovite, hladne dane. I život je pred fra-Petrom uvek isti, ali kao neki uzan i sve slabije osvetljen hodnik koji se primetno ne menja, ali za koji se zna da sa svakim danom biva za prst-dva uži. Od toga nailaze na apsenika kratke ali neodoljive panike pod kojima klone i najtvrdi, bar za koji trenutak.

O tim danima fra Petar je pričao dugo. Podižući se s vremena na vreme i nameštajući se na jastuku, zagledan u snežnu daljinu i prateći sećanje u stopu, govorio je sniženim a jasnim glasom:

"Vidim, oduljilo se ovo moje tamnovanje na pravdi boga. Dok sam ono

говорить и рассказывать. В последнее время он становится все чувствительнее, словно бы даже тоньше и изящнее. А рассказы – ярче и богаче. Его некогда знаменитый бас осип, то и дело срывается от постоянной чувствительности и внутреннего умиления; по временам его душат слезы, которые он безуспешно пытается подавить и скрыть, набрасываясь на тех, кто его окружает. – Он не может больше не говорить. Обручи разохлись, и бочка течет со всех сторон. Скоро ему конец!

Уверенно, громко, почти весело болтал Хаим о всякой всячине. Но вдруг вздрогнул, огляделся, словно его только что разбудили, мигнул обоими глазами, подавая собеседнику таинственный и непонятный знак, и, не прощаясь, пошел прочь тихим шагом, опустив голову, с видом человека, который ищет то, чего не терял.

А фра Петар продолжал бродить по Двору, от одной группы к другой, спрашивая себя, неужели ему так и не найти здесь ни одного разумного человека, не услышать ни одного толкового слова, не обрести забвения, которое ему нужно как лекарство.

Уже было сказано, и вполне справедливо, что жизнь в Проклятом дворе, по сути дела, никогда не менялась. Но время идет, а с ним меняется внешняя сторона нашего существования. Начинает раньше смеркаться. Тревожат мысли об осени и зиме, о долгих ночах и холодных, дождливых днях. Жизнь вокруг фра Петара как будто бы и прежняя, но не совсем, – она похожа на узкий и плохо освещенный коридор, который заметно не меняется, но о котором хорошо известно, что с каждым днем он становится темнее и на палец-два уже. По временам от этого ощущения заключенные впадают в отчаяние, способное, пусть ненадолго, согнуть даже самых сильных.

Об этих днях фра Петар рассказывал помногу. Иногда он замолкал, приподнимался на подушке, устраивался поудобней и, не отводя глаз от снежной дали за окном, продолжал, несколько понизив голос, припоминать шаг за шагом далекое прошлое.

– Чувствую, затянулось мое безгрешное заключение.

deverao s jadnim Čamilom i brinuo zbog njega, nekako sam manje mislio na sebe i svoju nevolju. A sad ne mogu da se odbranim od toga. Opominjem sam sebe na strpljenje, ali strpljenje me izdaje. Duga noć, još duži dan, a teška misao. Najgore mi je što znam da sam nevin, a niti me ispituju niti mi ko spolja šta javlja. Kad to pomislim, udari mi krv u glavu pa obnevidim i dođe mi da vičem na sav glas. Ali se stišavam, trpim i jedem se u sebi, i samo se pitam šta li me još čeka. Svašta mi iskače pred oči, samo izlaza ne vidim. Nigdje čovjeka da porazgovaram s njim, a ubi me nerad i besposlica. Raspitivao sam se ima li kakva posla za mene, da se popravi kahveni mlin, da se kuriše neki sahat. Šta bilo. Jer, od tog sam esnafa. Ali me čuvar gleda i riječi ne govori. Molim ga da pita starješinu. Sutradan on mi kaže: „Sjedi s mirom i ne pominji to više!" I okrenu mi leđa. Htio sam da se pravdam, ali on se obazrije i odmjeri me ružno.

- Ono biva da neki nabavi krišom turpiju ili dljeto, kako bi lakše odavde izišao, ali da ih mi sami nekom dajemo, to ne biva. Nisi to dobro smislio.

I rekavši to, pljunuo je i otišao. Ostao sam kao poliven. Htio sam da vičem za njim, da sam nevin i da ni pomišljao nisam na bježanje. Suze su mi navrle od neke sramote. Sam ne znam zašto. Ali kad sam malo razmislio, vidio sam da čovjek govori pravo. I krivo mi je bilo više na sebe nego na njega. Gdje mi bi pamet? Kad Ijudi dopadnu ovog čega sam ja dopao, onda im niko ne može vjerovati. A ja zaboravio gdje sam!

I tako opet, dokon i brižan, čekaj da prođe dan i dođe noć koja prolazi još sporije.

Jednog dana pustiše i onu dvojicu trgovaca iz Bugarske i umjesto u progonstvo oni krenuše svojim kućama. Po običaju i radi sevapa pokloniše mi asuru na kojoj su ležali. Uzmi, kaže jedan, pa i tebe sunce

Пока я горевал о несчастном Чамиле и тосковал о нем, я меньше думал о себе и своей беде. А теперь не могу отделаться от этих мыслей. Призываю самого себя к терпению, но терпения не хватает. Ночи длинные, дни еще дольше, и все время черные мысли. Хуже всего, что знаю – невиновен я, но меня не допрашивают, и вестей с воли нет. Стоит об этом задуматься – ударит кровь в голову, прямо слепну, и хочется кричать в голос. Но смиряю себя, терплю и тихонько терзаюсь одним вопросом: что меня еще ждет? Всякое лезет в голову, но выхода я не вижу. И нет человека, с кем можно было бы поговорить, а праздность и безделье убивают. Это для меня хуже всего. Не привык. Ни книги нет, ни какого-нибудь инструмента. Спрашивал, не найдется ли какого дела – починить кофейную мельницу или часы. Все равно что. По моей это части. Но стражник смотрит и ни слова не говорит. Прошу его, пусть узнает у старшего. На следующий день он мне говорит: «Сиди тихо и больше об этом не заикайся!» И повернулся спиной. Я начал оправдываться, он огляделся по сторонам и зло смерил меня взглядом.

– Бывает, иные умудряются раздобыть напильник или долото, думают так поскорее отсюда выбраться, но чтобы мы сами давали арестантам напильники – такого еще не случалось! Плохо ты придумал. – Сказал так, сплюнул и отошел.

Я почувствовал себя уничтоженным. Хотел крикнуть ему, что я не виноват и не собираюсь бежать. От какого-то непонятного стыда на глаза навернулись слезы. Сам не знаю почему. Но, поразмыслив, я понял, что он прав. И винил я уже скорее себя, чем его. Где была моя голова? Когда люди попадают туда, куда я попал, им ни в чем нет веры. А я забыл, где нахожусь!

И так снова, терзаясь от тревог и безделья, жду, чтоб прошел день и наступила ночь, которая тянется еще медленней.

Однажды выпустили обоих торговцев-болгар – вместо каторги они отправились домой. Согласно обычаю и желая сделать доброе дело, они подарили мне циновку, на которой лежали. «Возьми, – сказал

da ogrije! A sve šapuće i zakreće glavu u stranu. Otišli su k'o dvije sjenke. Nisu smjeli ni da se raduju. Bez njih mi još teže. A kraj sve svoje brige jednako mislim i na Ćamila i njegovo pričanje i zlu sudbinu. Počinje da mi se priviđa.

Poranim ja tako, u samu zoru, i jedva čekam da se vrata otvore. Izađem iz onog smrada i one tjeskobe, umijem se na česmi, pa sjednem i uživam, dok još nije povrvio onaj narod iz svojih ćelija. A kakvo je svitanje u Stambolu! Kazati se ne može. To nit' sam prije toga vidio nit' ću ikad više vidjeti. (Bog zar tako htio i dao svaku ljepotu *dušmaninu!*) Nebo porumeni pa side na zemlju; ima ga za svakog, za bogata i za siromaha, za sultana i za roba i apsenika. Sjedim tako i uživam i pušim, ako se nađe, a od duhana sve mi se glava zanosi. Dim oko mene, a uza me se kao privije Džem-Ćamil, neispavan, blijed, suznih očiju. I ja razgovaram s njim srdačno i prosto, kako nikad nisam mogao ni umio dok je bio tu i dok smo se viđali, onako kako bih razgovarao sa nekim mlađim od fratara iz mog manastira, kad ga napadne *taedium vitae*. Uхватим ga za ramena i prodrmam.

- Uranio, zoru prevario! Svanulo, Ćamil efendija. Hej!

A on odmahuje glavom.

- Za mene je — kaže — a ponoć a zora, sve isto. Nema svanuća.

- Ama kako nema, bolan brajko? Ne huli i ne govori *budalaštine*.

Dok god ima mraka, biće i svanuća. Vidiš li ti ovu ljepotu u boga?

- Ne vidim - kaže on oborene glave a glas mu se lomi.

A meni ga dođe žao pa ne znam što bih učinio da mu pomognem. Oko nas sva Prokleta avlija sjajem prelivena.

- Ajde, jadan, ne govori što ne treba i ne griješi duše. Daće bog,

один из них, – и пусть и тебе улыбнется счастье». Но все это по-прежнему шепотом, отворачиваясь в сторону. Исчезли, словно две тени. Даже радоваться не смели. Без них мне еще тяжелее стало. Но, несмотря на свою муку, я не мог забыть Чамила, его рассказ и горькую его долю. Он мне уже начал мерещиться.

Проснусь, бывало, рано, на заре, и жду не дождусь, когда откроют двери. Выйду из смрада и тесноты, умоюсь у колонки, сяду и блаженствую, пока не высыплет народ из своих камер. А до чего хорош рассвет в Стамбуле! Рассказать невозможно! Ничего подобного я не видел за всю свою жизнь и уж больше не увижу. (И почему бог дал такую красоту *неверным!*) Небо розовеет и медленно спускается на землю, и хватает его всем: и богатому, и бедному, и султану, и рабу, и арестанту. Сижу я так, упиваюсь красотой и курю, если есть что, а от табака голова чуть-чуть кружится. Дымок колышется вокруг меня, а в нем словно покачивается Джем-Чамил, слабый такой, бледный, со слезами на глазах. И я разговариваю с ним сердечно и просто, как не мог и не умел говорить, когда он был здесь и мы часто виделись. Беседую с ним, словно с кем-нибудь из наших молодых монахов, когда нападет на них *taedium vitae*.⁵ Беру за плечи и легонько встряхиваю. – Рано встал, зарю обогнал! Рассвело, Чамил-эфенди. Эй! Он качает головой.

– Для меня, – говорит, – что полночь, что заря – все едино. Нет для меня рассвета.

– Ну как же нет, братец? Не возводи на мир хулы и не говори *глупостей*. Пока есть тьма, будет и рассвет. Смотри, какая вокруг божья красота!

– Не вижу, – говорит он, опустив голову, и голос его, срывается.

А мне становится так его жаль, что на все готов, лишь бы ему помочь. Вокруг нас Проклятый двор, сверкающий в лучах солнца.

– Слушай, милый, не говори, чего не следует, не бери греха на

⁵ Отвращение к жизни (*лат.*).

ozdravićeš ti od te tvoje bolesti i još se u zdravlju i na slobodi svakog dobra i svake ljepote nagledati.

A on samo obara glavu.

- Ne mogu ja - kaže - dobri čovječe, ozdraviti, jer ja nisam bolestan, nego sam ovakav, a od sebe se ne može ozdraviti.

I sve tako govori koješta, zamršeno i nejasno, ali tužno; najtvrdog čovjeka da rasplače. Tješim ga uzalud. Korim ga očinski što ne vidi ono što je oko njega, a vidi ono čega nema. A pravo govoreći, nekako se i meni smrači jasno jutro. Pa opet okrećem na šalu. Vadim duhan.

- Ajde da zapalimo po jednu i da tresnemo rđom o zemlju, majka mu stara! Hoćemo li?

- Hoćemo - kaže on, više zbog mene - hoćemo!

I uzme da puši, ali ko zna gdje je njegova misao. A puši kao mrtvim ustima i gleda me kroz suze, nesretni Džem. Cigara mu se gasi.

Neko negdje vikne (to se dvojica pobila) i trgne me. Prenem se, a ono nikog pored mene nema. Moja se cigara ugasila, a ruka mi još ispružena. Pa to sam ja sam sa sobom razgovarao! Uplašim se od ludila kao od zarazne bolesti i od pomisli da ovdje i najzdravijem čovjeku počinje s vremena da se muti i privida. I stanem da se otimam. Branim se u sebi, naprežem se da se sjetim ko sam i šta sam, odakle sam i kako sam ovamo došao. Ponavljam sam sebi da osim ove Avlije ima i drugog i drugačijeg svijeta, da ovo nije sve, i nije zauvijek. I trudim se da to ne zaboravim i da ostanem kod te misli. A osjećam kako Avlija kao vodeni vrtlog vuče čovjeka na neko tamno dno."

Nije lako ni najtvrdem čoveku provoditi dan i čekati sumrak sa takvim mislima; a dan ne donosi ni promene ni nade. Jedino Haim ako pride. On pride svakog dana, ali sa njim ne može biti pravog razgovora. On, siromah, sve dublje tone u svoja mračna pričanja i uobražene strahove. Uzalud ga fra Petar svaki put pita da li je šta čuo o Ćamilu. Ništa ne zna,

душу. Даст бог, избавишься ты от своей болезни и на свободе, здоровый, насмотришься еще всякой благодати и всякой красоты.

Он только голову опускает.

– Не могу я, – говорит, – добрый человек, поправиться, потому что не болен я ничем, а уж такой от природы – сам от себя не вылечишься.

И все говорит какую-то чепуху, путано и невнятно, но очень грустно; и самый крепкий человек не выдержит – расплачется. Утешаю его, да напрасно. Укоряю по-отцовски: не видит он, мол, того, что есть, а видит то, чего нет. А по правде сказать, и для меня как-то мрачнеет ясное утро. Но все же стараюсь шутить. Вынимаю табак.

– А ну, давай-ка закурим лучше, да и стряхнем кручину с плеч, туды ее растуды! Закурим?

– Давай, – говорит он, только чтоб не обижать меня. – Ладно!

И курит, но кто знает, где витают его мысли. А губы еле движутся, как мертвые, и смотрит на меня сквозь слезы несчастный Джем. Цигарка в руках у него гаснет.

Раздается крик (где-то завязалась драка), и я прихожу в себя. Огляделся, рядом со мной – никого. Моя цигарка погасла, а рука еще вытянута. Значит, я разговаривал сам с собой! Боюсь безумия, как заразы, боюсь даже допустить, что здесь и у здорового человека может помутиться рассудок. Я стараюсь сопротивляться. Креплюсь, заставляю себя вспоминать, кто я и что, откуда и как здесь очутился. Повторяю сам себе, что, кроме Проклятого двора, есть и другой, совсем иной мир и не вечно же мне томиться тут. Изю всех сил стараюсь всегда об этом помнить. Но чувствую, что Двор, как омут, затягивает меня куда-то на дно, в темноту.

Нелегко даже очень сильному человеку коротать день и встречать ночь с такими мыслями, когда новый день не приносит с собой ни перемен, ни надежды. Разве что Хаим придет. Он подходит ко мне ежедневно, но с ним как следует не поговоришь. Он, бедняга, все больше подчиняется власти своих мрачных рассказов и

i više ga to ne zanima. On kao da se i ne seća mladića iz Smirne. U njemu sve vri od drugih, novih strahota i optužba koje priča isto onako žustro i sa pojedinostima, kao da je sve gledao i preživeo, pa ih isto tako brzo zaboravlja. Izgleda da vaskoliki svet nema za njega dovoljno crnih vesti i nepravdi i stradanja. Sve ih on brzo u sebi preradi, ispriča, i zaboravi.

Priđe Haim, posle čitavog rituala od nekih "mera", sedne pored "jedinog čoveka kome se ovde može verovati", a fra Petar se usiljava da bude veseo, tapše ga po ramenu.

- Šta je, Hajmo, *razbibrigo* moja, šta ima novo?

Ali Haim ga gleda ukočenim pogledom svojih po položaju nejednakih zenica, i kao da nije ni čuo njegove reči, kaže tmulim glasom:

- Slušajte, ja ne znam da li ste vi mislili o tom, ali meni se u poslednje vreme sve češće vraća misao: da ovde i nema zdrava čoveka pri čistoj pameti. Verujte! Sve sam bolesnik i ludak, i stražari i apsenici i špijuni (a gotovo svi su špijuni!), da i ne govorim o najvećem ludaku, Karađožu. U svakoj drugoj zemlji na svetu on bi bio odavno u ludnici. Ukratko, sve ludo, osim vas i mene.

Glas mu je drhtao. To prisili fra-Petra da podigne oči i da ga bolje pogleda. Haim je bio još mršaviji, uvek jednako neobrijan, sa crvenim i suznim očima, kao da je dugo sedeo kraj nekog dimljiva ognjišta. Glava mu je lako podrhtavala, a glas je bio siktav i prigušen.

- Sve sâm ludak, časti mi!

Fra Petar oseti nelagodnost, i laku jezu uz potiljak. Učini mu se, za trenutak, da Prokleta avlija zaista nema izlaza.

A desilo se da je tog dana dobio prvu i radosnu vest spolja.

Šeta, kao svakog jutra, po avliji. Dva mlada apsenika, dečaci gotovo, jure jedan drugog u trku, praveći krugove oko fra-Petra i zaklanjajući se

воображаемых страхов. Напрасно всякий раз спрашивает его фра Петар, не слышал ли он что-либо о Чамиле. Тот ничего не знает, и это его уже не интересует. Он словно и забыл юношу из Смирны. В нем все кипит от новых ужасов и новых дел, о которых он рассказывает так же быстро, со всеми подробностями, как будто все сам видел и пережил, но и их тут же забывает. Кажется, мир не в состоянии утолить его жажду черных вестей, страданий и неправды. Он их стремительно поглощает, рассказывает и забывает. Подойдет Хаим после целого ритуала всяких «мер», сядет возле «единственного человека, которому здесь можно доверять»; фра Петар старается казаться бодрым, треплет его по плечу:

– Ну что, Хаим, *радость моя*, что новенького?

Но Хаим смотрит на него своими неподвижными, чуть-чуть раскосыми глазами и, словно не слыша этих слов, говорит страдальчески и глухо:

– Слушайте, я не знаю, думали ли вы об этом или нет, но мне в последнее время все чаще приходит в голову мысль, что здесь не осталось никого, кто был бы в своем уме. Поверьте мне! Сплошь одни больные и помешанные – и стражники, и арестанты, и шпионы (а тут чуть ли не все шпионы!), я уже не говорю о самом большом безумце – о Караджозе. В любой другой стране он давно был бы в сумасшедшем доме. Короче, все безумные, кроме вас и меня.

Голос его дрожал. Фра Петар поднял глаза и посмотрел на него внимательней. Хаим еще больше похудел, был по-прежнему небрит, его красные глаза слезились, словно он долго сидел у дымного очага. Голова тряслась, голос был сиплый и глухой.

– Сплошь сумасшедшие, честное слово!

Фра Петар ощутил какое-то неприятное чувство страха и легкий озноб. На мгновение ему показалось, что из Проклятого двора действительно нет выхода.

Но случилось так, что в тот же самый день он получил первую радостную весточку с воли.

za njega. Bilo mu je nezgodno, a krugovi su se sve više sužavali. I pre nego je uspeo da se skloni od obesnih mladića, jedan od njih se, onako u trku, priljubi sasvim uz njega, kao uz živ zaklon, i fra Petar oseti kako mu tutnu u ruke neku savijenu hartiju. Mladići produžiše svoju trku dalje od njega, a on se, zbunjen i uplašen, povuče u dno avlije. Na hartiji je pisalo turski, nepoznatom rukom: "Perkan će biti pušten na slobodu za dan-dva."

Nemimo je proveo taj dan i noć za njim. Po svemu je bilo jasno da je samo fra Tadija mogao biti taj koji je poslao ovu vest.

A sutradan je zaista došao čuvar i rekao mu da skupi svoje stvari i da se spremi za putovanje. Preveče je izveden i otpremljen - u progonstvo u Akru. Sve i da nije bio siguran da ceduljica potiče od fra-Tadije, sad bi se uverio, jer taj nikad ništa u životu nije tačno predvideo.

Te noći je fra Petar sa azijske obale, gde je trebalo da se prognanici iskupe pre polaska, video prvi i poslednji put Carigrad u svoj njegovoj sili i lepoti. - Vazduh je bio mlak i sladunjav. Čovek se osećao zbunjen i izgubljen među dve desetine saputnika. Noć bez zvezda i meseca. A pred njima se celom jednom stranom mračnog vidokruga dizao većemji Stambol, nalik na vatromet koji se zastao u poletu. Bio je ramazan i na munarama svih džamija goreli su kandilji trepući kao pravilna sazvežda iznad bezbrojnih gradskih svetlosti. Većina osuđenika je sedela oborene glave. Neki su već ležali. Fra Petar je jedno vreme gledao to što je danju Stambol, a što se sada moćno i izazovno propinje kao iskričav talas put nevidljivog neba, u beskrajnu noć. (Koliko je trebalo da se užegu tolika svetla? Ko će ih ikad moći pogasiti?) Izgledalo mu je da tu nema nigde mesta za Prokletu avliju, a ipak ona je tamo negde, na jednoj od onih malih tamnih površina, među gusto razasutim svetiljkama. Zamoren, on se najposle okrenuo na drugu stranu, ka mračnom, nemom istoku, ali i tu kao tamo na osvetljenom vidiku bila je misao o Proklesoj avliji. Ona je

Он бродил, как и каждое утро, по Двору. Двое молодых арестантов, почти мальчишки, бегали друг за дружкой, крутились вокруг фра Петара, прятались за ним. Он уже начал раздражаться, а парни льнули к нему все больше. И прежде чем ему удалось увернуться от разыгравшихся ребят, один из них на бегу прижался к нему вплотную, как к живому заслону, и фра Петар ощутил в своей руке свернутую бумажку. Парни продолжали свою возню, но уже отбежали подальше, а он, испуганный и растерянный, поспешил в укромный уголок. На бумажке незнакомым почерком было написано по-турецки: «Петара отпустят на свободу дня через два». Тревожно провел он этот день и ночь. Было ясно, что записку мог послать только фра Тадия.

А на следующий день действительно пришел охранник и сказал, чтобы он собирал свои вещи и готовился в дорогу. Перед вечером его отправили в ссылку в Аккру. Теперь не оставалось никакого сомнения, что записку послал фра Тадия, потому что этот человек никогда в жизни ничего не мог предусмотреть правильно.

В ту ночь, ожидая на азиатском берегу отправки вместе с другими арестантами, фра Петар в первый и в последний раз увидел Стамбул во всем его могуществе и красоте. Воздух был теплый и сладковатый. Фра Петар чувствовал себя смущенным и растерянным среди двух десятков своих спутников. На небе ни звезд, ни месяца. А перед ними во весь темный горизонт поднимался вечерний Стамбул, словно фейерверк, застывший в полете. Был рамазан, и на минаретах всех мечетей горели площадки, образуя правильные созвездия над бесчисленными городскими огнями. Большинство арестантов, понурясь, сидели на земле. Остальные лежали. Фра Петар некоторое время смотрел на то, что днем называется Стамбулом и что сейчас могучей искристой волной вздымалось к невидимому небу в бесконечную ночь. (Сколько времени понадобилось, чтобы зажечь эти светила? Сможет ли кто-либо их погасить?) Казалось, что в этом городе нет места для Проклятого двора, но он все же существовал где-то там,

pošla sa njim na put i pratiće ga na javi i snu, do Akre, za vreme boravka u Akri, i posle toga.

- I u Akri sam svašta video i doživeo. Nešto sam ti i pričao, a imalo bi da se priča još. Tu sam dosta prognanih ljudi sreo, svake vjere i svakog naroda, i krivaca i, još više, nevinih. Mnogi su od njih proveli po nekoliko mjeseci u Prokletoj avliji i poznavali Karađoza. A jedan mlad čovjek iz Libana uhvatio mu je i hod i glas, pa bismo se iskidali od smijeha kad bi ispred nas šetao i vikao: "Šta kažeš, ni kriv ni dužan nisi? E, to je dobro, baš takav nam jedan treba!" To je bio debeljušan čovjek, širi nego duži, velike obrijane glave sa naočarima od debelog stakla, i sav nekako od šale i smijeha. Bio je kršćanin. A kad smo se malo bolje upoznali, i ja mu se rekao ko sam i odakle sam, uvidio sam da je mnogo pametniji i opasniji nego što se pokazuje. Političar neki, izgleda. Šali se, šali, pa istom sjedne do mene i kaže kroz smijeh: "Ah, dobar je, dobar Karađoz." Ja se čudim: "Kako dobar, jedna mu dobrota!" "Ne, ne, to je pravi čovjek na pravom mjestu u današnje vrijeme" odgovara on. I onda mi kaže sasvim drugim glasom, na uho: "Ako hoćeš da znaš kakva je neka država i njena uprava, i kakva im je budućnost, gledaj samo da saznaš koliko u toj zemlji ima čestitih i nevinih ljudi po zatvorima, a koliko zlikovaca i prestupnika na slobodi. To će ti najbolje kazati." - Sve mi to govori kao uzgred, pa se odmah diže i s rukama u džepovima šeta i više kao Karađoz i sve nas nagoni na smijeh. A u toj šali i smijehu ja sam uvijek mislio na Čamila i teško mi je bilo što nemam s kim da razgovaram o njemu. Jer nikad mi, čini mi se, živa čovjeka nije bilo tako žao.

на одном из маленьких темных пятен, окруженных густо рассыпанными огоньками. В изнеможении фра Петар обернулся к темному, немому востоку, но все равно его не покидала мысль о Проклятом дворе. Она отправилась вместе с ним в дорогу, она во сне и наяву преследовала его и по пути в Аккру, и в Аккре, и после нее.

– И в Аккре я много видел и пережил. Кое-что я уже рассказывал, да можно было бы рассказывать без конца. Там я встретил уйму ссыльных, людей разных религий и национальностей. Были там и преступники, но больше было невинных. Многие из них по несколько месяцев провели в Проклятом дворе и знали Караджоза. Один юноша из Ливана в точности представлял его походку и голос, и мы помирали со смеху, когда он прохаживался перед нами и кричал: «Как ты сказал? Ни в чем не виноват? Э, это хорошо, ты-то нам и нужен». Этот юноша был толстяк, поперек себя шире, с большой бритой головой и в очках с толстыми стеклами. Все, бывало, сыплет шутками да смеется. Между прочим, христианин. Когда мы немного ближе познакомились и я сказал ему, кто я и откуда, то почувствовал, что он и умнее и опаснее, чем кажется. Какой-нибудь политический деятель, наверно. Шутит, шутит, а потом подсядет ко мне и скажет сквозь смех: «Эх, до чего же хорош этот Караджоз». Я удивляюсь: «Как так хорош, чтоб ему пусто было!» – «Нет, нет, это настоящий человек, и сидит он на самом подходящем по нынешним временам месте», – отвечает он. А потом уже другим голосом пояснит мне на ухо: «Если хочешь понять, что представляет из себя то или иное государство и его правительство и что ожидает их в будущем, постарайся узнать, сколько в этой стране честных и невинных людей сидит по тюрьмам и сколько злодеев разгуливает на свободе. Это тебе все скажет. Заметит так, словно между прочим, тут же поднимется и, засунув руки в карманы, начнет расхаживать да передразнивать Караджоза и всех нас смешить. Слушая эти шутки и смех, я всегда вспоминал о Чамиле, и мне было тяжело, что нет человека, с

Osam meseci je ostao fra Petar u Akri. I tek tada je na zauzimanje svojih fratara i nekih uglednih Turaka pušten i vratio se u Bosnu, u isto doba godine u koje je i krenuo iz nje godinu dana ranije, zajedno sa fra-Tadijom Ostojećem koji je za sve to vreme ostao u Carigradu i radio na sve strane da ga oslobodi.

I tu je kraj. Nema više ničeg. Samo grob među nevidljivim fratarskim grobovima, izgubljen poput pahuljice u visokom snegu što se širi kao okean i sve pretvara u hladnu pustinju bez imena i znaka. Nema više ni priče ni pričanja. Kao da nema ni sveta zbog kog vredi gledati, hodati i disati. Nema Stambola ni Proklete avlije. Nema ni mladića iz Smirne koji je jednom umro još pre smrti, onda kad je pomislio da je, da bi mogao biti, nesrećni sultanov brat Džem. Ni jasnog Haima. Ni crne Akre. Ni ljudskih zala, ni nade i otpora koji ih uvek prate. Ničeg nema. Samo sneg i prosta činjenica da se umire i odlazi pod zemlju.

Tako izgleda mladiću pored prozora, kog su za trenutak zanela sećanja na priču i osenila misao o smrti. Ali samo za trenutak. Najpre slabo pa onda življe, kao u sporom buđenju, do svesti mu sve jače dopiru glasovi iz susedne sobe, nejednak zvuk metalnih predmeta što tupo padaju na gomilu i tvrdi glas fra-Mije Josića, koji diktira popis alata, zaostalog iza pokojnog Fra-Petra.

- Dalje! Piši: jedna testera od čelika, mala njemačka. Jedna!

которым я мог бы поговорить о нем. Право, кажется, никогда и никого на свете я не жалел так, как его.

Восемь месяцев провел фра Петар в Аккре. И только тогда, благодаря хлопотам своих монахов и каких-то видных турок, он был выпущен и вернулся в Боснию, в ту же самую пору, в какую год назад отправился из нее вместе с фра Тадией Остоичем, который целый год провел в Стамбуле и делал все, чтобы его освободить.

Вот и конец. Больше ничего нет. Только могила среди других, невидимых сейчас монашеских могил, затерявшаяся, как снежинка, в глубоком снегу, который раскинулся, словно океан, превратив все вокруг в холодную пустыню без имени и примет. Нет больше ни рассказов, ни рассказчика. Будто не осталось и людей, ради которых стоит смотреть, ходить, дышать. Нет ни Стамбула, ни Проклятого двора. Нет юноши из Смирны, умершего раньше смерти – когда бедняга поверил, что он был или мог быть несчастным Джемом, братом султана. Нет горемыки Хаима и мрачной Аккры. Нет ни человеческого зла, ни надежды, ни противоборства, которое их всегда сопровождает. Ничего нет. Только снег и тот простой факт, что все умирает и уходит в землю.

Так представляется сидящему у окна юноше, которого вдруг охватили воспоминания о рассказах фра Петара и осенила мысль о смерти. Но это длится одно мгновение. Сначала слабо, а потом все настойчивей, как при медленном пробуждении, до его сознания доносятся из соседней комнаты глухое звяканье падающих в кучу металлических предметов и хриплый голос фра Мийо Йосича, который диктует опись инструментов, оставшихся после покойного фра Петара.

– Дальше! Пиши: ножовка стальная, маленькая, немецкая. Одна!

Словарь «Проклятого двора» / Реџник «Proclete avlije»***Преступники и преступления***

istraga	следствие
zatvor	тюрьма, арест
krivica	вина, преступление, провинность
obiti	взламывать
krijumčar	контрабандист
lopov	вор
zlikovac	злодей, преступник
prevariti	обмануть, надуть, провести
ološ	сброд
varka	обман
dostavljač	доносчик
mito	взятка
dostava	донос
varalica	обманщик, мошенник, плут, жулик
potvora	клевета
ćelija	келья, камера
propalica	подонок
prolaznik	пересыльный, прохожий
globa	пеня, поборы

Охранники и правосудие

nadzornik	смотритель
čuvar	охранник
kadija	судья
ustanova	заведение
šteta	убыток, потеря, ущерб
naknadljiv	возместимый
obaveza	обязательство, обязанность
porez	налог
namet	подать

Характеристики и состояния

gundati	ворчать, брюзжать
naročit	особый, особенный
gomila	толпа
psovka	брань
ludilo	сумасшествие, помешательство
sukob	столкновение
pregojiti	расползеть
mlohav	изнеженный, избалованный
rđav	скверный, плохой, дурной
ozbiljan	серьезный
uticajan	влиятельный
grditi	ругаться
uplašiti	испугать
brkat	усатый
ohol	заносчивый, высокомерный, надменный
kovrčav	курчавый, кудрявый
krezub	щербатый
mangup	бездельник, шалопай, озорник
školovan	образованный

ćiftinstvo	мещанство, обывательщина
ćalov	болван, олух
dušmanin	заклятый враг
budalaština	глупость
talac	заложник

Национальности, государства и города

Carigrad	Царьград (Константинополь)
Istanbul, Stambol	Стамбул
Čivutin	еврей
Turčin	турок
Grk	грек
Jermenka	армянка
Čerkeskinja	черкешенка
Gruzija	Грузия
Bosna	Босния
Egipat, Mısır	Египет
Bugarska	Болгария
Smirna	Смирна
Francuska	Франция
Turska	Турция
Italija	Италия
ostrvo Rod	Остров Родос
Ugarska	Венгрия

Люди

fratar	брат, монах
mladić	молодой человек, юноша
mornar	морьяк
prosidba	сватовство
vršnjak	сверстник
rodbina	родня
ugled	авторитет
naraštaj	поколение

Прочее

alat	инструменты
ilovača	глина
pruga	полоса
senka	тень
staze	тропинка
svakakav	всякий, всяческий, различный
svakako	обязательно, непременно, во всяком случае,
dušek	матрас
odlomak	отрывок
varošica	городок
čitav	весь, целый, цельный
mamac	приманка
džombast	неровный, ухабистый
vašar	ярмарка
podsetnik	памятка
đavo	чёрт, дьявол, бес
šteta	жаль
prilika	удобный случай, подходящий момент, благоприятное обстоятельство

pacov	крыса
limene sudove	жестяные миски
čegrtaljka	погремушка
naopak	вывернутый, перевёрнутый
naglo	внезапно, неожиданно
zejtin	растительное масло, постное масло
veza	связь
neopaženo	незаметно
iskrsnuti	возникнуть
kretanje	движение
veliš	говоришь
krepati	подохнуть
gomila	куча, груда, ворох
klupica	скамейка
asura	циновка
pokret	движение
dodir	контакт
kovčežić	шкатулка, гробик
iznenađenje	неожиданность
kapak	веко
beonjača	белок глаза
naprasno	скоропостижно
mrtvačak sanduk	гроб
prilika	удобный случай
radoznanost	любопытство
carevine	империя
poverenje	доверие
besposlica	чепуха
pare	деньги
korak	шаг
potući	разбить, победить
utočište, azil	убежище
zatražiti	попросить
pratnja	свита
vrhunac	апогей
ulog	вклад
dosadašnji	бывший
leš	труп
okosnica	канва
trag	след
predstava	наваждение, представление
neiscrpan	неисчерпаемый
teret	бремя, груз
docnije	позже
susret	встреча
ključaonica	замочная скважина
sukob	схватка
vrelina	жар
dabogme	конечно, так, разумеется